

81162

De J

Николай Бердяевъ.

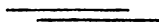
СУДЬБА РОССИИ.

Николай Бердяевъ.

СУДЬБА РОССИИ.

Опыты по психологии войны и национальности.

*Репринтное воспроизведение
издания 1918 года*

ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР

Москва 1990

Николай Бердяевъ.

СУДЬБА РОССИИ.

Опытъ по психологии войны и национальности.

*Репринтное воспроизведение
издания 1918 года*

ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР

Москва 1990

Н. БЕРДЯЕВ
СУДЬБА РОССИИ

*Репринтное воспроизведение
издания 1918 года*

Подписано к печати **15.03.90** Формат **60×84 1/16**

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 14,99 Уч. изд. л. 12,42

2 завод тираж 10 001—20 000 экз.

Тип. зак. 2823. Цена 5 руб.

Отпечатано в Производственно-издательском
комбинате **ВИНИТИ**

г. Люберцы, Москов. обл., Октябрьский пр-т, 403

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Психология русского народа.

	Стр.
Душа России	1—29
О вѣчно-бабьемъ въ русской душѣ	30—42
Война и кризисъ интеллигентскаго сознанія .	43—49
Темное вино	50—55
Азіатская и европейская душа	56—61
О власти пространствъ надъ русской душой	62—68
Централизмъ и народная жизнь .	69—73
О святости и честности	74—80
Объ отношеніи русскихъ къ идеямъ	81—89

II. Проблема національности, Востокъ и Западъ.

Національность и человѣчество	93—101
Націонализмъ и мессіаниззмъ .	102—106
Націонализмъ и имперіализмъ	110—116
Конецъ Европы	117—126
Задачи творческой исторической мысли	127—134
Славянофильство и славянская идея	135—142
Космическое и соціологическое мироощущеніе	143—150

III. Души народовъ.

Судьба Парижа	153—159
Русская и польская душа	160—166
Религія германизма	167—174

IV. Психология войны и смыслъ войны.

Мысли о природѣ войны	177—183
О жестокости и боли	184—189
О правдѣ и справедливости въ борьбѣ народовъ	190—196
Движеніе и неподвижность въ жизни народовъ .	197—202
О частномъ и историческомъ взглядѣ на жизнь	203—210

V. Психология политики и общественности.

Объ отвлеченности и абсолютности въ политикѣ	213—219
Слова и реальности въ общественной жизни	220—225
Демократія и личность	226—232
Духъ и машина	233—240

I.

Психологія руссаго народа.

Міровая опасностьъ.

(Вмѣсто предисловія).

Съ горьнимъ чувствомъ перечитывалъ я страницы сборника, статей, написанныхъ за время войны до революціи. Великой Россіи уже нѣтъ и нѣтъ стоявшихъ передъ ней міровыхъ задачъ, которыя я старался по своему осмыслить. Война внутренно разложилась и потеряла свой смыслъ, Все переходитъ въ совершенно иное измѣреніе. Тѣ оцѣнки, которыя я примѣнялъ въ своихъ опытахъ, я считаю внутренно вѣрными, но непримѣнимыми уже къ современнымъ событіямъ. Все измѣнилось вокругъ въ мірѣ и нужны уже новыя реакціи живого духа на все совершающееся. Эти новыя реакціи нужны и для духа, оставшагося вѣрнымъ своей вѣрѣ, своей идеѣ. Не вѣра, не идея измѣнилась, но міръ и люди измѣнили этой вѣрѣ и этой идеѣ. И отъ этого мѣняются сужденія о міровыхъ соотношеніяхъ. Ни одна изъ задачъ міровой войны не можетъ быть положительно разрѣшена и прежде всего не можетъ быть разрѣшенъ восточный вопросъ. Выпаденіе Россіи изъ войны—фантъ роковой для судьбы войны. И роковой смыслъ этого выпаденія я вижу даже не въ томъ, что онъ даетъ перевѣсъ враждебной намъ сторонѣ. Смыслъ этого событія лежитъ глубже. Русское паденіе и безчестье способствовало военнымъ успѣхамъ Германіи. Но успѣхи эти не слишкомъ реальны, въ нихъ много призрачнаго. Германскія побѣды не увеличили германской опасности для міра. Я даже склоненъ думать, что опасность это уменьшается. Воинственный и внѣшне-могущественный видъ Германіи внушаетъ почти жалость, если всмотрѣться глубже въ выраженіе германскаго лица. Германія есть въ совершенствѣ организо-

ванное и дисциплинированное безсиліе. Она надорвалась, истощилась и принуждена скрывать испугъ передъ собственными побѣдами. Ея владычество надъ огромной и таинственной хаотической стихіей, въ прошломъ именованной Великой Россіей, не можетъ не пугать ее. Она не въ силахъ совладать съ больнымъ и павшимъ нолоссомъ. Она должна будетъ отступить передъ нимъ, истощивъ свои силы. Силы германскаго народа истощаются все болѣе и болѣе, какъ и силы всѣхъ народовъ Европы. И нынѣ передъ европейскимъ міромъ стоятъ болѣе страшныя опасности, чѣмъ тѣ, которыя я видѣлъ въ этой войнѣ. Будущее всей христіанской культуры старой Европы подвергается величайшей опасности. Если міровая война будетъ еще долго продолжаться, то всѣ народы Европы со старыми своими культурами погрузятся въ тьму и мракъ. Съ Востока, не арійскаго и не христіанскаго, идетъ гроза на всю Европу. Результатами войны воспользуются не тѣ, которые на это рассчитываютъ. Никто не побѣдитъ. Побѣдитель не въ состояніи уже будетъ пользоваться своей побѣдой. Всѣ одинаково будутъ побѣждены. Скоро наступитъ такое время, что все равно уже будетъ, кто побѣдитъ. Міръ вступитъ въ такое измѣреніе своего историческаго бытія, что эти старыя категоріи будутъ уже непримѣнны.

Все время войны я горячо стоялъ за войну до побѣднаго конца. И никакія жертвы не пугали меня. Но нынѣ я не могу не желать, чтобы скорѣе кончилась міровая война. Этого должно желать и съ точки зрѣнія судьбы Россіи и съ точки зрѣнія судьбы всей Европы. Если война еще будетъ продолжаться, то Россія, переставшая быть субъектомъ и превратившаяся въ объектъ, Россія, ставшая ареной столкновенія народовъ, будетъ продолжать гнить и гніеніе это слишкомъ далеко зайдетъ къ дню окончанія войны. Темныя разрушительныя силы, убивающія нашу родину, всѣ свои надежды основываютъ на томъ, что во всемъ мірѣ произойдетъ страшный катаклизмъ и будутъ разрушены основы христіанской культуры. Силы эти спекулируютъ на міровой войнѣ и не такъ ужъ ошибочны ихъ ожиданія. Всей Европѣ грозитъ внутренній взрывъ и катастрофа, подобная нашей. Жизнь народовъ Европы будетъ отброшена къ элементарному, ей грозитъ варвари-

зація. И тогда кара придетъ изъ Азіи. На пепелищѣ старой христіанской Европы, истощенной, потрясенной до самыхъ основаній собственными варварскими хаотическими стихіями, пожелаетъ занять господствующее положеніе иная чужая намъ раса, съ иной вѣрой, съ чуждой намъ цивилизаціей. По сравненіи съ этой перспективой вся міровая война есть лишь семейная распря. Теперь уже въ результатѣ міровой войны выиграть, реально побѣдить можетъ лишь крайній Востокъ, Японія и Китай, раса не истощившая себя, да еще крайній Западъ, Америна. Послѣ ослабленія и разложенія Европы и Россіи воцарится китаизмъ и америнизмъ, двѣ силы, которыя могутъ найти точки сближенія между собой. Тогда осуществится нитайсно-американское царство равенства, въ которомъ невозможны уже будутъ нинанія восхожденія и подъемы.

Русскій народъ не выдержалъ великаго испытанія войны. Онъ потерялъ свою идею. Но испытанія этого можетъ не выдержать и вся Европа. И тогда можетъ наступить конецъ Европы не въ томъ смыслѣ, въ какомъ я писалъ о немъ въ одной изъ статей этой книги, а въ болѣе страшномъ и исключительно отрицательномъ смыслѣ слова. Я думалъ, что міровая война выведетъ европейскіе народы за предѣлы Европы, преодолѣетъ замкнутость европейской культуры и будетъ способствовать объединенію Запада и Востока. Я думалъ, что міръ приближается путемъ страшныхъ жертвъ и страданій къ рѣшенію всемірно-исторической проблемы Востока и Запада, и что Россіи выпадетъ въ этомъ рѣшеніи центральная роль. Но я не думалъ что Азія можетъ окончательно возобладать надъ Европой, что сближеніе Востока и Запада будетъ побѣдой крайняго Востока и что свѣтъ христіанской Европы будетъ угасать. А это нынѣ угрожаетъ намъ. Русскій народъ не захотѣлъ выполнить своей миссіи въ мірѣ, не нашелъ въ себѣ силъ для ея выполнения, совершилъ внутреннее предательство. Значитъ ли это, что идея Россіи и миссія Россіи, какъ я ее мыслю въ этой книгѣ, оказалась ложью? Нѣтъ, я продолжаю думать, что я вѣрно понималъ эту миссію. Идея Россіи остается истинной и послѣ того, какъ народъ измѣнилъ своей идеѣ, послѣ того, какъ онъ низко палъ. Россія, какъ Божья мысль, осталась великой, въ ней есть

неистребимое онтологическое ядро, но народъ совершилъ предательство, соблазнился ложью. Въ опытахъ по психологии русскаго народа, собранныхъ въ этой книгѣ, можно найти многое, объясняющее происшедшую въ Россіи катастрофу. Я чувствовалъ съ первыхъ дней войны что и Россія и вся Европа вступаютъ въ великую неизвѣстность, въ новое историческое измѣненіе. Но я вѣрилъ и надѣялся, что въ рѣшеніи таинственныхъ судьбъ человѣчества Великой Россіи предстоитъ активная и творческая роль. Я зналъ, что въ русскомъ народѣ и въ русской интеллигенціи скрыты начала самоистребленія. Но трудно было допустить, что дѣйствіе этихъ началъ такъ далеко зайдетъ. Вина лежитъ не на однихъ крайнихъ революціонно-соціалистическихъ теченіяхъ. Эти теченія лишь закончили разложеніе русской арміи и русскаго государства. Но начали это разложеніе болѣе умѣренныя либеральныя теченія. Всѣ мы къ этому приложили руку. Нельзя было расшатывать историческія основы русскаго государства во время страшной міровой войны, нельзя было отравлять вооруженный народъ подозрѣніемъ, что власть измѣняетъ ему и предастъ его. Это было безуміе, подрывавшее возможность вести войну.

Теперь ужъ иная задача стоитъ передъ нами, да и передъ всѣмъ міромъ. Русская революція не есть феноменъ политической и соціальной, это прежде всего феноменъ духовнаго и религіознаго порядна. И нельзя излѣчить и возродить Россію одними политическими средствами. Необходимо обратиться къ большей глубинѣ. Русскому народу предстоитъ духовное перерожденіе. Но русскій народъ не долженъ оставаться въ одиночествѣ, на которое обрекаетъ его происшедшая катастрофа. Во всемъ мірѣ, во всемъ христіанскомъ человѣчествѣ должно начаться объединеніе всѣхъ положительныхъ духовныхъ, христіанскихъ силъ противъ силъ антихристіанскихъ и разрушительныхъ. Я вѣрю, что раньше или позже въ мірѣ долженъ возникнуть „священный союзъ“ всѣхъ творческихъ христіанскихъ силъ всѣхъ вѣрныхъ вѣчнымъ святынямъ. Начнется же онъ съ покаянія и съ искупленія грѣховъ, за которые посланы намъ страшныя испытанія. Виновны всѣ лагеря и всѣ классы. Исключительное погруженіе Европы въ соціальныя вопросы, рѣшаемые злобой и ненавистью, есть паде-

ніе чловѣчества. Рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, преодо-
лѣвающее соціальную неправду и бѣдность, предполагаетъ
духовное перерожденіе чловѣчества. Цѣлокъ столѣтіе рус-
ской интеллигенціи жило отрицаніемъ и подрывала основы,
существованія, Россіи. Теперь должна она обратиться къ
положительнымъ началамъ, къ абсолютнымъ святынямъ,
чтобы возродить Россію. Но это предполагаетъ перевоспи-
таніе русснаго характера. Мы должны будемъ усвоить себѣ
нѣкоторыя западныя добродѣтели, оставаясь русскими. Мы
должны почувствовать и въ Западной Европѣ ту же все-
ленскую святыню, которой и мы сами были духовно
живы, и искать единенія съ ней. Міръ вступаетъ въ періодъ
длительнаго неблагополучія и великихъ потрясеній. Но ве-
ликія цѣнности должны быть пронесены черезъ всѣ испы-
танія. Для этого духъ чловѣческій долженъ облечься въ
латы, долженъ быть рыцарски вооруженъ.

Въ статьяxъ этихъ я жилъ вмѣстѣ съ войной и писалъ
въ живомъ трепетаніи событія. И я сохраняю послѣдова-
тельность своихъ живыхъ реакцій. Но сейчасъ нѣ мыслямъ
моимъ о судьбѣ Россіи примѣшивается много горнаго
пессимизма и острой печали отъ разрыва съ великимъ
прошлымъ моей родины.

ДУША РОССИИ.

I.

Міровая война остро ставитъ вопросъ о русскомъ національномъ самосознаніи. Русская національная мысль чувствуетъ потребность и долгъ разгадать загадку Россіи, понять идею Россіи, опредѣлить ея задачу и мѣсто въ мірѣ. Всѣ чувствуютъ въ нынѣшней міровой день, что Россія стоитъ передъ великими міровыми задачами. Но это глубокое чувство сопровождается сознаніемъ неопредѣленности, почти неопредѣлимости этихъ задачъ. Съ давнихъ временъ было предчуствіе, что Россія предназначена къ чему-то великому, что Россія—особенная страна, не похожая ни на какую страну міра. Русская національная мысль питалась чувствомъ богоизбранности и богоносности Россіи. Идетъ это отъ старой идеи Москвы, какъ Третьяго Рима, черезъ славянофильство—къ Достоевскому, Владиміру Соловьеву и къ современнымъ неославянофиламъ. Къ идеямъ этого порядка прилипло много фальши и *лжи, но отразилось въ нихъ и что-то подлинно народное, подлинно русское. Не можетъ человѣкъ всю жизнь чувствовать какое-то особенное и великое призваніе и остро сознать его въ періоды наибольшаго духовнаго подъема, если человѣкъ этотъ ни къ чему значительному не призванъ и не предназначенъ. Это биологически невозможно. Невозможно это и въ жизни цѣлаго народа.

Россія не играла еще опредѣляющей роли въ міровой жизни, она не вошла еще по настоящему въ жизнь европейскаго человѣчества. Великая Россія все еще оставалась уединенной провинціей въ жизни міровой и европейской, ея духовная жизнь была обособлена и замкнута. Россіи все еще не знаетъ міръ, искаженно воспринимаетъ ея образъ и ложно и поверхностно о немъ судитъ. Духовныя силы

Россіи не стали еще имманентны культурной жизни европейскаго человѣчества. Для западнаго культурнаго человѣчества Россія все еще остается совершенно трансцендентной, какимъ-то чуждымъ Востокомъ, то притягивающимъ своей тайной, то отталкивающимъ своимъ варварствомъ. Даже Толстой и Достоевскій привлекаютъ западнаго культурнаго человѣка, какъ экзотическая пища, неприлично для него острая. Многихъ на Западѣ влечетъ къ себѣ таинственная глубина русскаго Востока. Но все еще не наступало время признанія за духовной жизнью христіанскаго Востока равноправія съ духовной жизнью Запада. На Западѣ еще не почувствовали, что духовныя силы Россіи могутъ опредѣлять и преобразать духовную жизнь Запада, что Толстой и Достоевскій идутъ на смѣну властителямъ думъ Запада для самаго Запада и внутри его. Свѣтъ съ Востока видѣли лишь немногія избранныя индивидуальности. Русское государство давно уже признано великой державой, съ которой должны считаться всѣ государства міра, и которая играетъ видную роль въ международной политикѣ. Но духовная культура Россіи,—то ядро жизни, по отношенію къ которому сама государственность есть лишь поверхностная оболочка и орудіе, не занимаетъ еще великодержавнаго положенія въ мірѣ. Духъ Россіи не можетъ еще диктовать народамъ тѣхъ условій, которыя можетъ диктовать русская дипломатія. Славянская раса не заняла еще въ мірѣ того положенія, которое заняла раса латинская или германская. Вотъ, что должно въ корнѣ измѣниться послѣ нынѣшней великой войны, которая являетъ собой совершенно небывалое историческое соприкосновеніе и слетеніе восточнаго и западнаго человѣчества. Великій раздоръ войны долженъ привести къ великому соединенію Востока и Запада. Творческій духъ Россіи займетъ, наконецъ, великодержавное положеніе въ духовномъ міровомъ концертѣ. То, что совершалось въ нѣдрахъ русскаго духа, перестанетъ уже быть провинціальнымъ, отдѣльнымъ и замкнутымъ, станетъ міровымъ и общечеловѣческимъ, не восточнымъ только, но и западнымъ. Для этого давно уже созрѣли потенциальныя духовныя силы Россіи. Война 1914 года глубже и сильнѣе вводитъ Россію въ водоворотъ міровой жизни и спаиваетъ европейскій Востокъ

съ европейскимъ Западомъ, чѣмъ война 1812 года. Уже можно предвидѣть, что въ результатѣ этой войны Россія въ такой же мѣрѣ станетъ окончательно Европой, въ какой Европа признаетъ духовное вліяніе Россіи на свою внутреннюю жизнь. Бьетъ тотъ часъ міровой исторіи, когда славянская раса во главѣ съ Россіей призывается къ опредѣляющей роли въ жизни человѣчества. Передовая германская раса истощитъ себя въ милитаристическомъ империализмѣ. Призванность славянства предчувствовали многіе чуткіе люди на Западѣ. Но осуществленіе міровыхъ задачъ Россіи не можетъ быть предоставлено произволу стихійныхъ силъ исторіи. Необходимы творческія усилія національнаго разума и національной воли. И если народы Запада принуждены будутъ, наконецъ, увидѣть единственный ликъ Россіи и признать ея призваніе, то остается все еще неяснымъ, сознаемъ ли мы сами, что есть Россія и къ чему она призвана? Для насъ самихъ Россія остается неразгаданной тайной. Россія—противорѣчива, антиномична. Душа Россіи не покрывается никакими доктринами. Тютчевъ сказалъ про свою Россію:

„Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать—
Въ Россію можно только вѣрить“.

И по истинѣ можно сказать, что Россія непостижима для ума и не измѣрима никакими аршинами доктринъ и ученій. А вѣрить въ Россію каждый по-своему и каждый находить въ полномъ противорѣчій бытіи Россіи факты для подтвержденія своей вѣры. Подойти къ разгадкѣ тайны, сокрытой въ душѣ Россіи, можно, сразу же признавъ антиномичность Россіи, жуткую ея противорѣчивость. Тогда русское самосознаніе освобождается отъ лживыхъ и фальшивыхъ идеализацій, отъ отталкивающаго бахвальства, равно какъ и отъ безхарактернаго космополитическаго отрицанія и иноземнаго рабства.

Противорѣчія русскаго бытія всегда находили себѣ отраженіе въ русской литературѣ и русской философской мысли. Творчество русскаго духа такъ же двоиится, какъ и русское историческое бытіе. Это яснѣе всего видно на самой

характерной нашей національной идеологии—славянофильствѣ и на величайшемъ нашемъ національномъ гени—Достоевскѣмъ,—русскомъ изъ русскихъ. Вся парадоксальность и антиномичность русской истории отпечатлѣлась на славянофилахъ и Достоевскомъ. Ликъ Достоевскаго такъ же двойся, какъ и ликъ самой Россіи, и вызываетъ чувства противоположныя. Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются съ какой-то низостью, неблагородствомъ, отсутствіемъ достоинства, рабствомъ. Безконечная любовь къ людямъ, по истинѣ Христова любовь, сочетается съ чело-вѣконенавистничествомъ и жестокостью. Кажда абсолютной свободы во Христѣ (Великій Инквизиторъ) мирится съ рабьей покорностью. Не такова ли и сама Россія?

Россія—самая безгосударственная, самая анархическая страна въ мірѣ. И русскій народъ—самый аполитическій народъ, никогда не умѣвшій устроить свою землю. Всѣ подлинно русскіе, національные наши писатели, мыслители, публицисты,—всѣ были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизмъ—явленіе русскаго духа, онъ по разному былъ присущъ и нашимъ крайнимъ лѣвымъ и нашимъ крайнимъ правымъ. Славянофилы и Достоевскій—такіе же въ сущности анархисты, какъ и Михаилъ Бакунинъ или Крапоткинъ. Эта анархическая русская природа нашла себѣ типическое выраженіе въ религіозномъ анархизмѣ Льва Толстого. Русская интеллигенція, хотя и зараженная поверхностными позитивистическими идеями, была чисто русской въ своей безгосударственности. Въ лучшей, героической своей части она стремилась къ абсолютной свободѣ и правдѣ, невмѣстимой ни въ какую государственность. Наше народничество,—явленіе характерно-русское, незнакомое западной Европѣ, есть явленіе безгосударственнаго духа. И русскіе либералы всегда были скорѣе гуманистами, чѣмъ государственниками. Никто не хотѣлъ власти, всѣ боялись власти, какъ нечистоты. Наша православная идеология самодержавія—такое же явленіе безгосударственнаго духа, отказъ народа и общества создавать государственную жизнь. Славянофилы сознавали, что ихъ ученіе о самодержавіи было своеобразной формой отрицанія государства. Всякая государственность представ-

лялась позитивистической и рационалистической. Русская душа хочет священной общности, богоизбранной власти. Природа русскаго народа сознается, какъ аскетическая, отрекающаяся отъ земныхъ дѣлъ и земныхъ благъ. Наши лѣвныя и революціонныя направленія не такъ уже глубоко отличаются въ своемъ отношеніи къ государству отъ направленій правыхъ и славянофильскихъ,—въ нихъ есть значительная доза славянофильскаго и аскетическаго духа. Такіе идеологи государственности, какъ Катковъ или Чичеринъ, всегда казались не русскими, какими-то иностранцами на русской почвѣ, какъ иностранной, не русской всегда казалась бюрократія, занимавшаяся государственными дѣлами,—не русскимъ занятіемъ. Въ основѣ русской исторіи лежитъ знаменательная легенда о призваніи варягъ-иностранцевъ для управленія русской землей, такъ какъ «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ». Какъ характерно это для роковой неспособности и нежеланія русскаго народа самому устраивать порядокъ въ своей землѣ! Русский народъ какъ будто бы хочетъ не столько свободнаго государства, свободы въ государствѣ, сколько свободы отъ государства, свободы отъ заботъ о земномъ устройствѣ. Русский народъ не хочетъ быть мужественнымъ строителемъ, его природа опредѣляется какъ женственная, пассивная и покорная въ дѣлахъ государственныхъ, онъ всегда ждетъ жениха, мужа, властелина. Россія—земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность въ отношеніи къ государственной власти—такъ характерна для русскаго народа и для русской исторіи *). Нѣтъ предѣловъ смиренному терпѣнію многострадальнаго русскаго народа. Государственная власть всегда была внѣшнимъ, а не внутреннимъ принципомъ для безгосударственнаго русскаго народа; она не изъ него созидалась, а приходила какъ бы извнѣ, какъ женихъ приходитъ къ невѣстѣ. И потому такъ часто власть производила впечатлѣніе иноземной, какого-то нѣмецкаго владычества. Русскіе радикалы и русскіе консерваторы одинаково ду-

*) Это вполнѣ подтверждается и русской революціей, въ которой народъ остается духовно пассивнымъ и покорнымъ новой революціонной тираніи, но въ состояніи злобной одержимости.

мали, что государство—это «они», а не «мы». Очень характерно, что въ русской исторіи не было рыцарства, этого мужественнаго начала. Съ этимъ связано недостаточное развитіе личнаго начала въ русской жизни. Русскій народъ всегда любилъ жить въ теплѣ коллектива, въ какой-то растворенности въ стихіи земли, въ лонѣ матери. Рыцарство куеть чувство личнаго достоинства и чести, создаетъ закалъ личности. Этого личнаго закала не создавала русская исторія. Въ русскомъ человѣкѣ есть мягкотѣлость, въ русскомъ лицѣ нѣтъ вырѣзаннаго и выточеннаго профиля. Платонъ Каратаевъ и Толстого—круглый. Русскій анархизмъ—женственный, а не мужественный, пассивный, а не активный. И бунтъ Бакунина есть погруженіе въ хаотическую русскую стихію. Русская безгосударственность—не завоеваніе себѣ свободы, а отданіе себя, свобода отъ активности. Русскій народъ хочетъ быть землей, которая не вѣстится, ждетъ мужа. Всѣ эти свойства Россіи были положены въ основу славянофильской философіи исторіи и славянофильскихъ общественныхъ идеаловъ. Но славянофильская философія исторіи не хочетъ знать антиномичности Россіи, она считается только съ однимъ тезисомъ русской жизни. Въ ней есть антитезисъ. И Россія не была бы такъ таинственна, если бы въ ней было только то, о чемъ мы сейчасъ говорили. Славянофильская философія русской исторіи не объясняетъ загадки превращенія Россіи въ величайшую имперію въ мірѣ или объясняетъ слишкомъ упрощенно. И самымъ кореннымъ грѣхомъ славянофильства было то, что природно-историческія черты русской стихіи они приняла за христіанскія добродѣтели.

Россія—самая государственная и самая бюрократическая страна въ мірѣ: все въ Россіи превращается въ орудіе политики. Русскій народъ создалъ могущественнѣйшее въ мірѣ государство, величайшую имперію. Съ Ивана Калиты послѣдовательно и упорно собиралась Россія и достигла размѣровъ потрясающихъ воображеніе всѣхъ народовъ міра. Силы народа, о которомъ не безъ основанія думаютъ, что онъ устремленъ къ внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все въ свое орудіе. Интересы созыданія, поддержанія и охраненія огромнаго государства занимаютъ совершенно исключи-

тельное и подавляющее мѣсто въ русской исторіи. Почти не оставалось силъ у русскаго народа для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрѣпленіе и защиту государства. Классы и сословія слабо были развиты и не играли той роли, какую играли въ исторіи западныхъ странъ. Личность была придавлена огромными размѣрами государства, предъявлявшаго непосильныя требованія. Бюрократія развилась до размѣровъ чудовищныхъ. Русская государственность занимала положеніе сторожевое и оборонительное. Она выковывалась въ борьбѣ съ татарщиной, въ смутную эпоху, въ иноземныя нашествія. И она превратилась въ самодавляющее отвлеченное начало; она живетъ своею собственной жизнью, по своему закону, не хочетъ быть подчиненной функціей народной жизни. Эта особенность русской исторіи наложила на русскую жизнь печать безрадостности и придавленности. Невозможна была свободная игра творческихъ силъ человѣка. Власть бюрократіи въ русской жизни была внутреннимъ нашествіемъ нѣмецчины. Нѣмецчина какъ-то органически вошла въ русскую государственность и владѣла женственной и пассивной русской стихіей. Земля русская не того приняла за своего суженаго, ошиблась въ женихѣ. Великія жертвы понесъ русскій народъ для созданія русскаго государства, много крови пролилъ, но самъ остался безвластнымъ въ своемъ необъятномъ государствѣ. Чуждъ русскому народу имперіализмъ въ западномъ и буржуазномъ смыслѣ слова, но онъ покорно отдавалъ свои силы на созданіе имперіализма, въ которомъ сердце его не было заинтересовано. Здѣсь скрыта тайна русской исторіи и русской души. Никакая философія исторіи, славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самый безгосударственный народъ создалъ такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархическій народъ такъ покоренъ бюрократіи, почему свободный духомъ народъ какъ будто бы не хочетъ свободной жизни? Эта тайна связана съ особеннымъ соотношеніемъ женственнаго и мужественнаго начала въ русскомъ народномъ характерѣ. Та же антиномичность проходитъ черезъ все русское бытіе.

Тайнственное противорѣчіе есть въ отношеніи Россіи и русскаго сознанія къ національности. Это—вторая антино-

мія, не меньшая по значенію, чѣмъ отношеніе къ государству. Россія—самая не шовинистическая страна въ мірѣ. Націонализмъ у насъ всегда производитъ впечатлѣніе чего то нерусскаго, наноснаго, какой-то нѣметчины. Нѣмцы, англичане, французы—шовинисты и націоналисты въ массѣ, они полны національной самоувѣренности и самодовольства. Русскіе почти стыдятся того, что они русскіе; имъ чужда національная гордость и часто даже—увы!—чуждо національное достоинство. Русскому народу совсѣмъ не свойствененъ агрессивный націонализмъ, наклонности насильственной руссификаціи. Русскій не выдвигается, не выставляется, не презираетъ другихъ. Въ русской стихіи поистинѣ есть какое-то національное безкорыстіе, жертвенность, невѣдомая западнымъ народамъ. Русская интеллигенція всегда съ отвращеніемъ относилась къ націонализму и гнушалась имъ, какъ нечистью. Она исповѣдывала исключительно сверхнаціональные идеалы. И какъ ни поверхностны, какъ ни банальны были космополитическія доктрины интеллигенціи, въ нихъ все-таки хотъ искаженно, но отражался сверхнациональный, всечеловѣчскій духъ русскаго народа, Интеллигенты-отщепенцы въ извѣстномъ смыслѣ были болѣе національны, чѣмъ наши буржуазные націоналисты, по выраженію лица своего похожіе на буржуазныхъ націоналистовъ всѣхъ странъ. Человѣкъ много, не интеллигентскаго духа—национальный геній Левъ Толстой—былъ поистинѣ русскимъ въ своей релігіозной жадѣ преодолѣть всякую національную ограниченность, всякую тяжесть національной плоти. И славянофилы не были націоналистами въ обычномъ смыслѣ этого слова. Они хотѣли вѣрить, что въ русскомъ народѣ живетъ всечеловѣчскій христіанскій духъ, и они возносили русскій народъ за его смиреніе. Достоевскій прямо провозгласилъ, что русскій человѣкъ—всечеловѣкъ, что духъ Россіи—всееленскій духъ, и миссію Россіи онъ понималъ не такъ, какъ ее понимаютъ націоналисты. Націонализмъ новѣйшей формаціи есть несомнѣнная европеизація Россіи, консервативное западничество на русской почвѣ. И Катковъ, идеологъ націонализма, былъ западникомъ, никогда не былъ выразителемъ русскаго народнаго духа. Катковъ былъ апологетомъ и рабомъ какой-то чуждой государственности, какого-то

«отвлеченнаго начала». Сверхнаціонализмъ, универсализмъ—такое же существенное свойство русскаго національнаго духа, какъ и безгосударственность, анархизмъ. Націонализмъ въ Россіи именно ея сверхнаціонализмъ, ея свобода отъ націонализма; въ этомъ самобытна Россія и непохожа ни на одну страну міра. Россія призвана быть освободительницей народовъ. Эта миссія заложена въ ея особенномъ духѣ. И справедливость міровыхъ задачъ Россіи предопредѣлена уже духовными силами исторіи. Эта миссія Россіи выявляется въ нынѣшнюю войну. Россія не имѣетъ корыстныхъ стремленій.

Таковъ одинъ тезисъ о Россіи, который съ правомъ можно было высказать. Но есть и антитезисъ, который не менѣе обоснованъ. Россія—самая націоналистическая страна въ мірѣ, страна невиданныхъ эксцессовъ націонализма, угнетенія подвластныхъ національностей руссификаціей, страна національнаго бахвальства, страна, въ которой все национализировано вплоть до вселенской церкви Христовой, страна, почитающая себя единственной призванной и отвергающая всю Европу, какъ гниль и исчадіе діавола, обреченное на гибель. Обратной стороной русскаго смиренія является необычайное русское самомнѣніе. Самый смиренный и есть самый великій, самый могущественный, единственный призванный. «Русское» и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россія—«святая Русь». Россія грѣшна, но и въ грѣхѣ своемъ она остается святой страной, — страной святыхъ, живущей идеалами святости. Вл. Соловьевъ смѣялся надъ увѣренностью русскаго національнаго самомнѣнія въ томъ, что всѣ святые говорили по-русски. Тотъ же Достоевскій, который проповѣдывалъ всечеловѣка и призывалъ къ вселенскому духу, проповѣдывалъ и самый изувѣрскій націонализмъ, травилъ поляковъ и евреевъ, отрицалъ за Западомъ всякія права быть христіанскимъ міромъ. Русское національное самомнѣніе всегда выражается въ томъ, что Россія почитаетъ себя не только самой христіанской, но и единственной христіанской страной въ мірѣ. Католичество совсѣмъ не признается христіанствомъ. И въ этомъ всегда былъ одинъ изъ духовныхъ источниковъ ложнаго отношенія къ польскому вопросу. Россія, по духу своему призванная быть освободи-

тельницей народовъ, слишкомъ часто бывала угнетательницей, и потому она вызываетъ къ себѣ вражду и подозрительность, которыя мы теперь должны еще побѣдить.

Русская исторія явила совершенно исключительное зрѣлище—полнѣйшую націонализацию церкви Христовой, которая опредѣляетъ себя, какъ вселенскую. Церковный націонализмъ—характерное русское явленіе. Имъ насквозь пропитано наше старообрядчество. Но тотъ же націонализмъ царитъ и въ господствующей церкви. Тотъ же национализмъ проникаетъ и въ славянофильскую идеологію, которая всегда подмѣняла вселенское русскимъ. Вселенскій духъ Христовъ, мужественный вселенскій логосъ плѣненъ женственной національной стихіей, русской землей въ ея языческой первородности. Такъ образовалась религія растворенія въ матери-землѣ, въ коллективной національной стихіи, въ животной теплотѣ. Русская религіозность—женственная религіозность,—религіозность коллективной биологической теплоты, переживаемой, какъ теплота мистическая. Въ ней слабо развито личное религіозное начало; она боится выхода изъ коллективнаго тепла въ холодъ и огонь личной религіозности. Такая религіозность отказывается отъ мужественнаго, активнаго духовнаго пути. Это не столько религія Христа, сколько религія Богородицы, религія матери-земли, женскаго божества, освѣщающаго плотскій бытъ. В. В. Розановъ въ своемъ родѣ гениальный выразитель этой русской религіи родовой плоти, религіи размноженія и уюта. Мать-земля для русскаго народа есть Россія. Россія превращается въ Богородицу. Россія— страна богоносная. Такая женственная, національно-стихийная религіозность должна возлагаться на мужей, которые берутъ на себя бремя духовной активности, несутъ крестъ, духовно водительствоуютъ. И русскій народъ въ своей религіозной жизни возлагается на святыхъ, на старцевъ, на мужей, въ отношеніи къ которымъ подобаетъ лишь преклоненіе, какъ передъ иконой. Русскій народъ не дерзаетъ даже думать, что святымъ можно подражать, что святость есть внутренній путь духа,—это было бы слишкомъ мужественно-дерзновенно. Русскій народъ хочетъ не столько святости, сколько преклоненія и благоговѣнія передъ святостью, подобно тому какъ онъ хочетъ не власти, а отданія себя

власти, перенесенія на власть всего бремени. Русскій народъ въ массѣ своей лѣнивъ въ религіозномъ восхожденіи, его религіозность равнинная, а не горная; коллективное смиреніе дается ему легче, чѣмъ религіозный закалъ личности, чѣмъ жертва тепломъ и уютомъ національной стихійной жизни. За смиреніе свое получаетъ русскій народъ въ награду этотъ уютъ и тепло коллективной жизни. Такова народная почва націонализации церкви въ Россіи. Въ этомъ есть огромная примѣсь религіознаго натурализма, предшествующаго христіанской религіи духа, религіи личности и свободы. Сама христіанская любовь, которая существенно духовна и противоположна связямъ по плоти и крови, натурализировалась въ этой религіозности, обратилась въ любовь къ „своему“ человѣку. Такъ крѣпнеть религія плоти, а не духа, такъ охраняется твердыня религіознаго матеріализма. На необъятной русской равнинѣ возвышаются церкви, поднимаются святые и старцы, но почва равнины еще натуралистическая, быть еще языческой.

Большое дѣло, совершенное Владиміромъ Соловьевымъ для русскаго сознанія, нужно видѣть прежде всего въ его беспощадной критикѣ церковнаго націонализма, въ его вѣчномъ призывѣ къ вселенскому духу Христову, къ освобожденію Христова духа изъ плѣна у національной стихіи, стихіи натуралистической. Въ реакціи противъ церковнаго націонализма Вл. Соловьевъ слишкомъ склонялся къ католичеству, но великая правда его основныхъ стремленій и мотивовъ несомнѣнна и будетъ еще признана Россіей. Вл. Соловьевъ есть истинное противоядіе противъ націоналистическаго антитезиса русскаго бытія. Его христіанская правда въ рѣшеніи вопроса польскаго и еврейскаго всегда должна быть противопоставляема неправдѣ Достоевскаго. Церковный націонализмъ приводилъ къ государственному порабощенію церкви. Церковь, которая есть духовный, мистическій организмъ, пассивно отдавалась синодальной власти нѣмецкаго образца. Загадочная антиномичность Россіи въ отношеніи къ національности связана все съ тѣмъ же невѣрнымъ соотношеніемъ мужественнаго и женственнаго начала, съ неразвитостью и нераскрытостью личности, во Христѣ рожденной и призванной быть женихомъ своей земли, свѣтоноснымъ мужемъ женственной національной стихіи, а не рабомъ ея.

Ту же загадочную антиномичность можно прослѣдить въ Россіи во всемъ. Можно установить неисчислимое количество тезисовъ и антитезисовъ о русскомъ національномъ характерѣ, вскрыть много противорѣчій въ русской душѣ. Россія—страна безграничной свободы духа, страна странничества и исканія Божьей правды. Россія—самая не буржуазная страна въ мірѣ; въ ней нѣтъ того крѣпкаго мѣщанства, которое такъ отталкиваетъ и отвращаетъ русскихъ на Западѣ. Достоевскій, по которому можно изучать душу Россіи, въ своей потрясающей легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ былъ провозвѣстникомъ такой дерзновенной и безконечной свободы во Христѣ, какой никто еще въ мірѣ не рѣшался утверждать. Утвержденіе свободы духа, какъ чего-то характерно-русскаго, всегда было существенной особенностью славянофильства. Славянофилы и Достоевскій всегда противоплавали внутреннюю свободу русскаго народа, его органическую, религиозную свободу, которую онъ не уступить ни за какія блага міра, внутренней несвободѣ западныхъ народовъ, ихъ порабощенности внѣшнимъ. Въ русскомъ народѣ поистинѣ есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишкомъ поглощенъ жаждой земной прибыли и земного благоустройства. Россія—страна бытовой свободы, невѣдомой передовымъ народамъ Запада, закрѣпощеннымъ мѣщанскими нормами. Только въ Россіи нѣтъ давящей власти буржуазныхъ условностей, нѣтъ деспотизма мѣщанской семьи. Русскій человекъ съ большой легкостью духа преодолеваетъ всякую буржуазность, уходитъ отъ всякаго быта, отъ всякой нормированной жизни. Типъ странника такъ характеренъ для Россіи и такъ прекрасенъ. Странникъ—самый свободный человекъ на землѣ. Онъ ходитъ по землѣ, но стихія его воздушная, онъ не вросъ въ землю, въ немъ нѣтъ приземистости. Странникъ—свободенъ отъ «міра» и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него къ небольшой котомкѣ на плечахъ. Величіе русскаго народа и призванность его къ высшей жизни сосредоточены въ типѣ странника. Русскій типъ странника нашель себѣ выраженіе не только въ народной жизни, но и въ жизни культурной, въ жизни лучшей части интеллигенціи. И здѣсь мы знаемъ странниковъ, свободныхъ духомъ, ни къ чему не прикрѣпленныхъ, вѣчныхъ путниковъ,

ищущихъ невидимаго града. Повѣсть о нихъ можно прочесть въ великой русской литературѣ. Странниковъ въ культурной, интеллигентной жизни называютъ то скитальцами русской земли, то отщепенцами. Есть они уже у Пушкина и Лермонтова, потомъ у Толстого и Достоевскаго. Духовные странники всѣ эти Раскольниковы, Мышкины, Ставрогины, Версильовы и князь Андрей и Пьеръ Безухій. Странники града своего не имѣютъ, они града грядущаго ищутъ. Вл. Соловьевъ всегда чувствовалъ себя не обывателемъ и мѣщаниномъ этой земли, а лишь пришельцемъ и странникомъ, не имѣющимъ своего дома. Таковъ былъ Скворода — странникъ-мудрецъ изъ народа въ XVIII вѣкѣ. Духовное странствованіе есть въ Лермонтовѣ, въ Гоголѣ, есть въ Л. Толстомъ и Достоевскомъ, а на другомъ концѣ — у русскихъ анархистовъ и революціонеровъ, стремящихся по своему къ абсолютному, выходящему за грани всякой позитивной и зримой жизни. Тоже есть и въ русскомъ сектанствѣ, въ мистической народной жадѣ, въ этомъ изступленномъ желаніи, чтобы «накатилъ Духъ». Россія — фантастическая страна духовнаго опьянѣнія, страна хлыстовъ, самосожигателей, духоборовъ, страна Кондратія Селиванова и Григорія Распутина, страна самозванцевъ и пугачевщины. Русской душѣ не сидится на мѣстѣ, это не мѣщанская душа, не мѣстная душа. Въ Россіи, въ душѣ народной есть какое-то безконечное исканіе, исканіе невидимаго града-Китижа, незримаго дома. Передъ русской душой открываются дали и нѣтъ очерченнаго горизонта передъ духовными ея очами. Русская душа сгораетъ въ пламенномъ исканіи правды, абсолютной, божественной правды и спасенія для всего міра и всеобщаго воскресенія къ новой жизни. Она вѣчно печалуется о горѣ и страданіи народа и всего міра, и мука ея не знаетъ утolenія. Душа эта поглощена рѣшеніемъ конечныхъ, проклятыхъ вопросовъ о смыслѣ жизни. Есть мятежность, непокорность въ русской душѣ, неутолимость и неудовлетворимость ничѣмъ временнымъ, относительнымъ и условнымъ. Все дальше и дальше должно итти, къ концу, къ предѣлу, къ выходу изъ этого «міра», изъ этой земли, изъ всего мѣстнаго, мѣщанскаго, прикрѣпленнаго. Не разъ уже указывали на то, что самъ русскій атеизмъ религіозенъ. Героически настроенная

интеллигенція шла на смерть во имя матеріалистическихъ идей. Это странное противорѣчіе будетъ понятно, если увидѣть, что подъ матеріалистическимъ обличіемъ она стремилась къ абсолютному. Славянскій бунтъ—пламенная, огненная стихія, невѣдомая другимъ расамъ. И Бакунинъ въ своей пламенной жадѣ мірового пожара, въ которомъ все старое должно сгорѣть, былъ русскимъ, славяниномъ, былъ месіанистомъ. Таковъ одинъ изъ тезисовъ о душѣ Россіи. Русская народная жизнь съ ея мистическими сектами, и русская литература и русская мысль, и жуткая судьба русскихъ писателей и судьба русской интеллигенціи, оторвавшейся отъ почвы и въ то же время столь характерно національной, все, все даетъ намъ право утверждать тотъ тезисъ, что Россія—страна безконечной свободы и духовныхъ далей, страна странниковъ, скитальцевъ и искателей, страна мятежная и жуткая въ своей стихійности, въ своемъ народномъ діонисизмѣ, не желающемъ знать формы.

А вотъ и антитезисъ. Россія—страна неслыханнаго сервиллизма и жуткой покорности, страна лишенная сознанія правъ личности и не защищающая достоинства личности, страна инертнаго консерватизма, порабощенія религіозной жизни государствомъ, страна крѣпкаго быта и тяжелой плоти. Россія—страна купцовъ, погруженныхъ въ тяжелую плоть, стяжателей, консервативныхъ до неподвижности, страна чиновниковъ, никогда не переступающихъ предѣловъ замкнутаго и мертваго бюрократическаго царства, страна крестьянъ, ничего не желающихъ кромѣ земли и принимающихъ христіанство совершенно внѣшне и корыстно, страна духовенства, погруженнаго въ матеріальный бытъ, страна обрядовѣрія, страна интеллигенцины, инертной и консервативной въ своей мысли, зараженной самыми поверхностными матеріалистическими идеями. Россія не любитъ красоты, боится красоты, какъ роскоши, не хочетъ никакой избыточности. Россію почти невозможно сдвинуть съ мѣста, такъ она отяжелѣла, такъ инертна, такъ лѣнива, такъ погружена въ матерію, такъ покорно мирится съ своей жизнью. Всѣ наши сословія, наши почвенные слои, дворянство, купечество, крестьянство, духовенство, чиновничество, всѣ не хотятъ и не любятъ восхожденія; всѣ пред-

почитають оставаться въ низинахъ, на равнинѣ, быть «какъ всѣ». Вездѣ личность подавлена въ органическомъ коллективѣ. Почвенные слои наши лишены правосознанія и и даже достоинства, не хотятъ самодѣятельности и активности, всегда полагаются на то, что другіе все за нихъ сдѣлають. И нашъ политическій революціонизмъ какъ-то несвободенъ, бесплоденъ и инертенъ мыслью. Русская радикально-демократическая интеллигенція, какъ слой кристаллизованный духовно-консервативна и чужда истинной свободѣ; она захвачена скорѣе идеей механическаго равенства, чѣмъ свободой. Инымъ кажется, что Россія обречена на рабство и что нѣтъ выхода для нея къ свободной жизни. Можно подумать, что личность не проснулась еще не только въ Россіи консервативной, но и въ Россіи революціонной, что Россія все еще остается странной безличнаго коллектива. Но необходимо понять, что исконный русскій коллективизмъ есть лишь преходящее явленіе первоначальной стадіи натуральной эволюціи, а не вѣчное явленіе духа.

Какъ понять эту загадочную противорѣчивость Россіи, эту одинаковую вѣрность взаимоисключающихъ о ней тезисовъ? И здѣсь, какъ и вездѣ, въ вопросѣ о свободѣ и рабствѣ души Россіи, о ея странничествѣ и ея неподвижности, мы сталкиваемся съ тайной соотношенія мужественнаго и женственнаго. Корень этихъ глубокихъ противорѣчій—въ несоединенности мужественнаго и женственнаго въ русскомъ духѣ и русскомъ характерѣ. Безграничная свобода оборачивается безграничнымъ рабствомъ, вѣчное странничество—вѣчнымъ застоємъ, потому что мужественная свобода не овладѣваетъ женственной національной стихіей въ Россіи изнутри, изъ глубины. Мужественное начало всегда ожидается извнѣ, личное начало не раскрывается въ самомъ русскомъ народѣ. Отсюда вѣчная зависимость отъ инороднаго. Въ терминахъ философскихъ это значитъ, что Россія всегда чувствуетъ мужественное начало себѣ трансцендентнымъ, а не имманентнымъ, привходящимъ извнѣ. Съ этимъ связано то, что все мужественное, освобождающее и оформляющее было въ Россіи какъ бы не русскимъ, западно-европейскимъ, французскимъ или нѣмецкимъ или греческимъ въ старину. Россія

какъ бы безсильна сама себя оформить въ бытіе свободное, безсильна образовать изъ себя личность. Возвращеніе къ собственной почвѣ, къ своей національной стихіи такъ легко принимаетъ въ Россіи характеръ поработченности, приводитъ къ бездвижности, обращается въ реакцію. Россія невѣстится, ждетъ жениха, который долженъ прійти изъ какой-то выси, но приходитъ не суженый, а нѣмецъ-чиновникъ и владѣеть ею. Въ жизни духа владѣють ею: то Марксъ, то Кантъ, то Штейнеръ, то иной какой-нибудь иностранный мужъ. Россія, столь своеобразная, столь необычнаго духа страна, постоянно находилась въ сервилитическомъ отношеніи къ западной Европѣ. Она не училась у Европы, что нужно и хорошо, не пріобщалась къ европейской культурѣ, что для нея спасительно, а рабски подчинялась Западу или въ дикой націоналистической реакціи громила Западъ, отрицала культуру. Богъ Аполлонъ, богъ мужественной формы, все не сходилъ въ діонисическую Россію. Русскій діонисизмъ—варварскій, а не эллинскій. И въ другихъ странахъ можно найти всѣ противоположности, но только въ Россіи тезисъ оборачивается антитезисомъ, бюрократическая государственность рождается изъ анархизма, рабство рождается изъ свободы, крайній націонализмъ изъ сверхнационализма. Изъ этаго безвыходнаго круга есть только одинъ выходъ: раскрытіе внутри самой Россіи, въ ея духовной глубинѣ мужественнаго, личнаго, оформляющаго начала, овладѣніе собственной національной стихіей, имманентное пробужденіе мужественнаго, свѣтоноснаго сознанія. И я хочу вѣрить, что нынѣшняя міровая война выведетъ Россію изъ этого безвыходнаго круга, пробудитъ въ ней мужественный духъ, покажетъ міру мужественный ликъ Россіи, установитъ внутренне должное отношеніе европейскаго востока и европейскаго запада.

II.

Нынѣ разразилась, наконецъ, давно жданная міровая борьба славянскоѣ и германскоѣ расы. Давно уже германизмъ проникалъ въ нѣдра Россіи, незамѣтно германизировалъ русскую государственность и русскую культуру, управлялъ тѣломъ и душой Россіи. Нынѣ германизмъ открыто идетъ войной на славянскій міръ. Германская

раса—мужественная, самоувѣренно и ограниченно мужественная. Германскій міръ чувствуетъ женственность славянской расы и думаетъ, что онъ долженъ владѣть этой расой и ея землей, что только онъ силенъ сдѣлать эту землю культурной. Давно уже германизмъ подсылалъ своихъ свахъ, имѣлъ своихъ агентовъ и чувствовалъ Россію предназначенной себѣ. Весь петербургскій періодъ русской исторіи стоялъ подъ знакомъ внутренняго и внѣшняго вліянія нѣмцевъ. Русскій народъ почти уже готовъ былъ примириться съ тѣмъ, что управлять имъ и цивилизовать его могутъ только нѣмцы. И нужна была совершенно исключительная міровая катастрофа, нужно было сумашествіе германизма отъ гордости и самоиѣнія, чтобы Россія осознала себя, стряхнула съ себя пассивность, разбудила въ себѣ мужественныя силы и почувствовала себя призванной къ великимъ дѣламъ въ мірѣ. Въ мировой борьбѣ съ германской расой нельзя противопоставить ей одну женственность и покорность славянъ. Нужно раскрыть въ себѣ мужественный ликъ подъ угрозой поглощенія германизмомъ. Война міра славянскаго и міра германскаго не есть только столкновеніе вооруженныхъ силъ на поляхъ битвы; она глубже, это—духовная война, борьба за господство разнаго духа въ мірѣ, столкновеніе и переплетеніе восточнаго и западнаго христіанскаго міра. Въ этой великой, поистинѣ мировой брани Россія не можетъ не осознать себя. Но самосознаніе ея должно быть и ея самоочищеніемъ. Самосознаніе предполагаетъ самокритику и самообличеніе. Никогда бахвальство не было самосознаніемъ, оно можетъ быть лишь полнымъ затменіемъ. Блестящій примѣръ полной утери истиннаго самосознанія и полной тьмы отъ бахвальства и самоиѣнія являетъ нынѣ Германія. Мужественное, свѣтоносное сознаніе народа—всегда критическое, всегда освобождающее отъ собственной тьмы и поработченности, всегда есть овладѣніе хаотическими въ себѣ стихіями. И самосознаніе Россіи должно быть прежде всего освобожденнымъ отъ подвластности и поработченности у собственной національной стихіи. А это значить, что русскій народъ въ отношеніи къ своей русской землѣ, долженъ быть мужественъ и свѣтоносенъ, долженъ владѣть землей и оформлять ея хаотическія стихіи, а не растворяться въ

ней, не пассивно ей отдаваться. Это значитъ также, что человѣческое призвано господствовать надъ природнымъ, а не природное надъ человѣческимъ. Россія жила слишкомъ природной, недостаточно человѣческой жизнью, слишкомъ родовой, недостаточно личной жизнью. Личное человѣческое начало все еще не овладѣвало безличными природными стихіями земли. Эту свою исконную родовую біологію Россія переживала какъ исконную свою коллективную мистику и въ лицѣ иныхъ своихъ идеологовъ видѣла въ этомъ свое преимущество передъ западной Европой. Россія въ массѣ своей исповѣдывала религію родовой плоти, а не религію духа, смѣшивала родовой, природный коллективизмъ съ коллективизмомъ духовнымъ, сверхприроднымъ. Но—таинственная страна противорѣчій, Россія таила въ себѣ пророческій духъ и предчувствіе новой жизни и новыхъ открытій.

Въ этотъ рѣшительный для русскаго сознанія часъ необходимо ясно и мужественно сознать подстерегающія насъ опасности. Война можетъ принести Россіи великія блага, не матеріальныя только, но и духовныя блага. Она пробуждаетъ глубокое чувство народнаго, національнаго единства, преодолеваетъ внутренній раздоръ и вражду, мелкіе счеты партій, выявляетъ ликъ Россіи, куетъ мужественный духъ. Война изобличаетъ ложь жизни, сбрасываетъ покровы, свергаетъ фальшивыя святины. Она—великая проявительница. Но она несетъ съ собой и опасности. Россія можетъ попасть въ плѣнъ ложнаго націонализма и истинно нѣмецкаго шовинизма. Она можетъ плѣниться идеалами мірового господства не русскаго по духу, чуждаго славянской расѣ. Война несетъ съ собой опасность огрубенія. И всего болѣе должна быть Россія свободна отъ ненависти къ Германіи, отъ порабощающихъ чувствъ злобы и мести, отъ того отрицанія цѣннаго въ духовной культурѣ врага, которое есть лишь другая форма рабства. Хочется вѣрить, что всего этого не будетъ, но нехорошо закрывать себѣ глаза на эти возможности. Въ русской національной стихіи есть какая-то вѣчная опасность быть въ плѣну, быть покорной тому, что видѣ ея. И истиннымъ возрожденіемъ Россіи можетъ быть лишь радикальное освобожденіе отъ всякаго плѣна, отъ всякой подавленности и по-

рабощности внѣшнему, внѣположному, инородному, т-е. раскрытіе въ себѣ внутренней мужественности, внутренняго свѣта, духа царственнаго и творящаго. Война должна освободить насъ, русскихъ, отъ рабскаго и подчиненнаго отношенія къ Германіи, отъ нездороваго, надрывнаго отношенія къ Западной Европѣ, какъ къ чему-то далекому и внѣшнему, предмету то страстной влюбленности и мечты, то погромной ненависти и страха. Западная Европа и западная культура станутъ для Россіи имманентной; Россія станетъ окончательно Европой, и именно тогда она будетъ духовно самобытной и духовно независимой. Европа перестанетъ быть монополистомъ культуры. Міровая война, въ кровавый круговоротъ которой вовлечены уже всѣ части свѣта и всѣ расы, должна въ кровавыхъ мукахъ родить твердое сознаніе всечеловѣческаго единства. Культура перестанетъ быть столь исключительно европейской и стѣнетъ міровой, универсальной. И Россія, занимающая мѣсто посредника между Востокомъ и Западомъ, являющаяся Востоко-Западомъ, призвана сыграть великую роль въ приведеніи человѣчества къ единству. Міровая война жизненно подводитъ насъ къ проблемѣ русскаго мессіанизма.

Мессіанское сознаніе не есть націоналистическое сознаніе; оно глубоко противоположно націонализму; это—универсальное сознаніе. Мессіанское сознаніе имѣетъ свои корни въ религіозномъ сознаніи еврейскаго народа, въ переживаніи Израилемъ своей богоизбранности и единственности. Мессіанское сознаніе есть сознаніе избраннаго народа Божьяго, народа, въ которомъ долженъ явиться Мессія и черезъ который долженъ быть міръ спасенъ. Богоизбранный народъ—мессія среди народовъ, единственный народъ съ мессіанскимъ призваніемъ и предназначеніемъ. Всѣ другіе народы—низшіе народы, не избранные, народы съ обыкновенной, не мистической судьбой. Всѣ народы имѣютъ свое призваніе, свое назначеніе въ мірѣ, но только одинъ народъ можетъ быть избранъ для мессіанской цѣли. Народъ мессіанскаго сознанія и назначенія также одинъ, какъ одинъ Мессія. Мессіанское сознаніе—міровое и сверхнаціональное. Въ этомъ есть аналогія съ идеей римской имперіи, которая также универсальна и сверхнаціональна, какъ и древне-еврейскій мессіанизмъ.

Это всемірное по своимъ притязаніямъ мессіанское сознание евреевъ было оправдано тѣмъ, что Мессія явился въ нѣдрахъ этого народа, хотя и былъ отвергнутъ имъ. Но, послѣ явленія Христа, мессіанизмъ въ древне-еврейскомъ смыслѣ становится уже невозможнымъ для христіанскаго міра. Для христіанина нѣтъ ни эллина, ни іудея. Одного избраннаго народа Божьяго не можетъ быть въ христіанскомъ мірѣ. Христосъ пришелъ для всѣхъ народовъ и всѣ народы имѣютъ передъ судомъ христіанскаго сознанія свою судьбу и свой удѣлъ. Христіанство не допускаетъ народной исключительности и народной гордости, осуждаетъ то сознаніе, по которому мой народъ выше всѣхъ народовъ и единственный религіозный народъ. Христіанство есть окончательное утвержденіе единства человечества, духа всечеловѣчности и всемірности. И это было вполне осознано католичествомъ, хотя и скрѣплено съ относительными тѣлесно-историческими явленіями (папизмъ). Мессіанское сознаніе есть сознаніе пророческое, мессіанское самочувствіе—пророческое самочувствіе. Въ немъ—соль религіозной жизни, и соль эта получена отъ еврейскаго народа. Это пророческое мессіанское сознаніе не исчезаетъ въ христіанскомъ мірѣ, но претворяется и преобразуется. И въ христіанскомъ мірѣ возможенъ пророческій мессіанизмъ—сознаніе исключительнаго религіознаго призванія какого нибудь народа, возможна вѣра, что черезъ этотъ народъ будетъ сказано міру слово новаго откровенія. Но христіанскій мессіанизмъ долженъ быть очищенъ отъ всего не христіанскаго, отъ національной гордости и самомнѣнія, отъ сбиванія на путь стараго еврейскаго мессіанизма съ одной стороны и новаго исключительнаго націонализма съ другой. Христіанское мессіанское сознаніе не можетъ быть утвержденіемъ того, что одинъ лишь русскій народъ имѣетъ великое религіозное призваніе, что онъ одинъ—христіанскій народъ, что онъ одинъ избранъ для христіанской судьбы и христіанскаго удѣла, а всѣ остальные народы—низшіе, не христіанскіе и лишены религіознаго призванія. Въ такомъ самомнѣніи нѣтъ ничего христіанскаго. Ничего христіанскаго не было въ вѣчномъ припѣвѣ славянофиловъ о гнѣніи Запада и отсутствіи у него христіанской жизни. Такая юдаизація христіанства возвращаетъ насъ

отъ Новаго Завѣта къ Вѣтхому Завѣту. Юдаизмъ въ христіанствѣ есть подстерегающая опасность, отъ которой нужно очищаться. А всякій исключительный религіозный націонализмъ, всякое религіозно-національное самоувѣніе есть юдаизмъ въ христіанствѣ. Крайняя націоналізація церкви и есть юдаизмъ внутри христіанства. И въ русскомъ христіанствѣ есть много юдаистическихъ элементовъ, много ветхозавѣтнаго.

Христіанское мессіанское сознание можетъ быть лишь сознаниемъ того, что въ наступающую міровую эпоху Россія призвана сказать свое новое слово міру, какъ сказалъ его уже міръ латинскій и міръ германскій. Славянская раса, во главѣ которой стоитъ Россія, должна раскрыть свои духовныя потенціи, выявить свой пророчесвенный духъ. Славянская раса идетъ на смѣну другимъ расамъ, уже сыгравшимъ свою роль, уже склоняющимся къ упадку; это—раса будущаго. Всѣ великіе народы проходятъ черезъ мессіанское сознание. Это совпадаетъ съ періодами особеннаго духовнаго подъема, когда судьбами исторіи данный народъ призывается совершить что-либо великое и новое для міра. Такое мессіанское сознание было въ Германіи въ началѣ XIX вѣка. А нынѣ мы присутствуемъ при концѣ германскаго мессіанизма, при полномъ исчерпаніи его духовныхъ силъ. Въ христіанской исторіи нѣтъ одного избраннаго народа Божьяго, но разные народы въ разное время избираются для великой миссіи, для откровеній духа. Въ Россіи давно уже нарождалось пророческое чувствованіе того, что настанетъ часъ исторіи, когда она будетъ призвана для великихъ откровеній духа, когда центръ міровой духовной жизни будетъ въ ней. Это не еврейскій мессіанизмъ. Такое пророческое чувствованіе не исключаетъ великаго избранія и предназначенія другихъ народовъ; оно есть лишь продолженіе и восполненіе дѣлъ, сотворенныхъ всѣми народами христіанскаго міра. Это русское мессіанское сознание было замутиено, плѣнено языческой національной стихіей и искажено пережитками сознания юдаистическаго. Русское сознание должно очиститься и освободиться отъ этого языческаго и юдаистическаго плѣна. А это значитъ, что русская мысль и руская жизнь должны быть радикально освобождены отъ мертвенныхъ и мертвящихъ

сторонъ славянофильства, не только офіціального, но и народнаго. Въ славянофильствѣ была своя правда, которую всегда хорошо было противопоставлять западничеству. Она сохранится. Но много было фальши и лжи, много рабства у матеріальнаго быта, много «возвышающихъ обмановъ» и идеализацій, задерживающихъ жизнь духа.

Россіи не можетъ опредѣлять себя, какъ Востокъ, и противопоставлять себя Западу. Россія должна сознать себя и Западомъ, Востоко-Западомъ, соединителемъ двухъ міровъ, а не раздѣлителемъ. Владиміръ Соловьевъ духовно покончилъ съ старымъ славянофильствомъ, съ его ложнымъ націонализмомъ и исключительнымъ восточничествомъ. И послѣ дѣла Вл. Соловьева христіанскій универсализмъ долженъ считаться окончательно утвержденнымъ въ сознаніи. Всякій партикуляризмъ по существу не христіанской природы. Исключительное господство восточной стихіи въ Россіи всегда было рабствомъ у женственнаго природнаго начала и кончалось царствомъ хаоса, то реакціоннаго, то революціоннаго *). Россія, какъ самоутверждающійся Востокъ, Россія національно самодовольная и исключительная—означаетъ нераскрытость, невыявленность начала мужественнаго, человѣческаго и личнаго, рабства у начала природно-стихійнаго, національно родового, традиціонно бытового. Въ сознаніи религіозномъ это означаетъ абсолютизацію и обожествленіе тѣлесно-относительнаго, довольство животной теплотой національной плоти. Въ этомъ—вѣчный соблазнъ и великая опасность Россіи. Женственность славянъ дѣлаетъ ихъ мистически чуткими, способными прислушиваться къ внутреннимъ голосамъ. Но исключительное господство женственной стихіи мѣшаетъ имъ выполнить свое призваніе въ мірѣ. Для русскаго мессіанизма нуженъ мужественный духъ,—безъ него опять и опять будетъ провалъ въ эту плѣнительную и затягивающую первородную стихію русской земли, которая ждетъ своего просвѣтлѣнія и сформленія. Но конецъ славянофильства есть также конецъ и западничества, конецъ самаго противоположенія Востока и Запада. И въ западничествѣ былъ партикуляризмъ и про-

*) Въ Русской революціи мы и видимъ господство исключительно восточнаго начала, отвергающаго нормы цивилизаціи и расковыливающаго хаосъ.

винціализмъ, не было вселенскаго духа. Западничество означало какое-то нездоровое и немужественное отношеніе къ Западу, какую-то несвободу и безсиліе почувствовать себя дѣйственной силой и для самаго Запада. Русское самосознаніе не можетъ быть ни славянофильскимъ, ни западнымъ, такъ какъ обѣ эти формы означаютъ несовершеннolѣтіе русскаго народа, его незрѣлость для жизни міровой, для міровой роли. На Западѣ не можетъ быть западничества, тамъ невозможна эта мечта о Западѣ, какъ о какомъ-то высшемъ состояніи. Высшее состояніе не есть Западъ, какъ не есть и Востокъ; оно не географично и матеріально ничѣмъ не ограничено. Міровая война должна преодолѣть существованіе Россіи, какъ исключительнаго Востока и Европы, какъ исключительнаго Запада. Человѣчество выйдетъ изъ этихъ ограниченій. Россія выйдетъ въ міровую жизнь опредѣляющей силой. Но міровая роль Россіи предполагаетъ пробужденіе въ ней творческой активности человѣка, выходъ изъ состоянія пассивности и растворенности. Уже въ Достоевскомъ, вѣчно двоящемся, есть пророчество объ откровеніи человѣка, объ исключительномъ по остротѣ антропологическомъ сознаніи. Истинный русскій мессіаниззмъ предполагаетъ освобожденіе религиозной жизни, жизни духа отъ исключательной закрѣпощенности у началъ національныхъ и государственныхъ, отъ всякой прикованности къ матеріальному быту. Россія должна пройти черезъ религиозную эмансипацію личности. Русскій мессіаниззмъ опирается прежде всего на русское странничество, скитальчество и исканіе, на русскую мятежность и неуголимость духа, на Россію пророческую, на русскихъ—града своего не имѣющихъ, града грядущаго взыскующихъ. Русскій мессіаниззмъ не можетъ быть связанъ съ Россіей бытовой, инертно-косной, Россіей, отяжелѣвшей въ своей національной плоти, съ Россіей, охраняющей обрядовѣріе, съ русскими—довольными своимъ градомъ, градомъ языческимъ, и страшущимися града грядущаго.

Все своеобразіе славянской и русской мистики — въ исканіи града Божьяго, града грядущаго, въ ожиданіи сошествія на землю Небеснаго Іерусалима, въ жадѣ всеобщаго спасенія и всеобщаго блага, въ апокалиптической настроенности. Эти апокалиптическія, пророчественныя ожи-

данія находятя въ противорѣчїи съ тѣмъ чувствомъ, что русскіе уже градъ свой имѣютъ, и что градъ этотъ— «святая Русь». А на этомъ бытовомъ и удовлетворенномъ чувствѣ основывалось въ значительной степени славянофильство и основывается вся наша правая религіозно-національная идеологія. Религія священства,—охраненія того, что есть, сталкивается въ духѣ Россіи съ религіей пророчества,—взысканія грядущей правды. Здѣсь одно изъ коренныхъ противорѣчій Россіи. И если можно многое привести въ защиту того тезиса, что Россія—страна охраненія религіозной святости по преимуществу и въ этомъ ея религіозная миссія, то не меньше можно привести въ защиту того антитезиса, что Россія по преимуществу страна религіознаго алканія, духовной жажды, пророческихъ предчувствій и ожиданій. Въ лицѣ Достоевскаго воплощена эта религіозная антиномія Россіи. У него два лика: одинъ обращенъ къ охраненію, къ закрѣпленію національно-религіознаго быта, выдаваемого за подлинное бытіе,—образъ духовной сытости, а другой ликъ—пророческій, обращенный къ граду грядущему,—образъ духовнаго голода. Противорѣчіе и противоборство духовной сытости и духовнаго голода— основное для Россіи, и изъ него объяснимы многія другія противорѣчія Россіи. Духовная сытость дается пассивной отдачей себя женственной національной стихіи. Это не есть еще насыщеніе Божественной пищей, это все еще натуралистическое насыщеніе. Духовный голодъ, неудовлетворенность натуралистической національной пищей, есть знакъ освобожденія мужественнаго начала личности. То же противорѣчіе, которое мы видимъ въ національномъ гени Достоевскаго, видимъ мы и въ русской народной жизни, въ которой всегда видны два образа. Духовная сытость, охраненіе стараго, бытовое и внѣшне-обрядовое пониманіе христіанства—одинъ образъ народной религіозной жизни. Духовный голодъ, пророческія предчувствія, мистическая углубленность на вершинахъ православія въ иныхъ сторонахъ нашего сектанства и раскола, въ странничествѣ—другой образъ народной религіозной жизни. Русская мистика, русскій мессіанизмъ связаны со вторымъ образомъ Россіи, съ ея духовнымъ голодомъ и жаждой божественной правды на землѣ, какъ и на небѣ. Апокалиптическая настроенность глубоко отличаетъ русскую мисти-

ку отъ мистики германской, которая есть лишь погруженіе въ глубину духа и которая никогда не была устремленіемъ къ Божьему граду, къ концу, къ преображенію міра. Но русская апокалиптическая настроенность имѣетъ сильный уклонъ къ пассивности, къ выжидательности, къ женственности. Въ этомъ сказывается характерная особенность русскаго духа. Пророчесвенная русская душа чувствуетъ себя пронизанной мистическими токами. Въ народной жваніи это принимаетъ форму ужаса отъ ожиданія антихриста. Въ послѣднее время эти подлинныя народныя религіозныя переживанія проникли и въ наши культурныя религіозно-философскія теченія, но уже въ отраженной и слишкомъ стилизованной, искусственной формѣ. Образовался даже эстетическій культъ религіозныхъ ужасовъ и страховъ, какъ вѣрный признакъ мистической настроенности. И въ этомъ опять нѣтъ того мужественнаго, активнаго и творящаго духа, который всего болѣе нуженъ Россіи для выполненія міровой задачи, къ которой она призвана. Россія пророческая должна перейти отъ ожиданія къ созиданію, отъ жуткаго ужаса къ духовному дерзновенію. Слишкомъ ясно, что Россія не призвана къ благополучію, къ тѣлѣсному и духовному благоустройству, къ закрѣпленію старой плоти міра. Въ ней нѣтъ дара созданія средней культуры, и этимъ она дѣйствительно глубоко отличается отъ странъ Запада, отличается не только по отсталости своей, а по духу своему.

Здѣсь тайна русскаго духа. Духъ этотъ устремленъ къ послѣднему и окончательному, къ абсолютному во всемъ; къ абсолютной свободѣ и къ абсолютной любви. Но въ природно-историческомъ процессѣ царитъ относительное и среднее. И потому русская жажда абсолютной свободы на практикѣ слишкомъ часто приводитъ къ рабству въ относительномъ и среднемъ и русская жажда абсолютной любви—къ враждѣ и ненависти *). Для русскихъ характерно какое-то безсиліе, какая-то бездарность во всемъ относительномъ и среднемъ. А исторія культуры и общественности вся вѣдь въ среднемъ и относительномъ; она не абсолютна и не конечна. Такъ какъ царство Божіе есть царство абсолютнаго и конечнаго, то русскіе легко отдають

*) Русская революція наглядно показала всю опасность русской абсолютности

все относительное и среднее во власть царства діавола Черта эта очень національно-русская. Добыть себѣ относительную общественную свободу русскимъ трудно не потому только, что въ русской природѣ есть пассивность и подавленность, но и потому, что русскій духъ жаждетъ абсолютной Божественной свободы. Поэтому же трудно русскимъ создавать относительную культуру, которая всегда есть дѣло предиослѣднее, а не послѣднее. Русскіе постоянно находятся въ рабствѣ въ среднемъ и въ относительномъ и оправдываютъ это тѣмъ, что въ окончательномъ и абсолютномъ они свободны. Тутъ скрытъ одинъ изъ глубочайшихъ мотивовъ славянофильства. Славянофилы хотѣли оставить русскому народу свободу религіозной совѣсти, свободу думы, свободу духа, а всю остальную жизнь отдать во власть силы, неограниченно управляющей русскимъ народомъ. Достоевскій въ легендѣ о „Великомъ Инквизиторѣ“ провозгласилъ неслыханную свободу духа, абсолютную религіозную свободу во Христв. И Достоевскій же готовъ былъ не только покорно мириться, но и защищать общественное рабство. По иному, но та-же русская черта сказалась и у нашихъ революціонеровъ-максималистовъ, требующихъ абсолютнаго во всякой относительной общности и не способныхъ создать свободной общности. Тутъ мы съ новой стороны подходимъ къ основнымъ противорѣчіямъ Россіи. Это все та-же разобщенность мужественнаго и женственнаго начала въ нѣдрахъ русской стихіи и русскаго духа. Русскій духъ, устремленный къ абсолютному во всемъ, не овладѣваетъ мужественно сферой относительнаго и срединнаго, онъ отдается во власть внѣшнихъ силъ. Такъ въ срединной культурѣ онъ всегда готовъ отдаться во власть германизма, германской философіи и науки. То-же и въ государственности, по существу срединной и относительной. Русскій духъ хочетъ священнаго государства въ абсолютномъ и готовъ мириться съ звѣринымъ государствомъ въ относительномъ. Онъ хочетъ святости въ жизни абсолютной и только святость его плѣняетъ, и онъ же готовъ мириться съ грязью и низостью въ жизни относительной. Поэтому святая Русь имѣла всегда обратной своей стороною Русь звѣривую. Россія какъ бы всегда хотѣла лишь ангельскаго и звѣр-

скаго и недостаточно раскрывала въ себѣ человѣческое. Ангельская святость и звѣрская низость—вотъ вѣчныя колебанія русскаго народа, невѣдомыя болѣе среднимъ западнымъ народамъ. Русскій человѣкъ упоенъ святостью и онъ же упоенъ грѣхомъ, низостью. Смиренная грѣховность, не дерзающая слишкомъ подыматься, такъ характерна для русской религіозности. Въ этомъ чувствуется упоеніе отъ погруженія въ теплую національную плоть, въ низинную земляную стихію. Такъ и само пророческое мессіанское въ русскомъ духѣ, его жажда абсолютнаго, жажда преображенія, оборачивается какой-то поработченностью. Я пытался характеризовать всѣ противорѣчія Россіи и свести ихъ къ единству. Это путь къ самосознанію, къ осознанію того, что нужно Россіи для раскрытія ея великихъ духовныхъ потенцій, для осуществленія ея міровыхъ задачъ.

Какъ человѣкъ долженъ относиться къ землѣ своей, русскій человѣкъ къ русской землѣ? Вотъ наша проблема. Образъ родной земли не есть только образъ матери, это также—образъ невѣсты и жены, которую человѣкъ оплодотворяетъ своимъ логосомъ, своимъ мужественнымъ свѣтоноснымъ и оформляющимъ началомъ, и образъ дитяти. Прежде всего человѣкъ долженъ любить свою землю, любить во всѣхъ ея противорѣчіяхъ, съ ея грѣхами и недостатками. Безъ любви къ своей землѣ человѣкъ безсиленъ что-нибудь сотворить, безсиленъ овладѣть землей. Безъ стихій земли мужественный духъ безсиленъ. Но любовь человѣка къ землѣ не есть рабство человѣка у земли, не есть пассивное въ нее погруженіе и раствореніе въ ея стихіи. Любовь человѣка къ землѣ должна быть мужественной. Мужественная любовь есть выходъ изъ натуралистической зависимости, изъ родовой погруженности въ стихійный первородный коллективизмъ. Въ Россіи все еще слишкомъ господствуетъ не только натуральное хозяйство въ ея матеріальной жизни, но и натуральное хозяйство въ ея духовной жизни. Изъ этого періода натурального хозяйства въ мукахъ выходитъ русскій народъ и процессъ этотъ болѣзненъ и мучителенъ. Русское отщепенство и скитальчество связано съ этимъ отрываніемъ отъ родовой натуралистической зависимости, принятой за высшее состояніе. Огрывъ этотъ не есть отрывъ отъ родной земли.

И русскіе отщепенцы и скитальцы остаются русскими, характерно національными. Наша любовь къ русской землѣ, многострадальной и жертвенной, превышаетъ всѣ эпохи, всѣ отношенія и всѣ идеологическія построенія. Душа Россіи — не буржуазная душа, — душа не склоняющаяся передъ золотымъ тельцомъ, и уже за одно это можно любить ее безконечно. Россія дорога и любима въ самихъ своихъ чудовищныхъ противорѣчійхъ, въ загадочной своей антиномичности, въ своей таинственной стихійности. Это всѣ почувствовали, когда началась война.

Но русская стихія требуетъ оформляющаго и свѣтоносящаго логоса. Недостатокъ мужественнаго характера и того закала личности, который на Западѣ выработывался рыцарствомъ, — самый опасный недостатокъ русскихъ и русскаго народа и русской интеллигенціи. Сама любовь русскаго человѣка къ родной землѣ принимала форму, препятствующую развитію мужественнаго личнаго духа. Во имя этой любви, во имя припаданія къ лону матери отвергалось въ Россіи рыцарское начало. Русскій духъ былъ окутанъ плотнымъ покровомъ національной матери, онъ тонулъ въ теплой и влажной плоти. Русская душевность, столь хорошо всѣмъ извѣстная, связана съ этой теплотой и влажностью; въ ней много еще плоти и недостаточно духа. Но плоть и кровь не наследуютъ вѣчности, и вѣчной можетъ быть лишь Россія духа. Россія духа можетъ быть раскрыта лишь путемъ мужественной жертвы жизнью въ животной теплотѣ коллективной родовой плоти. Таина Россіи можетъ быть разгадана лишь освобожденіемъ ея отъ искажающаго рабства у темныхъ стихій. Въ очистительномъ огнѣ мірового пожара многое сгоритъ, встлѣютъ ветхія матеріальныя одежды міра и человѣка. И тогда возрожденіе Россіи къ новой жизни можетъ быть связано лишь съ мужественными, активными и творящими путями духа, съ раскрытіемъ Христа внутри человѣка и народа, а не съ натуралистической родовой стихіей, вѣчно влекущей и порабащавшей. Это — побѣда огня духа надъ влагой и тепломъ душевной плоти. Въ Россіи въ силу религіознаго ея характера, всегда устремленнаго къ абсолютному и конечному, человѣческое начало не можетъ раскрыться въ формѣ гуманизма, т. е. безрелигіозно. И на Западѣ гума-

низмъ исчерпаль, изжилъ себя, пришелъ къ кризису, изъ котораго мучительно ищетъ западное человѣчество выхода. Повторять съ запозданіемъ западный гуманизмъ Россія не можетъ. Въ Россіи откровеніе человѣка можетъ быть лишь религіознымъ откровеніемъ, лишь раскрытіемъ внутренняго, а не внѣшняго человѣка, Христа внутри. Таковъ абсолютный духъ Россіи, въ которомъ все должно итти отъ внутренняго, а не внѣшняго. Таково призваніе славянства. Въ него можно только вѣрить, его доказать нельзя. Русскій народъ нужно болѣе всего призывать къ религіозной мужественности не на войнѣ только, но и въ жизни мирной, гдѣ онъ долженъ быть господиномъ своей земли. Мужественность русскаго народа не будетъ отвлеченной, оторванной отъ женственности, какъ у германцевъ. Есть тайна особенной судьбы въ томъ, что Россія съ ея аскетической душой должна быть великой и могущественной. Не слабой и маленькой, а сильной и большой побѣдитъ она соблазнъ царства этого міра. Лишь жертвенность большого и сильнаго, лишь свободное его уничтоженіе въ этомъ мірѣ спасаетъ и искупляетъ. Русское національное самосознаніе должно полностью вмѣстить въ себя эту антиномію: русскій народъ по духу своему и по призванію своему сверхгосударственный и сверхнаціональный народъ, по идеѣ своей, не любящій «міра» и того, что въ «мірѣ», но ему дано — могущественнѣйшее національное государство для того, чтобы жертва его и отреченіе были вольными, были отъ силы, а не отъ безсилія. Но антиномія русскаго бытія должна быть перенесена внутрь русской души, которая станетъ мужественно-жертвенной, въ себѣ самой изживающей таинственную свою судьбу. Раскрытіе мужественнаго духа въ Россіи не можетъ быть прививкой къ ней серединной западной культуры. Русская культура можетъ быть лишь конечной, лишь выходомъ за грани культуры. Мужественный духъ потенциально заключенъ въ Россіи пророческой, въ русскомъ странничествѣ и русскомъ исканіи правды. И внутренне онъ соединится съ женственностью русской земли.

О „вѣчно бабьемъ“ въ русской душѣ.

I.

Вышла книга В. В. Розанова «Война 1914 года и русское возрожденіе». Книга—блестящая и возмущающая. Розановъ—сейчасъ первый русскій стилистъ, писатель съ настоящими проблесками гениальности. Есть у Розанова особенная, таинственная жизнь словъ, магія словосочетаній, притягивающая чувственность словъ. У него нѣтъ словъ отвлеченныхъ мертвыхъ, книжныхъ. Всѣ слова—живыя, біологическія, полнокровныя. Чтеніе Розанова—чувственное наслажденіе. Трудно передать своими словами мысли Розанова. Да у него и нѣтъ никакихъ мыслей. Все заключено въ органической жизни словъ и отъ нихъ не можетъ быть оторвано. Слова у него не символы мысли, а плоть и кровь. Розановъ—необыкновенный художникъ слова, но въ томъ, что онъ пишетъ, нѣтъ аполлоническаго претворенія и оформленія. Въ ослѣпительной жизни словъ онъ даетъ сырье своей души, безъ всякаго выбора, безъ всякой обработки. И дѣлаетъ онъ это съ даромъ единственнымъ и неповторимымъ. Онъ презираетъ всякія «идеи», всякій логосъ, всякую активность и сопротивляемость духа въ отношеніи къ душевному и жизненному процессу. Писательство для него есть біологическое отправление его организма. И онъ никогда не сопротивляется никакимъ своимъ біологическимъ процессамъ, онъ ихъ непосредственно заноситъ на бумагу, переводитъ на бумагу жизненный потокъ. Это дѣлаетъ Розанова совершенно исключительнымъ, небывалымъ явленіемъ, къ которому трудно подойти съ обычными критеріями. Гениальная физиологія розановскихъ пи-

саній поражаетъ своей безыдейностью, безпринципностью, равнодушіемъ къ добру и злу, невѣрностью, полнымъ отсутствіемъ нравственнаго характера и духовнаго упора. Все, что писалъ Розановъ,—писатель богатаго дара и большого жизненнаго значенія, есть огромный біологическій потокъ, къ которому невозможно приставать съ какими-нибудь критеріями и оцѣнками.

Розановъ—это какая-то первородная біологія, нерезживаемая, какъ мистика. Розановъ не боится противорѣчій, потому что противорѣчій не боится біологія, ихъ боится лишь логика. Онъ готовъ отрицать на слѣдующей страницѣ то, что сказалъ на предыдущей, и остается въ цѣлостности жизненнаго, а не логическаго процесса. Розановъ не можетъ и не хочетъ противостоятъ наплыву и напору жизненныхъ впечатлѣній, чувственныхъ ощущеній. Онъ совершенно лишенъ всякой мужественности духа, всякой активной силы сопротивленія стихіямъ вѣтра, всякой внутренней свободы. Всякое жизненное дуновение и ощущеніе превращаютъ его въ резервуаръ, принимающій въ себя потокъ, который потомъ съ необычайной быстротой переливается на бумагу. Такой складъ природы принуждаетъ Розанова всегда преклоняться передъ фактомъ, силой и исторіей. Для него самъ жизненный потокъ въ своей мощи и есть Богъ. Онъ не могъ противостоятъ потоку націоналистической реакціи 80-хъ годовъ, не могъ противостоятъ потоку декаденства въ началѣ XX вѣка, не могъ противостоятъ революціонному потоку 1905 г., а потомъ новому реакціонному потоку, напору антисемитизма въ эпоху Бейлиса, наконецъ, не можетъ противостоятъ могучему потоку войны, подъему героическаго патріотизма и опасности шовинизма.

Многихъ плѣняетъ въ Розановѣ то, что въ писаніяхъ его, въ своеобразной жизни его словъ чувствуется какъ бы сама мать-природа, мать-земля и ея жизненные процессы. Розанова любятъ потому, что такъ устали отъ отвлеченности, книжности, оторванности. Въ его книгахъ какъ бы чувствуютъ больше жизни. И готовы простить Розанову его чудовищный цинизмъ, его писательскую визость, его неправду и предательство. Православные христіане, самыя нетерпимыя и отлучающіе, проетили Розанову все, забыли, что онъ много лѣтъ хулилъ Христа, кощунствовалъ и

внушалъ отвращеніе къ христіанской святынѣ. Розановъ все таки свой человѣкъ, близкій біологически, родственникъ, дядюшка, вѣчно упоенный православнымъ бытомъ.

Онъ, въ сущности, всегда любилъ православіе безъ Христа и всегда оставался вѣренъ такому языческому православію, которое вѣдь много милѣе и ближе, чѣмъ суровый и трагическій духъ Христовъ. Въ Розановѣ такъ много характерно-русскаго, истинно-русскаго. Онъ—геніальный выразитель какой-то стороны русско́й природы, русской стихіи. Онъ возможенъ только въ Россіи. Онъ зародился въ воображеніи Достоевскаго и даже превзошелъ своимъ неправдоподобіемъ все, что представлялось этому геніальному воображенію. А вѣдь воображеніе Достоевскаго было чисто русское, и лишь до глубины русское въ немъ зарождалось. И если отраднo имѣть писателя, столь до конца русскаго, и поучительно видѣть въ немъ обнаруженіе русской стихіи, то и страшно становится за Россію, жутко становится за судьбу Россіи. Въ самыхъ нѣдрахъ русскаго характера обнаруживается вѣчно-бабье, не вѣчно-женственное, а вѣчно-бабье. Розановъ — геніальная русская баба, мистическая баба. И это «бабье» чувствуется и въ самой Россіи.

II.

Книга Розанова о войнѣ заканчивается описаніемъ того потока ощущеній, который хлынулъ въ него, когда онъ однажды шелъ по улицѣ Петрограда и встрѣтилъ полкъ конницы. «Я все робко смотрѣлъ на эту нескончаемо идущую вереницу тяжелыхъ всадниковъ, изъ которыхъ каждый былъ такъ огроменъ сравнительно со мной!.. Малѣйшая неправильность движенія—и я раздавленъ... Чувство своей подавленности болѣе и болѣе входило въ меня. Я чувствовалъ себя обвѣяннымъ чужою силой,—до того огромною, что мое «я» какъ-бы уносилоь пушинкою въ вихрь этой огромности и этого множества... Когда я вдругъ началъ чувствовать, что не только «боюсь», но и—обворожень ими,—зачарованъ страннымъ очарованіемъ, которое только одинъ разъ—вотъ этотъ—испыталъ въ жизни. Произошло странное явленіе: преувеличенная мужественность того, что

было предъ мною — какъ бы измѣнила структуру моей организаціи и отбросила, опрокинула эту организацію — въ женскую. Я почувствовалъ необыкновенную нѣжность, потому и сонливость во всемъ существѣ... Сердце упало во мнѣ — любовью... Мнѣ хотѣлось бы, чтобы они были еще огромнѣе, чтобы ихъ было еще больше... Этотъ колоссъ физиологій, колоссъ жизни и должно быть источникъ жизни — вызвалъ во мнѣ чисто женственное ощущеніе безвольности, покорности и ненасытнаго желанія «побыть вблизи», видѣть, не спускать глазъ... Определенно — это было начало влюбленія «дѣвушки»: (стр. 230—32). И Розановъ восклицаетъ: Сила — вотъ одна красота въ мірѣ... Сила — она покоряетъ, передъ ней падаютъ, ей, наконецъ, — молятся... Молятся вообще «слабые» — «мы», вотъ «я» на тротуарѣ... Въ силѣ лежитъ тайна міра... Огромное сильное.. Голова была ясна, а сердце билось... какъ у женщины. Суть арміи, что она всѣхъ насъ превращаетъ въ женщинъ трепещущихъ, обнимающихъ воздухъ...» (стр. 233—34). Это замѣчательное описаніе даетъ ощущеніе прикосновенія, если не къ «тайнѣ міра и исторіи», какъ прегендуетъ Розановъ то къ какой то тайнѣ русской исторіи и русской души. Женственность Розанова, такъ художественно переданная, есть также женственность души русскаго народа. Исторія образованія русской государственности, величайшей въ мірѣ государственности, столь непостижимая въ жизни безгосударственнаго Русскаго народа, можетъ быть понята изъ этой тайны. У русскаго народа есть государственный даръ покорности, смиренія личности передъ коллективомъ. Русский народъ не чувствуетъ себя мужемъ, онъ все невѣстится, чувствуетъ себя женщиной передъ колоссомъ государственности, его покоряетъ «сила», онъ ощущаетъ себя розановскимъ «я на тротуарѣ», въ моментъ прохожденія конницы. Самъ Розановъ на протяженіи всей книги остается этимъ трепещущимъ «я на тротуарѣ». Для Розанова не только суть арміи, но и суть государственной власти въ томъ, что она «всѣхъ насъ превращаетъ въ женщинъ, слабыхъ, трепещущихъ, обнимающихъ воздухъ...». И онъ хочетъ показать, что весь русскій народъ такъ относится къ государственной власти. Въ книгѣ Розанова есть изумительныя, художественныя страницы небывалой апологійи самодавлѣющей силы государственной власти, переходящей въ настоя-

щее идолопоклонство. Подобнаго поклоненія государственной силѣ, какъ мистическому факту исторіи, еще не было въ русской литературѣ. И тутъ вскрывается очень интересное соотношеніе Розанова со славянофилами.

III.

Книга Розанова свидѣтельствуетъ о возрожденіи славянофильства. Оказывается, что славянофильство возродила война, и въ этомъ—основной смыслъ войны. Розановъ рѣшительно начинаетъ за здравіе славянофильства. И самъ онъ повторяетъ славянофильскіе зады, давно уже отвергнутые не «западнической» мыслью, а мыслью, продолжавшей дѣло славянофиловъ. Послѣ В. Соловьева нѣтъ уже возврата къ старому славянофильству. Но еще болѣе, чѣмъ мыслью, опровергнуты славянофильскіе зады жизнью. Розанову кажется, что партіотическій и національный подъемъ, вызванный войною, и есть возрожденіе, славянофильства. Я думаю, что нынѣшній историческій день совершенно опрокидываетъ и славянофильскія, и западническія платформы, и обязываетъ насъ къ творчеству новаго самосознанія и новой жизни. И мучительно видѣть, что насъ тянутъ назадъ, къ отживающимъ формамъ сознанія и жизни. Міровая война, конечно, приведетъ къ преодолѣнію старой постановки вопроса о Россіи и Европѣ, о Востокѣ и Западѣ. Она прекратитъ внутреннюю распрю славянофиловъ и западниковъ, упразднитъ и славянофильство, и западничество, какъ идеологіи провинціальныя, съ ограниченнымъ горизонтомъ.

Неужели міровыя событія, исключительныя въ міровой исторіи, ничему насъ не научатъ, не приведутъ къ рожденію новаго сознанія и оставятъ насъ въ прежнихъ категоріяхъ, изъ которыхъ мы хотѣли вырваться до войны? Русское возрожденіе не можетъ быть возрожденіемъ славянофильства, оно будетъ концомъ и стараго славянофильства и стараго западничества, началомъ новой жизни и новаго сознанія. Розанова же война вдохновила лишь на повтореніе въ тысячный разъ старыхъ словъ, потерявшихъ всякій вкусъ и аромать: «вся русская исторія есть тихая, безбурная; все русское состояніе—мирное, безбурное. Рус-

скіе люди—тихіе. Въ хорошихъ случаяхъ и благопріятной обстановкѣ они неодолимо вырастаютъ въ ласковыхъ привѣтныхъ, добрыхъ людей. Русскіе люди—«славные». (Стр. 51). Но съ наименьшимъ основаніемъ можно было бы утверждать, что русская душа—мятежная, ищущая, душа странническая, взыскающая новаго Града, никогда не удовлетворяющаяся ничѣмъ среднимъ и относительнымъ. Изъ этой прославленной и часто фальшиво звучащей «тихости, безбурности и славности» рождается инерція, которая мила вѣчно-бабьему сердцу Розанова, но никогда не рождается новой, лучшей жизни. Въ Розановской стихіи есть вѣчная опасность вѣчный соблазнъ русскаго народа, источникъ его безсилія стать народомъ мужественнымъ, свободнымъ, созрѣвшимъ для самостоятельной жизни въ мірѣ. И ужасно, что не только Розановъ, но и другіе, призванные быть выразителями нашего національнаго сознанія, тянутъ насъ назадъ и внизъ, отдаются соблазну пассивности, покорности, рабству у національной стихіи, женственной религіозности. Не только вѣчное, но и слишкомъ временное, старое и устарѣвшее въ славянофильствѣ хотѣли бы возстановить С. Булгаковъ, В. Ивановъ, В. Эрь. Огромной силѣ, силѣ національной стихіи, земли не противостоитъ мужественный, свѣтосносный и твердый духъ, который призванъ овладѣть стихіями. Отсюда рождается опасность шовинизма, бахвальство, снаружи и рабье смиренье внутри. И миръ внутри Россіи, преодоленіе вражды и злобы дѣлаютъ невозможнымъ именно Розановъ и ему подобные. Эти люди странно понимаютъ взаимное примиреніе и воссоединеніе враждующихъ партій и направленій, такъ понимаютъ, какъ понимаютъ католики соединеніе церкви, т. е. исключительно присоединеніе къ одной сторонѣ, на которой вся полнота истины. Этотъ старый способъ не замирить исторической распри «праваго» и «лѣваго» лагеря. Покаяніе должно быть взаимнымъ и амнистія должна быть взаимной и согласіе на самоограниченіе и жертву должно быть взаимнымъ. Вѣрилось, что война приведетъ къ этому, но пока этого нѣтъ, и наши націоналистическіе идеологи мѣшаютъ этому. Розановскія настроенія служатъ дѣлу злобы, а не мира.

Начавъ за здравіе славянофиловъ, Розановъ кончаетъ за упокой. Онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе Россіи

официальной и государственной передъ Россіей народной и общественной, и славянофильству официальному передъ славянофильствомъ общественнымъ. Славянофилы считали русскій народъ — народомъ безгосударственнымъ, и очень многое на этомъ строили. Розановъ, напротивъ, считаетъ русскій народъ народомъ государственнымъ по преимуществу. Въ государственности Розанова, которая для него самого является неожиданностью, ибо въ немъ самомъ всего менѣе было государственности и гражданственности,—онъ всегда было и въ домѣ частнаго быта, семейнаго родового уклада—чувствуется приспособленіе къ духу времени, бабья неспособность противостоятъ потоку впечатлѣній внѣшняго дня. Мнѣніе славянофиловъ о безгосударственности русскаго народа требуетъ большихъ корректоровъ, такъ какъ оно слишкомъ не согласуется съ русской исторіей, съ фактомъ созданія великаго русскаго государства.

Но способъ, которымъ Розановъ утверждаетъ государственность и поклоняется его силѣ,—совсѣмъ не государственный, совсѣмъ не гражданскій, совсѣмъ не мужественный. Розановское отношеніе къ государственной власти есть отношеніе безгосударственнаго, женственнаго народа, для котораго эта власть есть всегда начало внѣ его и надъ нимъ находящееся, инородное ему. Розановъ, какъ и наши радикалы, безнадежно смѣшиваетъ государство съ правительствомъ и думаетъ, что государство—это всегда «они», а не «мы». Что-то рабье есть въ словахъ Розанова о государственности, какая-то вѣковая отчужденность отъ мужественной власти. Это какое-то млѣніе, недостойное народа, призваннаго къ существованію совершеннолѣтнему, мужественно-зрѣлому. Въ своемъ рабьемъ и бабьемъ млѣніи передъ силой государственности, импонирующей своей далекостью и чуждостью, Розановъ доходитъ до того, что прославляетъ официальную правительственную власть за ея гоненія противъ славянофиловъ. Новый потокъ впечатлѣній хлынулъ на Розанова. Славянофилы, которые въ началѣ книги выражали Россію и русскій народъ, въ концѣ книги оказываются кучкой литераторовъ, полныхъ сомнѣнія и оторванныхъ отъ жизни. Истиннымъ выразителемъ Россіи и русскаго народа было официальное правительство, которому славянофилы осмѣливались оказывать оппозицію. «Славя-

нофильство» умерло, истому что оно оказалось не вужнымъ и наираснымъ, только мѣшающимъ въ параллельной мысли-тѣму «оффициальному правительству», которое одно и могло сдѣлать... Они (славянофилы) были именно мало-душны о Русской исторіи, твердя, бо стѣлеченно, о ней, что она святая... Святая Русь имъ казалась менѣ умной и менѣ правдивой, чѣмъ ихъ литературная и общественная партія. И вотъ откуда на нихъ гоненіе, довольно понятное». (стр. 122). Возрожденіе славянофильства оказывается совсѣмъ не вужнымъ. Государственная власть и была истиннымъ славянофильствомъ, рядомъ съ которымъ жалко и не нужно славянофильство литературное, идеологическое. Славянофильство воскреснетъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, что оно покается передъ оффициальнымъ правительствомъ и пойдетъ за нимъ. Идолопоклонство передъ фактомъ, какъ силой, достигло завершенія.

Славянофилы не были способны на такое идолопоклонство и потому были безсилны. «Пятномъ на славянофильствѣ было то, что они за оффициальностью не видѣли сердца, которое всегда билось. Мундиръ распахнулся,— и мы увидѣли сердце, которое всегда болѣло. И болѣло посвоему, никому не подражая, болѣло изъ себя» (стр. 127). «Несчастье, ошибка и порокъ славянофиловъ заключался именно въ такомъ воздушномъ представленіи своей якобы воздушной исторіи, якобы безъ— матеріальной исторіи» (стр. 125). Славянофильство оказывается нисколько не лучше западничества, оно—такъ же отвлеченно, литературно, идеологично, оторвано отъ подливной жизни, которая есть Россія «оффициальная». Славянофилы, дѣйствительно, преклонялись больше передъ русской «идеей», чѣмъ передъ фактомъ и силой. Розановъ завершаетъ славянофильство преклоненіемъ передъ силой и фактомъ. Презрѣніе Розанова къ идеямъ, мыслямъ, литературѣ не имѣетъ предѣловъ. Чиновникъ для него выше писателя. Чиновничья служба—дѣло серьезное, а литература—забава. Русскій народъ—государственный и серьезный народъ. «Ему было любо государство въ самихъ казняхъ,—ибо, казня, государство видѣло въ немъ душу и человѣка, а не игрушку, съ которой позабавиться. Увы, литература только «забавилась» около человѣка» (стр. 135). Розановъ хочетъ съ художественнымъ совершенствомъ вы-

разить обывательскую точку зрѣнія на міръ, тотъ взгляды старыхъ тетушекъ и дядюшекъ, но которому государственная служба есть дѣло серьезное, а литература, идеи и пр.—пустяки, забава. Но до чего все это литература у самого Розанова. Онъ самъ насквозь литераторъ и литераторъ болтливый. Розановъ былъ когда-то чиновникомъ контрольнаго вѣдомства. Но врядь ли онъ захочетъ остаться въ исторіи въ такомъ качествѣ. Онъ захочетъ остаться въ исторіи знаменитымъ литераторомъ и ни отъ одной строчки, написанной имъ, не откажется. Какъ много литературы въ самомъ чувствѣ народной жизни у Розанова, какъ далеко онъ отъ народной жизни и какъ мало ее знаетъ.

Народъ и государственность въ ослѣпительно талантливой литературѣ Розанова также отличается отъ народа и государственности въ жизни, какъ прекраснодушная война его книги отличается отъ трагической войны, которая идетъ на берегахъ Вислы и на Карпатахъ. Органичность, народность, объективная космичность Розанова лишь кажущіяся. Онъ совершенно субъективенъ, импрессионистиченъ и ничего не знаетъ и не хочетъ знать, кромѣ потока своихъ впечатлѣній и ощущеній. Само преклоненіе Розанова передъ фактомъ и силой есть лишь переливъ на бумагу потока его женственно-бабьихъ переживаній, почти сексуальныхъ по своему характеру. Онъ самъ изобличилъ свою психологію въ гениальной книгѣ «Уединенное», которая должна была бы быть послѣдней книгой его жизни и которая навсегда останется въ русской литературѣ. Напрасно Розановъ взываетъ къ серьезности противъ игры и забавы. Самъ онъ лишенъ серьезнаго нравственнаго характера, и все, что онъ пишетъ о серьезности официальной власти, остается для него безотвѣтственной игрой и забавой литературы. Онъ никогда не возьметъ на себя отвѣтственности за все сказанное имъ въ книгѣ о войнѣ.

IV.

Есть что-то неприятное и мучительное въ слишкомъ легкомъ, благодушномъ, литературно-идеологическомъ отношеніи къ войнѣ. Мережковскій справедливо возсталъ противъ «соловьевъ надъ кровью». Можно видѣть глубокий

смыслъ нынѣшней войны и нельзя не видѣть въ ней глубокаго духовнаго смысла. Все, что совершается нынѣ на войнѣ матеріально и внѣшне,—лишь знаки того, что совершается въ иной, болѣе глубокой, духовной дѣйствительности. Можно чувствовать, что огонь войны очистителенъ. Но война—явленіе глубоко трагическое, антиномическое и страшное, а нынѣшняя война болѣе, чѣмъ какая-либо изъ войнъ міровой исторіи. «Кровь—жидкость совсѣмъ особенная»,—говоритъ Гете въ «Фаустѣ». И нужно самому приобщиться къ мистеріи крови, чтобы имѣть право до конца видѣть въ ней радость, благо, очищеніе и спасеніе. Кабинетное, идеологическое обоготвореніе стихій войны и литературное прославленіе войны, какъ спасительницы отъ всѣхъ бѣдъ и золь нравственно неприятно и религіозно недопустимо. Война есть внутренняя трагедія для каждаго существа, она, безконечно серьезна. И мнѣ кажется, что Розановъ со слишкомъ большой легкостью и благополучіемъ переживаетъ весну отъ войны, сидя у себя въ кабинетѣ. Онъ пишетъ о героическомъ подъемѣ, хотя героизмъ чуждъ ему окончательно, и онъ отрицаетъ его каждымъ своимъ звукомъ. Но онъ также не можетъ противиться наплыву героизма, какъ не можетъ противиться разгрому германскаго посольства, который старается защитить. Нужно помнить, что природа войны отрицательная, а не положительная, она—великая проявительница и изобличительница. Но война, сама по себѣ, не творитъ новой жизни, она—лишь конецъ стараго, рефлексія на зло. Обоготвореніе войны такъ же недопустимо, какъ недопустимо обоготвореніе революціи или государственности.

V.

Есть въ книгѣ Розанова еще одна неприятная и щекотливая для него сторона. Розановъ всюду распинается за христіанство, за православіе, за церковь, всюду выставляетъ себя вѣрнымъ сыномъ православной церкви. Онъ увѣряетъ, что славянофиловъ не любили потому, что они были христіанами. Онъ повторяетъ цѣлый рядъ общихъ мѣстъ объ измѣнѣ христіанству, объ отпаденіи отъ вѣры отцовъ, починаетъ даже «Бюхнера и Молешотта», о которыхъ не

особенно ловко и вспоминать теперь, до того они отошли въ небытіе. Но я думаю, что христіанская религія имѣла гораздо болѣе опаснаго, болѣе глубокаго противника, чѣмъ «Бюхнеръ и Мошоттъ», чѣмъ наивные русскіе нигилисты, и противникъ этотъ былъ—В. В. Розановъ. Кто написалъ геніальную хулу на Христа «объ Исусѣ Сладчайшемъ и о горькихъ плодахъ міра», кто почувствовалъ темное начало въ Христѣ, источникъ смерти и небытія, истребленіе жизни, и противопоставилъ «демонической» христіанской религіи свѣтлую религію рожденія, божественное язычество, утвержденіе жизни и бытія? *).

О, какъ невинно, какъ неинтересно и незначительно отношеніе къ христіанству Чернышевскаго и Писарева, Бюхнера и Мошотта по сравненію съ отрываніемъ Розанова. Противленіе Розанова христіанству можетъ быть сопоставлено лишь съ прогивленіемъ Ницше, но съ той разницей, что въ глубинѣ своего духа Ницше ближе ко Христу, чѣмъ Розановъ, даже въ томъ случаѣ, когда онъ беретъ подъ свою защиту православіе. Лучшія, самыя яркія, самыя геніальныя страницы Розанова написаны противъ Христа и христіанства. Розановъ, какъ явленіе бытія, есть глубочайшая, полярная противоположность всему Христову. Конечно, съ Розановымъ могъ произойти духовный переворотъ, въ немъ могло совершиться новое рожденіе, изъ язычника онъ могъ стать христіаниномъ. Нехорошо прекать человѣка тѣмъ, что раньше онъ былъ другимъ. Но съ Розановымъ не въ этомъ вопросъ. Каждая строка Розанова свидѣтельствуетъ о томъ, что въ немъ не произошло никакого переворота, что онъ остался такимъ же язычникомъ, беззащитнымъ противъ смерти, какъ и всегда былъ, столь же полярно противоположнымъ всему Христову. Есть документы его души: «Уединенное» и «Опавшіе листья», которые онъ самъ опубликовалъ для міра. Розановъ пережилъ испугъ передъ ужасомъ жизни и смерти. О смерти онъ раньше не удосуживался подумать, такъ какъ исключительно былъ занятъ рожденіемъ, и въ немъ искалъ спасеніе отъ всего. И Розановъ изъ страха принялъ православіе, но православіе безъ Христа,—православный

*) См. книгу Розанова. «Темныя листья».

быть, всю животную теплоту православной плоти, все языческое въ православіи. Но вѣдь это онъ всегда любилъ въ православіи и всегда жилъ въ этой коллективной животной теплотѣ—не любилъ онъ и не могъ принять лишь Христа. Нѣтъ ни единаго звука, который свидѣтельствовалъ бы, что Розановъ принялъ Христа и въ Немъ сталъ искать спасеніе. Розановъ сейчасъ держится за христіанство, за православную церковь по постороннимъ, не религіознымъ соображеніямъ и интересамъ, по мотивамъ національнымъ, житейско-бытовымъ, публицистическимъ. Нельзя быть до того русскимъ и не имѣть связи съ православіемъ! Православіе такъ-же нужно Розанову для русскаго стиля, какъ самоваръ и блины. Да и съ «лѣвыми», съ интеллигентами и нигилистами легче расправляться, имѣя въ рукахъ орудіе православія. Но я думаю, что иные русскіе интеллигенты-атеисты на какой-то глубинѣ ближе ко Христу, чѣмъ Розановъ. Русскіе интеллигенты, въ лучшей, героической своей части, очень національны и въ своемъ антинационализмѣ, въ своемъ отщепенствѣ и скитальчествѣ и даже въ своемъ отрицаніи Россіи. Это—явленіе русскаго духа, болѣе русскаго, чѣмъ национализмъ западно-нѣмецкаго образца. Самъ же Розановъ видитъ въ русскомъ западничествѣ чисто русское самоотреченіе и смиреніе (стр. 53). И невозможно все въ жизни русской интеллигенціи отнести на счетъ «Бюхнера и Молешотта», «Маркса и Энгельса». Ни Марксъ, ни Бюхнеръ никогда не сидѣли глубоко въ русской душѣ, они заполняли лишь поверхностное со знаніе.

Великая бѣда русской души въ томъ же, въ чемъ бѣда и самого Розанова,—въ женственной пассивности, переходящей въ «бабье», въ недостаткѣ мужественности, въ склонности къ браку съ чужимъ и чуждымъ мужемъ. Русскій народъ слишкомъ живетъ въ національно-стихийномъ коллективизмѣ и въ немъ не окрѣпло еще сознаніе личности, ея достоинства и ея правъ. Этимъ объясняется то, что русская государственность была такъ пропитана нѣмчиной и часто представлялась инороднымъ владычествомъ. «Розановское», бабье и рабье, національно-языческое, до христіанское все еще очень сильно въ русской народной стихіи. «Розановщина» губить Россію, тянетъ ее внизъ,

засасываетъ, и освобожденіе отъ нея есть спасенія для Россіи. По крылатому слову Розанова «русская душа испугана грѣхомъ», и я бы прибавилъ, что она имъ ушиблена и придавлена. Этотъ первородный испугъ мѣшаетъ мужественно творить жизнь, овладѣть своей землей и національной стихіей. И если есть желанный смыслъ этой войны то онъ прямо противоположенъ тому смыслу, который хочетъ установить Розановъ. Смыслъ этотъ можетъ быть лишь въ выковываніи мужественнаго, активнаго духа въ русскомъ народѣ, въ выходѣ изъ женственной пассивности. Русскій народъ побѣдитъ германизмъ и духъ его займетъ великодержавное положеніе въ мірѣ, лишь побѣдивъ въ себѣ «розановщину». Мы давно уже говорили о русской національной культурѣ, о національномъ сознаніи, о великомъ призваніи русскаго народа. Но наши упованія глубоко противоположны всему «розановскому», «вѣчно-бабьему», шовинизму и бахвальству, и этому духовно-вампирическому отношенію къ крови, проливаемой русскими войсками. И думается, что для великой миссіи русскаго народа въ мірѣ останется существенной та великая христіанская истина, что душа человѣческая стоитъ больше чѣмъ всѣ царства и всѣ міры...

Война и кризисъ интеллигентскаго сознанія.

1.

Въ огромной массѣ русской интеллигенціи война должна породить глубокой кризисъ сознанія, расширеніе кругозора, измѣненіе основныхъ оцѣнокъ жизни. Привычныя категоріи мысли русской интеллигенціи оказались совершенно непригодны для сужденія о такихъ грандіозныхъ событіяхъ, какъ нынѣшняя міровая война. Сознаніе нашей интеллигенціи не было обращено къ исторически-конкретному и не имѣетъ органа для сужденій и оцѣнокъ въ этой области. Это сознаніе фатально пользуется сужденіями и оцѣнками, взятыми изъ совсѣмъ другихъ областей, болѣе для него привычныхъ. Традиціонное интеллигентское сознаніе было цѣликомъ обращено на вопросы внутренней политики и ориентировано исключительно на интересахъ соціальныхъ. Міровая война неизбѣжно обращаетъ сознаніе къ политикѣ международной и вызываетъ исключительный интересъ къ роли Россіи въ міровой жизни. Кругозоръ сознанія дѣлается міровымъ. Преодолѣвается провинціализмъ сознанія, провинціализмъ интересовъ. Мы, волей судьбы, выводимся въ ширь всемірной исторіи. Многіе традиціонно настроенные русскіе интеллигенты, привыкшіе все оцѣнивать по своимъ отвлеченно-соціологическимъ и отвлеченно-моралистическимъ категоріямъ, почувствовали растерянность, когда отъ нихъ потребовалась живая реакція на міровыя событія такого масштаба. Привычныя доктрины и теоріи оказались безсильны передъ грознымъ лицомъ всемірно историческаго фатума. Провинціальный кругозоръ русскаго радикализма, русскаго народничества и русскаго

соціалъ-демократизма не вмѣщала такихъ міровыхъ событій Традиціонное сознание привыкло презирать все «международное» и цѣликомъ отдавать его въ вѣдѣніе «буржуазіи». Но послѣ того, какъ началась міровая война, никто уже не можетъ съ призраніемъ отвращаться отъ «международнаго,» ибо нынѣ оно опредѣляетъ внутреннюю жизнь страны. Въ русской интеллигенціи пробудились инстинкты, которые не вмѣщались въ доктрины и были подавлены доктринами, инстинкты непосредственной любви къ родинѣ, и подъ ихъ жизненнымъ вoadѣйствіемъ начало перерождаться сознание. Многими это измѣненіе сознанія переживается трагически и сопровождается чувствомъ выброшенности за бортъ исторіи. Съ міромъ происходитъ не то, что привыкли предвидѣть, что должно было съ нимъ происходить по традиціоннымъ доктринамъ и теоріямъ. Приходится ломать не только свое «міровозрѣніе» но и свои привычныя традиціонныя чувства. Вынужденіе всемірною исторіей обращеніе къ интересамъ международнымъ, къ историческимъ судьбамъ народовъ и ихъ взаимоотношеніямъ обращаетъ также и внутрь жизни каждаго народа, повышаетъ и укрѣпляетъ національное самочувствіе и самосознание. Обращеніе къ международному и всемірно-историческому обостряетъ чувство цѣнности собственной національности и сознание ея задачъ въ мірѣ. А поглощенность борьбой партій и классовъ ослабляетъ чувство національности. Широкииъ кругамъ интеллигенціи война несетъ сознание цѣнности своей національности, цѣнности всякой національности, чего она была почти совершенно лишена. Для традиціоннаго интеллигентскаго сознанія существовала цѣнность добра, справедливости, блага народа, братства народовъ, но не существовало цѣнности національности, занимающей совершенно особенное мѣсто въ іерархіи міровыхъ цѣнностей. Национальность представлялась не самоцѣнностью, а чѣмъ-то подчвненнымъ другимъ отвлеченнымъ цѣностямъ блага. И это объясняется прежде всего тѣмъ, что традиціонное сознание интеллигенціи никогда не было обращено къ исторически-конкретному, всегда жило отвлеченными категоріями и оцѣнками. Историческіе инстинкты и историческое сознание у русскихъ интеллигентовъ почти такъ же слабы, какъ у женщинъ;

которыя почти совершенно лишены возможности стать на точку зрѣнія историческую и признать цѣнности историческія. Это всегда означаетъ господство точки зрѣнія блага надъ точкой зрѣнія цѣнности.

Вѣдь, послѣдовательно проведенная точка зрѣнія блага людей ведетъ къ отрицанію смысла исторіи и историческихъ цѣнностей, такъ какъ цѣнности историческія предполагаютъ жертву людскимъ благамъ и людскими поколѣніями во имя того, что выше блага и счастья людей и ихъ эмпирической жизни. Исторія, творящая цѣнности, по существу трагична и не допускаетъ никакой остановки на благополучіи людей. Цѣнность національности въ исторіи, какъ и всякую цѣнность, приходится утверждать жертвенно, поверхъ блага людей, и она сталкивается съ исключительнымъ утвержденіемъ блага народа, какъ высшаго критерія. Достоинство націи ставится выше благополучія людей. Съ точки зрѣнія благополучія нынѣшняго поколѣнія можно согласиться на постыдный миръ, но это невозможно съ точки зрѣнія цѣнности національности и ея исторической судьбы.

II.

Сущность кризиса, совершающагося у насъ подъ вліяніемъ войны, можно формулировать такъ: нарождается новое сознаніе, обращенное къ историческому, къ конкретному, преодолевается сознаніе отвлеченное и доктринерское, исключительный соціологизмъ и морализмъ нашего мышленія и оцѣнокъ. Сознаніе нашей интеллигенціи не хотѣло знать исторіи, какъ конкретной метафизической реальности и цѣнности. Оно всегда оперировало отвлеченными категориями соціологіи, этики или догматики, подчиняло историческую конкретность отвлеченно-соціологическимъ, моральнымъ или догматическимъ схемамъ. Для такого сознанія не существовало національности и расы, исторической судьбы и историческаго многообразія и сложности, для него существовали лишь соціологическіе классы или отвлеченныя идеи добра и справедливости. Задачи историческія, всегда конкретныя и сложныя, мы любили рѣшать отвле-

тельно-соціологически, отвлеченно-морально или отвлеченно-религіозно, т.-е. упрощаѣть ихъ, сводить къ категоріямъ, взятымъ изъ другихъ областей. Русское сознаніе имѣетъ исключительную склонность морализировать надъ исторіей, т.-е. примѣнять къ исторіи моральныя категоріи, взятыя изъ личной жизни.

Можно и должно открывать моральный смыслъ историческаго процесса, но моральныя категоріи исторіи существенно отличаются отъ моральныхъ категорій личной жизни. Историческая жизнь есть самостоятельная реальность и въ ней есть самостоятельныя цѣнности. Къ такимъ реальностямъ и цѣностямъ принадлежитъ національность, которая есть категорія конкретно-историческая, а не отвлеченно-соціологическая. Въ русской потребности все въ мірѣ осмыслить морально и религіозно есть своя правда. Русская душа не мирится съ поклоненіемъ безсмысленной, безнравственной и безбожной силѣ, она не принимаетъ исторіи, какъ природной необходимости. Но тутъ здоровое и цѣнное зерно должно быть выдѣлено изъ ограниченнаго, упрощающаго и схематизирующаго сознанія. Мы должны раскрыть свою душу и свое сознаніе для конкретной и многообразной исторической дѣйствительности, обладающей своими специфическими цѣностями. Мы должны признать реальность націи и цѣнность національно-историческихъ задачъ. Вопросъ о міровой роли Россіи, о ея судьбѣ приобретаетъ огромное значеніе, онъ не можетъ быть растворенъ въ вопросѣ о народномъ благѣ, о соціальной справедливости и т. п. вопросахъ. Кругозоръ становится міровымъ, всемірно-историческимъ. А всемірную исторію нельзя втиснуть ни въ какія отвлеченно-соціологическія или отвлеченно-моральныя категоріи, — она знаетъ свои оцѣнки. Россія есть самостоятельная цѣнность въ мірѣ, не растворяемая въ другихъ цѣностяхъ, и эту цѣнность Россіи нужно донести до божественной жизни.

Традиціонное примѣненіе русской интеллигенціи отвлеченно-соціологическихъ категорій къ исторической жизни и историческимъ задачамъ всегда было лишь своеобразной и прикрытой формой морализированія надъ исторіей. Когда разразилась война, то многіе русскіе интеллигенты дѣлали попытки оцѣнить ее съ точки зрѣнія интересовъ пролета-

ріата, примѣнить къ ней категоріи соціологической доктрины экономическаго матеріализма или соціологической и этической теории народничества. Также интеллигенты другого лагеря начали примѣнять доктрины славянофильскія и разсматривать ее исключительно съ точки зрѣнія православно-догматической. А толстовцы бойкотировали войну съ позицій своего отвлеченнаго морализма. Русскіе соціаль-демократы или народники также упрощенно морализовали надъ исторіей при помощи своихъ соціологическихъ схемъ, какъ и славянофилы, какъ и толстовцы, при помощи схемъ религіозно-онтологическихъ и религіозно-моральныхъ. Всѣ эти традиціонныя и доктринерскія точки зрѣнія не признаютъ самостоятельной исторической реальности и самостоятельныхъ историческихъ цѣнностей. Душа не раскрывается передъ многообразной исторической дѣйствительностью, и энергія мысли не работаетъ надъ новыми творческими задачами, поставленными жизнью и исторіей. Мысль не работаетъ надъ новыми явленіями и темами, не проникаетъ въ конкретность міровой жизни, а упрощенно примѣняетъ свои старыя схемы, свои сокращенныя категоріи, соціологическія, моральныя или религіозныя. Но міровыя событія требуютъ погруженія въ конкретное, повышенія энергіи мысли, совершающей новую работу надъ всякимъ новымъ явленіемъ жизни. Славянофильскія, народническія или соціаль-демократическія доктринерскія схемы совершенно не приспособлены для новыхъ событій міровой исторіи, ибо онѣ выработаны для болѣе простой и элементарной дѣйствительности. Русское мышленіе всегда было слишкомъ монистично, слишкомъ поглощено единымъ и враждебно множественности, закрыто для конкретнаго многообразія. Міровая война вызываетъ кризисъ этого исключительнаго монизма русскаго мышленія, всегда склоннаго насиловать безконечную сложность бытія. Нужно начать мыслить не по готовымъ схемамъ, не примѣнять традиціонныя категоріи, а мыслить творчески надъ раскрывающейся трагедіей міровой исторіи. Ибо огромный моральный и духовный смыслъ міровой войны ускользаетъ отъ того, кто насилуетъ исторію доктринерской точкой зрѣнія. Абсолютное не примѣнимо къ относительному, къ исторически-тѣлесному, не вмѣстимо въ немъ. Вся относительность природнаго и

историческаго процесса сводима къ единству съ абсолютнымъ лишь въ глубинѣ духа, а не во виѣшней дѣйствительности.

III.

Другимъ результатомъ войны для нашей интеллигенціи долженъ быть переходъ отъ сознанія по преимуществу отрицательнаго къ сознанію положительному. Въ традиціонномъ интеллигентскомъ сознаніи господствовало распредѣлительное, а не производительное отношеніе къ жизни, бойкотирующее, а не созидающее. Наше социальное сознаніе не было творческимъ. Война горькимъ опытомъ своимъ научаеъ тому, что народъ долженъ стяжать себѣ положительную силу и мощь, чтобы осуществить свою миссію въ мірѣ. Въ русскомъ народѣ и русскомъ обществѣ должна пробудиться производящая и созидающая энергія. Въ народной жизни моменты положительные должны побѣдить моменты отрицательные. А это предполагаетъ иное состояніе сознанія — болѣе мужественное, отвѣтственное, свободное и независимое. Историческое творчество ставится выше отрицательной борьбы партій, направленій, лагерей и группъ. Только созидая, можно справедливо распредѣлять. Русская интеллигенція не была еще призвана къ власти въ исторіи и потому привыкла къ безответственному бойкоту всего историческаго. Въ ней долженъ родиться вкусъ къ тому, чтобы быть созидательной силой въ исторіи. Будущее великаго народа зависитъ отъ него самаго, отъ его воли и энергіи, отъ его творческой силы и отъ просвѣтленности его историческаго сознанія. Отъ «насъ», а не отъ «нихъ» зависитъ наша судьба. Сведеніе старыхъ счетовъ не должно такъ исключительно владѣть нашимъ сознаніемъ и волей. И отрицательная реакція не должна связывать нашу творческую энергію. Въ сознаніи народовъ разслабляющая идея блага и благополучія должна быть побѣждена укрѣпляющей идеей цѣнности. Цѣль жизни народовъ — не благо и благополучіе, а творчество цѣнностей, героическое и трагическое переживаніе своей исторической судьбы. А это предполагаетъ религіозное отношеніе къ жизни.

Либеральный империализмъ являетъ у насъ опытъ положительнаго, созидательнаго сознанія и въ немъ есть обращеніе къ исторически конкретному. Но либеральный империализмъ слишкомъ ужъ создается по образцамъ западно-европейскимъ, слишкомъ ужъ мало русскій и національный по духу. Душа русской интеллигенціи отвращается отъ него и не хочетъ видѣть даже доли правды, заключенной въ немъ. Сознаніе нашей интеллигенціи должно быть реформировано, перерождено и обогащено новыми цѣнностями. Я вѣрю, что это совершится подъ вліяніемъ войны. Но въ душѣ русской интеллигенціи есть своя непреходящая цѣнность и эта цѣнность — глубоко русская. Она должна остаться и пребыть въ неизбѣжномъ процессѣ европеизаціи Россіи и ея вовлеченія въ круговоротъ всемірной исторіи. Эта цѣнность должна быть лишь освобождена отъ отрицательной связанности и ограниченности. Русская интеллигенція, освобожденная отъ провинціализма, выйдетъ, наконецъ, въ историческую ширь и туда понесетъ свою жажду правды на землѣ, свою часто неосознанную мечту о міровомъ спасеніи и свою волю къ новой, лучшей жизни для человѣчества.

ТЕМНОЕ ВИНО.

I.

Въ русской политической жизни, въ русской государственности скрыто темное иррациональное начало и оно опрокидываетъ всѣ теоріи политическаго рационализма, оно не поддается никакимъ рациональнымъ объясненіямъ. Дѣйствіе этого иррациональнаго начала создаетъ непредвидѣнное и неожиданное въ нашей политикѣ, превращаетъ нашу исторію въ фантастику, въ неправдоподобный романъ. Что въ основѣ нашей государственной политики лежатъ не государственный разумъ и омысль, а нѣчто иррациональное и фантастическое,—это особенно остро чувствуется въ послѣднее время. Иррациональное начало все перемѣпиваетъ и создаетъ самыя фантастическія соотношенія. Правое, консервативное, даже реакціонное московское дворянство ставится въ положеніе оппозиціонное и принуждено прибѣгать къ дѣйствіямъ демонстративнымъ. Единственный общественный слой, который могъ быть опорой старой власти, ускользаетъ изъ подъ ея ногъ. Даже московская духовная академія, столь привыкшая къ раболѣпству, демонстративно выражаетъ свой испугъ за судьбу святой церкви подавленной темными вліяніями. Настоящій консерватизмъ, настоящая церковность содрогаются отъ власти темной стихіи надъ русскимъ государствомъ и русской церковью.

Интересно было назначеніе А. Д. Самарина оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синда. Съ этимъ назначеніемъ подлинныя православныя связывали надежды на то, что будетъ отстаиваться независимость церкви, и будутъ сдѣланы шаги къ обновленію церкви. То были консервативныя надежды, надежды искреннихъ, идейныхъ церковныхъ консерваторовъ,

которых приводило въ отчаяніе разрушеніе церковной жизни, господство надъ нею темныхъ силъ. Тяжело было смотрѣть въ рующему превостанному на рабскую зависимость церковной политики отъ погорочныхъ вліяній, чуждыхъ внутренней святинѣ церкви. Недолго пребылъ г. Самаринъ у власти, и отставка его еще интереснѣе, чѣмъ его назначеніе. А. Д. Самаринъ—правый, консерваторъ-церковникъ. Отставка его не могла бы результатомъ столкновения съ правой и даже реакціонной политикой. Онъ, по всей вѣроятности, и самъ не чуждъ реставраціонныхъ тенденцій, и вдохновляющіе его идеалы обращены назадъ, а не впередъ. Но А. Д. Самаринъ столкнулся съ темнымъ, ирраціональнымъ началомъ въ церковной жизни, въ точкѣ скрѣпленія церкви и государства, съ вліяніями, которыя не могутъ быть даже названы реакціонными, такъ какъ для нихъ нѣтъ никакого разумнаго имени. Какъ убѣжденный церковный человѣкъ и какъ человѣкъ чести, г. Самаринъ не могъ перечести сервилізма. Онъ долженъ былъ оказаться въ оппозиціи, въ качествѣ праваго и консерватора, крѣпкаго православнаго и церковника. Государство въ опасности—это вызываетъ въ насъ патріотическую тревогу. Но и церковь въ опасности. Это вызываетъ тревогу религіозную. Положеніе Россіи небывало трагическое.

Она должна одолѣть не только внѣшняго врага, но и внутреннее темное начало. Трудно даже сказать, что сейчасъ происходитъ планомерная реакція. Это—не реакція, а опьяненное разложеніе. Даже сколько-нибудь осмысленные реакціонеры противъ того, что происходитъ. Правые всетаки могутъ признавать государственннй разумъ, овладѣніе темными стихіями. А. Д. Самаринъ, повиднмому, и является разумнымъ, осмысленнымъ правымъ, довольно трезвымъ, даже слишкомъ трезвымъ. Онъ, вѣроятно, боится всякаго слишкомъ ирраціональнаго начала. И его разумная и трезвая правость, его раціоналистическое славянофильство столкнулись лицомъ къ лицу со скрытой силой, безумной и опьяненной, съ темнымъ виномъ русской земли. Разумный, культурный консерватизмъ безсилевъ въ Россіи, не имъ вдохновляется русская власть. И только безпредѣльная приспособляемость русской бюрократіи, ея рабья готовность служить чему угодно можетъ ладить съ темными вліяніями.

Русская бюрократія есть коррективъ русской темной ирраціональности, ея разсудочно-дѣловое дополнение, безъ котораго эта русская стихія ованчательно бы погибла. Бюрократія умѣряетъ ирраціональное начало и, приспособляясь къ темной стихіи, устраиваетъ для нея дѣла міра сего. И у насъ фактически сочетается сухой, разсудочный петроградскій бюрократизмъ со скрывающейся за властью темной, ирраціональной, пьяной силой.

П.

Самое правое, консервативное направленіе можетъ защищать извѣстный типъ культуры. Въ самомъ консервативномъ типѣ культуры темная стихія проходитъ черезъ работу и преодоленіе человѣческаго духа и сознанія. Но въ Россіи почти нѣтъ такого культурнаго консерватизма. Русская реакція по существу всегда враждебна всякой культурѣ, всякому сознанію, всякой духовности, за ней сегда стоитъ что-то темно-стихійное, хаотическое, дикое, пьяное. Реакція всегда у насъ есть оргія, лишь внѣшне прикрытая бюрократіей, одѣтой въ европейскіе сюртуки и фраки. Въ Россіи есть трагическое столкновеніе культуры съ темной стихіей. Въ русской землѣ, въ русскомъ народѣ есть темная, въ дурномъ смыслѣ ирраціональная, непроевѣтленная и не поддающаяся просвѣтленію стихія. Какъ бы далеко ни заходило просвѣтленіе и подчиненіе культурѣ русской земли, всегда остается осадокъ, съ которымъ ничего нельзя подѣлать. Въ народной жизни эта особенная стихія нашла себѣ яркое, а бы даже сказалъ гениальное выраженіе въ хлыстовствѣ. Въ этой стихіи есть темное вино, есть что-то пьянящее и оргійное и кто отвѣдалъ этого вина, тому трудно уйти изъ атмосферы, имъ создаваемой. Хлыстовство, очень глубокое явленіе и оно шире секты, носящей это наименованіе. Хлыстовство какъ начало стихійной оргійности, есть и въ нашей церковной жизни. Всякая опьяненность первозданной стихіей русской земли имѣетъ хлыстовскій уклонъ.

Въ самой хлыстовской сектѣ меньше этой непроевѣтимой тьмы, чѣмъ въ неоформенныхъ и не концентрированныхъ

стихийных народных переживанийхъ. Въ мистической жаждѣ хлыстовъ есть своя правда, указывающая на неутоленность официальной церковной религіей. Въ русской литературѣ гениальное художественное воспроизведеніе эта стихія нашла въ романѣ А. Бѣлаго «Серебряный голубь». А. Бѣлый художественно прозрѣлъ въ рускомъ народѣ страстную мистическую стихію, которая была закрыта для старыхъ русскихъ писателей, создавшихъ традиціонно-народническое представленіе о народѣ. Этой стихіи не чувствовали и славянофилы, не чувствовалъ и Л. Толстой. Только Достоевскій зналъ ее, но открывалъ ее не въ жизни народа, а въ жизни интеллигенціи.

Эта темная русская стихія реакціонна въ самомъ глубокомъ смыслѣ слова. Въ ней есть вѣчная мистическая реакція противъ всякой культуры, противъ личнаго начала, противъ правъ и достоинства личности, противъ всякихъ цѣнностей. Эта погруженность въ стихію русской земли, эта опьяненность стихіей, оргіиное ея переживаніе не совмѣстимы ни съ какой культурой цѣнностей, ни съ какимъ самосознаніемъ личности. Тутъ антогонизмъ непримиримый. Всякое идеализированіе природно-стихийной народной мистики враждебно культурѣ и развитію. Это реакціонное идеализированіе нерѣдко у насъ принимаетъ форму упоенности русскимъ бытомъ, тепломъ самой русской грязи и сопровождается враждой ко всякому восхожденію. Хлыстовская русская стихія двѣйственна. Въ ней скрыта подлинная и праведная религіозная жажда уйти изъ этого постылаго міра. Въ хлыстовскомъ сектантскомъ движеніи есть цѣнная религіозная энергія, хотя и не просвѣтленная высшимъ сознаніемъ. Но въ хлыстовской стихіи, разлитой въ разныхъ формахъ по русской землѣ, есть и темное и грязное начало, котораго нельзя просвѣтить. Въ ней есть источникъ темнаго вина, пьянящаго русскій народъ дурнымъ, мракобѣснымъ опьяненіемъ. Это хаотически-стихийное, хлыстовское опьяненіе русской земли нынѣ дошло до самой вершины русской жизни. Мы переживаемъ совершенно своеобразное и исключительное явленіе—хлыстовство самой власти. Это путь окончательнаго разложенія и гненія старой власти. Такъ исторически изживается остатокъ безпросвѣтной тьмы въ русской народной стихіи. Темная ирраціональность

въ низахъ народной жизни соблазняетъ и засасываетъ вершину. Старая Россія проваливается въ бездну. Но Россія новая, грядущая имѣетъ связь съ другими, глубокими началами народной жизни, съ душой Россіи, и потому Россія не можетъ погибнуть.

III.

Для Россіи представляетъ большую опасность увлеченіе органически-народными идеалами, идеализаціей старой русской отихійности, стараго русскаго уклада народной жизни, упоеннаго натуральными свойствами русскаго характера. Такая идеализація имѣетъ фатальный уклонъ въ сторону реакціоннаго мракобѣсія. Мистикъ народной стихіи должна быть противопоставлена мистика духа, проходящаго черезъ культуру. Пьяной и темной дикости въ Россіи должна быть противопоставлена воля къ культурѣ, къ самодисциплинѣ, къ сформленію стихіи мужественнымъ сознаніемъ. Мистика должна войти въ глубь духа, какъ то и было у всѣхъ великихъ мистиковъ. Въ русской стихіи есть вражда къ культурѣ. И вражда эта получила у насъ разныя формы идеологическихъ оправданій. Эти идеологическія оправданія часто бывали фальшивыми. Но одно вѣрно. Подлинно есть въ русскомъ духѣ устремленность къ крайнему и предѣльному. А путь культуры—средній путь. И для судьбы Россіи самый жизненный вопросъ—сумѣетъ-ли она себя дисциплинировать для культуры, сохранивъ все свое своеобразіе, всю независимость своего духа.

Не изойдетъ ли Россія въ природно народномъ діонисическомъ опьяненіи, въ слишкомъ позднемъ, и потому, гибельномъ для нея язычествѣ? То, что совершается сейчасъ въ русской реакціи, есть пьяное язычество, пьяная оргія, дошедшая до вершины. Война ознаменовалась великимъ дѣломъ—уничтоженіемъ пьянства. Но у русскаго есть темное вино, котораго нельзя лишить его никакими внѣшними мѣрами и реформами. Чтобы народъ русскій пересталъ опьяняться этимъ виномъ, необходимо духовное возрожденіе народа въ самыхъ корняхъ его жизни, нужна духовная трезвость, черезъ которую только и заслуживается новое

вино. У насъ же продолжаютъ опьянять себя старымъ виномъ, перебродившимъ и перекисшимъ. Старая Россія и должна опьянять себя въ часъ разложенія и исторической кончины. Старая жизнь не легко уступаетъ мѣсто жизни новой. Тотъ мракъ душевный, тотъ ужасъ, который охватываетъ силу отходящую и разлагающуюся, но не способную къ жертвѣ и отреченію, ищетъ опьяненія, дающаго иллюзію высшей жизни. Такъ кончина старой исторической силы застигаетъ ее въ моментъ оргіи. И исторія окружаетъ этотъ конецъ фантастикой. Вырождается и приходитъ къ концу какое-то темное начало въ русской стихіи, которая вѣчно грозила погромомъ цѣнностей, угашеніемъ духа. И была какая-то ниточка, соединяющая тьму на вершинѣ русской жизни съ тьмой въ ея низинахъ. Вершина рушится, почва изъ подъ нея уходитъ, никакая существенная сила уже не поддерживаетъ ея. Но внизу все еще есть темная стихія, упивающаяся темнымъ виномъ, на которую пытается опереться вершина. Стихія эта давно уже не преобладаетъ въ народной жизни, но она все еще способна выставлять своихъ самозванцевъ, которые придаютъ нашей церковной и государственной жизни темно-ирраціональный характеръ, непросвѣтимый никакимъ свѣтомъ. На это нужно смотрѣть глубже и серьезнѣе, чѣмъ принято смотрѣть, ибо знаменательно это и не случайно для Россіи. И для борьбы съ внутренней тьмой необходима мобилизація всего духа, избравшаго путь свѣта.

Азіатская и европейская душа.

I.

Въ первомъ номерѣ журнала «Лѣтопись» напечатана очень характерная статья М. Горькаго «Двѣ души», которая, новидимому, опредѣляетъ направленіе новаго журнала. Статья вращается вокругъ вѣчной темы русскихъ размышленій, вокругъ проблемы Востока и Запада. Съ этой темой связана вѣковая распря славянофиловъ и западниковъ. Тема—основная для нашего національнаго самосознанія и очень отвѣтственная; тема — основная для философіи исторіи и требующая серьезной философской подготовки. Какъ отнесся къ ней нашъ прославленный писатель? М. Горькій пишетъ такимъ тономъ, какъ будто дѣлаетъ открытіе. Онъ, повидимому, чувствуетъ себя первымъ радикальнымъ западникомъ въ Россіи. «Мы полагаемъ, что настало время, когда исторія повелительно требуетъ отъ честныхъ и разумныхъ русскихъ людей, чтобы они подвергли это самобытное всестороннему изученію, безбоязненной критикѣ. Намъ нужно бороться съ азіатскими наслоеніями въ нашей психикѣ». Можно подумать, что изученіе и критика нашей самобытности только теперь должна начаться. Но вѣдь долгія десятилѣтія западничество было господствующимъ направлениемъ русской мысли. Ни одинъ народъ не доходилъ до такого самоотрицанія, какъ мы русскіе. Русскіе почти стыдились того, что они русскіе. Явленіе—совершенно невозможное на западѣ, гдѣ пышно разцвѣлъ націонализмъ. И гдѣ же можно найти настоящее обоготвореніе Западной Европы и западно-европейской культуры, какъ не въ Россіи и не у русскихъ? Отрицаніе Россіи и идолопоклонство передъ Европой—

явленіе очень русское, восточное, азіатское явленіе. Именно крайнее русское западничество и есть явленіе азіатской души. Можно даже высказать такой парадоксъ: славянофилы, взгляды которыхъ, кстати сказать, я въ большей части не раздѣляю, были первыми русскими европейцами, такъ какъ они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, какъ подражаютъ дѣти. Славянофилы пробывали дѣлать въ Россіи то же, что дѣлалъ въ Германіи Фихте, который хотѣлъ вывести германское сознаніе на самобытный путь. А вотъ и обратная сторона парадокса: западники оставались азіатами, ихъ сознаніе было дѣтское, они относились къ европейской культурѣ такъ, какъ могли относиться только люди, совершенно чуждые ей, для которыхъ европейская культура есть мечта о далекомъ, а не внутренняя ихъ сущность. Для русскаго западника-азіата Западъ—обѣтованная земля, манящій образъ совершенной жизни. Западъ остается совершенно внѣшнимъ, невѣдомымъ изнутри, далекимъ. У западника есть почти религіозное благоговѣніе, вызываемое дистанціей. Такъ дѣти относятся къ жизни взрослыхъ, которая представляется имъ удивительной и соблазнительной именно потому, что она совершенно имъ чужда. Поистинѣ въ русской душѣ есть «азіатскія наслоенія» и онѣ очень всегда чувствуются въ радикальномъ западниществѣ горьковскаго типа. Въ радикальномъ западниществѣ русской интеллигенціи всегда было очень много не только совершенно русскаго, чуждаго Западу, но и совершенно азіатскаго. Европейская мысль до неузнаваемости искажалась въ русскомъ интеллигентскомъ сознаніи. Западная наука, западный разумъ пріобрѣтали характеръ какихъ-то божествъ, невѣдомыхъ критическому Западу. Даже Бюхнеръ, третьестепенный популяризаторъ поверхностныхъ идей, превратился въ катехизисъ, внушающій религіозное къ себѣ отношеніе. Самоцѣнность же мысли и познанія у насъ всегда отрицалась. Вотъ отъ этого азіатства пора бы освободиться русскому человѣку, культурному русскому человѣку. Западный человѣкъ не идолопоклонствуетъ передъ своими культурными цѣнностями,—онѣ ихъ творятъ. И намъ слѣдуетъ творить культурныя цѣнности изъ глубины. Творческая самобытность свойственна европейскому чело-

вѣку. Въ этомъ и русскій человѣкъ долженъ быть подобенъ человѣку европейскому.

Русскую самобытность не слѣдуетъ смѣшивать съ русской отсталостью. Это прискорбное смѣшеніе слишкомъ свойственно самымъ различнымъ направлѣніямъ. Россія— страна культурно отсталая. Это фактъ неоспоримый. Въ Россіи много варварской тьмы, въ ней бурлитъ темная, хаотическая стихія Востока. Отсталость Россіи должна быть преодолѣна творческой активностью, культурнымъ развитіемъ. Но національная самобытность ничего общаго не имѣетъ съ отсталостью,— она должна выявиться на высшихъ, а не на низшихъ ступеняхъ развитія. Навболѣе самобытной будетъ грядущая, новая Россія, а не старая, отсталая Россія. Подлинное національное сознаніе можетъ быть лишь творческимъ, оно обращено впередъ, а не назадъ. Такъ было у всѣхъ народовъ Европы. И еще не слѣдуетъ смѣшивать темнаго, дикаго, хаотическаго азіатскаго Востока съ древней культурой азіатскаго Востока, представляющаго самобытный духовный типъ, привлекающій вниманіе самыхъ культурныхъ европейцевъ. На Востокъ— колыбель всѣхъ великихъ религій и культуръ. И на вершинахъ европейской культуры подлинно культурный европейскій человѣкъ не можетъ чувствовать презрѣнія къ своимъ древнимъ истокамъ. Это презрѣвіе свойственно лишь варвару, человѣку не культурному. Старинная культурная европейская душа не можетъ идолопоклонствовать передъ европейской культурой и не можетъ презирать культуру Востока. Только темная еще азіатская душа, не ощутившая въ своей крови и въ своемъ духѣ прививокъ старой европейской культуры, можетъ обоготворять духъ европейской культуры, какъ совершенный, единый и единственный. И она же не чувствуетъ древнихъ культуръ Востока. М. Горькій все смѣшиваетъ и упрощаетъ. Старая и въ основѣ своей вѣрная мысль о созерцательности Востока и дѣйственности Запада имъ вульгаризируется и излагается слишкомъ элементарно. Тема эта требуетъ большого философскаго углубленія. У Горькаго же все время чувствуется недостаточная освѣдомленность человѣка, живущаго интеллигентско-кружковыми понятіями, провинціализмъ, не вѣдающій размаха міровой мысли.

II.

Лишь слегка прикоснувшись къ поверхности европейскаго знанія, можно такъ упрощенно поклоняться разуму и наукѣ и въ нихъ видѣть панацею отъ всѣхъ золъ. Тотъ, кто находится внутри, въ самой глубинѣ европейскаго процесса познанія, а не со стороны благоговѣнно на него смотреть, постигаетъ внутреннюю трагедію европейскаго разума и европейской науки, глубокой ихъ кризисъ, мучительную неудовлетворенность, исканіе новыхъ путей. Горькій, повидимому, прошелъ мимо огромной философской работы, которая происходила на Западѣ за послѣднія десятилѣтія и которая не оставила камня на камнѣ отъ наивно-натуралистическаго и наивно-матеріалистическаго міровоззрѣнія. Горькій благоговѣнно утверждаетъ разумъ въ какомъ-то очень наивномъ, не критическомъ, совсѣмъ не философскомъ смыслѣ слова. Большая часть ваучно позитивныхъ направленій совсѣмъ не признаетъ разума. Въ разумъ вѣрятъ метафизики. И у Горькаго есть какая-то очень наивная метафизическая вѣра, ничего общаго не имѣющая съ изслѣдующей положительной наукой. Для науки и ея цѣлей совсѣмъ не нужна эта религіозная вѣра въ разумъ. Горькій, какъ типичный русскій интеллигентъ, воспринялъ европейскую науку слишкомъ по-русски и поклонился ей по-восточному, а не по западному, какъ никогда не поклоняется тотъ, кто создаетъ науку. Для Горькаго, какъ нѣкогда для Писарева, наука—катехизисъ. Но это еще дѣтское состояніе сознанія, это радость первой встрѣчи.

Европа безконечно сложнѣе, чѣмъ это представляется Горькому, безконечно богаче. Тамъ, на Западѣ, есть не только положительная наука и общественное дѣяніе. Тамъ есть и религія, и мистика, и метафизика, и романтическое искусство, тамъ есть созерцаніе и мечтательность. Религіозныя исканія въ нашу эпоху характерны не только для Россіи, ко и для Европы. И тамъ ищутъ Бога и высшаго смысла жизни, и тамъ тоска отъ бессмыслицы жизни. Романтизмъ, который такъ не нравится Горькому, есть явленіе западное, а не восточное. Именно западный человѣкъ—

романтикъ и страстный мечтатель. Восточный человекъ совсѣмъ не романтикъ и не мечтатель, его религіозность совсѣмъ другого типа. Романтизмъ сопутствуетъ католическому типу религіозности, но его совсѣмъ нѣтъ въ православномъ типѣ религіозности. На православномъ Востока не возможно исканіе чаши св. Грааля. Нѣтъ романтизма и въ Индіи, на Востока не христіанскомъ. Можноли назвать іога романтикомъ? Для М. Горькаго романтизмъ всегда есть буржуазная реакція, и на этомъ утвержденіи можно видѣть, до какого ослѣпленія доводитъ схема экономическаго матеріализма, какъ безжизненна она. Романтическое движеніе на Западѣ возникло тогда, когда буржуазія была еще въ самомъ началѣ своего жизненнаго пути, когда ей предстояло еще цѣлое столѣтіе блестящихъ успѣховъ и могущества въ земной жизни. О разложеніи европейской буржуазіи въ то время такъ же нелѣпо говорить, какъ нелѣпо говорить о разложеніи буржуазіи въ наше время въ Россіи, когда она еще въ началѣ своего развитія. Я не говорю уже объ оскорбительномъ безвкусіи такихъ объясненій духовной жизни.

М. Горькій обвиняетъ русское «богоискательство» въ желаніи найти центръ внѣ себя и снять съ себя отвѣтственность за бессмысленную жизнь. Онъ даже считаетъ возможнымъ утверждать, что именно религіозные люди отрицаютъ смыслъ жизни. Вотъ изумительный примѣръ ослѣпленности! Именно тѣ, кого Горькій называетъ неудачнымъ терминомъ «богоискатели», вотъ уже много лѣтъ пытаются перенести центръ тяжести внутрь человека, въ его глубину, и возложить на личность человѣческую огромную отвѣтственность за жизнь. Они-то и борются съ безотвѣтственностью, съ возложеніемъ отвѣтственности на силы, внѣ человека находящіяся. Горькому даже начинаетъ казаться, что религіозные люди отрицаютъ смыслъ земной жизни въ то время, какъ только они его и признаютъ. Позитивизмъ и матеріализмъ отрицаютъ отвѣтственность, свободу, творческую волю, отрицаютъ человека и строятъ безвольную теорію соціальной среды и власти необходимости, могущества внѣшнихъ обстоятельствъ. Религіозное же сознаніе должно бороться съ этими разлагающими и обезсиливающими теоріями соціальной среды во имя

творческой активности человека, во имя его высшей свободы, во имя высшего смысла жизни. Въ Россіи эти материалистическія теоріи заѣдающей соціальной среды, эти принижаящія ученія о необходимости всего совершающагося лишь потворствуютъ восточной лѣни, слабОВОлю, безотвѣтственности. Вѣра въ человека, въ его творческую свободу и творческую мощь возможна лишь для религіознаго сознанія, а никогда не для позитивистическаго сознанія, которое смотритъ на человека, какъ на рефлексъ матеріальной среды, природной и соціальной. Поистинѣ необходимо и неотложено въ Россіи призывъ къ повышенію человѣческой активности, человѣческаго творчества, человѣческой отвѣтственности. Но это возможно на почвѣ совсѣмъ иной, чѣмъ та, на которой стѣитъ М. Горькій. Радикальное русское западничество, искаженное и рабски воспринимающее сложную и богатую жизнь Запада, есть форма восточной пассивности. На Востокъ должна быть пробуждена самобытная творческая активность, созидаящая новую культуру, и это возможно лишь на религіозной почвѣ. Мы уже вступаемъ въ тотъ возрастъ нашего бытія, когда время намъ уже выйти изъ дѣтскаго западничества и дѣтскаго славянофильства, когда мы должны перейти къ болѣе зрѣлымъ формамъ національнаго самосознанія. Великія міровыя событія выводятъ насъ въ міровую ширь, въ міровымъ перспективамъ. Потрясенія міровой войны выводятъ и Европу за ея замкнутые предѣлы, вскрываютъ коренныя противорѣчія внутри самой Европы и свергаютъ кумиры западничества. Вовлеченіе Россіи въ міровой круговоротъ означаетъ конецъ ея замкнутаго провинціального существованія, ея славянофильскаго самодовольства и западническаго рабства. Но М. Горькій остается въ старомъ сознаніи, онъ ничему не хочетъ научиться отъ совершающагося въ мірѣ и пребываетъ въ старой противоположности Востока и Запада.

О власти пространствъ надъ русскою душою.

I.

Много есть загадочнаго въ русской исторіи, въ судьбѣ русскаго народа и русскаго государства. Отношеніе между русскимъ народомъ, котораго славянофилы прославляли народомъ безгосударственнымъ, и огромнымъ русскимъ государствомъ до сихъ поръ остается загадкой философін русской исторіи. Но не разъ уже указывали на то, что въ судьбѣ Россіи огромное значеніе имѣли факторы географическіе, ея положеніе, на землѣ, ея необъятныя пространства. Географическое положеніе Россіи было таково, что русскій народъ принужденъ былъ къ образованію огромнаго государства. На русскихъ равнинахъ долженъ былъ образоваться великій Востоко-Западъ, объединенное и организованное государственное цѣлое. Огромныя пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организація этихъ пространствъ въ величайшее въ мірѣ государство, поддержаніе и охраненіе порядка въ немъ. На это ушла большая часть силъ русскаго народа. Размѣры русскаго государства ставили русскому народу почти непосильныя задачи, держали русскій народъ въ непомѣрномъ напряженіи. И въ огромномъ дѣлѣ созданія и охраненія своего государства русскій народъ истощалъ свои силы. Требованія государства слишкомъ мало оставляли свободнаго избытка силъ. Вся внѣшняя дѣятельность русскаго человѣка шла на службу государству. И это наложило безрадостную печать на жизнь русскаго человѣка. Русскіе почти не умѣютъ радоваться. Нѣтъ у русскихъ людей творческой игры силъ. Русская душа подавлена необъят-

ными русскими полями и необъятными русскими снѣгами, она утопаетъ и растворяется въ этой необъятности. Оформление своей души и оформление своего творчества затруднено было для русскаго человѣка. Геній формы — не русскій геній, онъ съ трудомъ совмѣщается съ властью пространствъ надъ душой. И русскіе совсѣмъ почти не знаютъ радости формы.

Государственное овладѣніе необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчиненіемъ всей жизни государственному интересу и подавленіемъ свободныхъ личныхъ и общественныхъ силъ. Всегда было слабо у русскихъ сознаніе личныхъ правъ и неразвита была самодѣятельность классовъ и группъ. Не легко было поддерживать величайшее въ мірѣ государство, да еще народу, не обладающему формальнымъ организационнымъ геніемъ. Долгое время приходилось защищать Россію отъ наступавшихъ со всѣхъ сторонъ враговъ. Волны съ Востока и Запада грозили затопить Россію. Россія пережила татарщину, пережила смутную эпоху и окончательно окрѣпла, выросла въ государственнаго колосса. Но необъятныя пространства Россіи тяжелымъ гнетомъ легли на душу русскаго народа. Въ психологію его вошли и безграничность русскаго государства и безграничность русскихъ полей. Русская душа ушиблена ширью, она не видитъ границъ, и эта безгранность не освобождаетъ, а поработываетъ ее. И вотъ духовная энергія русскаго человѣка вошла внутрь, въ созерцаніе, въ душевность, она не могла обрагиться къ исторіи, всегда связанной съ оформленіемъ, съ путемъ, въ которомъ обозначены границы. Формы русскаго государства дѣлали русскаго человѣка безформеннымъ. Смирненіе русскаго человѣка стало его самосохраненіемъ: Отказъ отъ историческаго и культурнаго творчества требовался русскимъ государствомъ, его сторожами и хранителями. Необъятныя пространства, которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ и тѣснятъ русскаго человѣка, — не внѣшній, матеріальный, а внутренній, духовный факторъ его жизни. Эти необъятныя русскія пространства находятся и внутри русской души и имѣютъ надъ ней огромную власть. Русскій человѣкъ, человѣкъ земли, чувствуетъ себя безпомощнымъ овладѣть этими пространствами и организовать ихъ. Онъ слишкомъ привыкъ возлагать эту органи-

зацию на центральную власть, какъ бы трансцендентную для него. И въ собственной душѣ чувствуетъ онъ необъятность, съ которой трудно ему справиться. Широко русскій человѣкъ, широко какъ русская земля, какъ русскія поля. Славянскій хаосъ бушуетъ въ немъ. Огромность русскихъ пространствъ не способствовала выработкѣ въ русскомъ человѣкѣ самодисциплины и самодѣтельности,—онъ расплывался въ пространствахъ. И это было не внѣшней, а внутренней судьбой русскаго народа, ибо все внѣшнее есть лишь символъ внутренняго. Съ внѣшней, позитивно-научной точки зрѣнія огромныя русскія пространства представляются географическимъ факторомъ русской исторіи. Но съ болѣе глубокой, внутренней точки зрѣнія сами эти пространства можно разсматривать, какъ внутренній, духовный фактъ въ русской судьбѣ. Это—географія русской души.

II.

Въ русскомъ человѣкѣ нѣтъ узости европейскаго человѣка, концентрирующаго свою энергію на небольшомъ пространствѣ души, нѣтъ этой расчетливости, экономіи пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири надъ русской душой порождаетъ цѣлый рядъ русскихъ качествъ и русскихъ недостатковъ. Русская лѣнь, безпечность, недостатокъ инициативы, слабо развитое чувство отвѣтственности съ этимъ связаны. Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергію, открывая возможность движенія въ сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергіи и интенсивной культуры. Отъ русской души необъятныя русскія пространства требовали смиренія и жертвы, но они же охраняли русскаго человѣка и давали ему чувство безопасности. Со всѣхъ сторонъ чувствовалъ себя русскій человѣкъ окруженнымъ огромными пространствами, и не страшно ему было въ этихъ нѣдрахъ Россіи. Огромная русская земля, широкая и глубокая, всегда вывозитъ русскаго человѣка, спасаетъ его. Всегда слишкомъ возлагается онъ на русскую землю, на матушку Россію. Почти смѣшиваетъ и отождествляетъ онъ свою мать-землю съ Богородицей и полагается на ея заступничество. Надъ русскимъ человѣкомъ

властвуетъ русская земля, а не онъ властвуетъ надъ ней. Западно-европейскій человѣкъ чувствуетъ себя сдавленнымъ малыми размѣрами пространствъ земли и столь-же малыми пространствами души. Онъ привыкъ возлагаться на свою интенсивную энергію и активность. И въ душѣ его тѣсно, а не пространно, все должно быть рассчитано и правильно распредѣлено. Организованная прикрѣпленность всего къ своему мѣсту создаетъ мѣщанство западно-европейскаго человѣка, столь всегда поражающее и отталкивающее человѣка русскаго. Эти мѣщанскіе плоды европейской культуры вызывали негодованіе Герцена, отвращеніе К. Леонтьева, и для всякой характерно русской души не сладостны эти плоды.

Возьмемъ нѣмца. Онъ чувствуетъ себя со всѣхъ сторонъ сдавленнымъ, какъ въ мышеловкѣ. Шири нѣтъ ни вокругъ него, ни въ немъ самомъ. Онъ ищетъ спасенія въ своей собственной организованной энергіи, въ напряженной активности. Все должно быть у нѣмца на мѣстѣ, все распредѣлено. Безъ самодисциплины и отвѣтственности нѣмецъ не можетъ существовать. Всюду онъ видитъ границы и всюду ставитъ границы. Нѣмецъ не можетъ существовать въ безграничности, ему чужда и противна славянская безбрежность. Онъ только съ большимъ напряженіемъ энергіи хотѣлъ-бы расширить свои границы. Нѣмецъ долженъ презирать русскаго человѣка за то, что тотъ не умѣетъ жить, устраивать жизнь, организовать жизнь, не знаетъ ничему мѣры и мѣста, не умѣетъ достигать возможнаго. Русскому же противенъ германскій паеосъ мѣщанскаго устроенія жизни. Германецъ чувствуетъ, что его не спасетъ Германія, онъ самъ долженъ спасти Германію. Русскій же думаетъ, что не онъ спасетъ Россію, а Россія его спасетъ. Русскій никогда не чувствуетъ себя организаторомъ. Онъ привыкъ быть организуемымъ. И даже въ эту страшную войну, когда русское государство въ опасности, не легко русскаго человѣка довести до сознанія этой опасности, пробудить въ немъ чувство отвѣтственности за судьбу родины, вызвать напряженіе энергіи. Русскій человѣкъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что за нимъ еще стоятъ необъятныя пространства и спасутъ его, ему не очень страшно и онъ не очень склоненъ слишкомъ напрягать свои силы. И съ

трудомъ доходить русскій человекъ до сознанія необходимости мобилизовать всю свою энергію. Вопросъ объ интенсивной культурѣ, предполагающей напряженную активность, еще не дѣлался для него вопросомъ жизни и судьбы. Онъ тонулъ въ своихъ нѣдрахъ и въ своихъ пространствахъ. И нужно сказать, что всякой самодѣтельности и активности русскаго человека ставились непреодолимые препятствія. Огромная, превратившаяся въ самодѣлѣющую силу, русская государственность боялась самодѣтельности и активности русскаго человека, она слагала съ русскаго человека бремя ответственности за судьбу Россіи и возлагала на него службу, требовала отъ него смиренія. Черезъ историческій складъ русской государственности сами русскія пространства ограничивали всякую отвѣтственную самодѣтельность и творческую активность русскаго человека. И это порабощеніе силъ русскаго человека и всего русскаго народа оправдывалось охраненіемъ и упорядочиваніемъ русскихъ пространствъ.

III.

Требованія, которыя составятъ Россія міровая война, должны привести къ радикальному измѣненію сознанія русскаго человека и направленія его воли. Онъ долженъ, наконецъ, освободиться отъ власти пространствъ и самъ овладѣть пространствами, ни мало не измѣняя этимъ русскому своеобразію, связанному съ русской ширью. Это означаетъ радикально иное отношеніе къ государству и культурѣ, чѣмъ то, которое было донинѣ у русскихъ людей. Государство должно стать внутренней силой русскаго народа, его собственной положительной мощью, его орудіемъ, а не внѣшнимъ надъ нимъ началомъ, не господиномъ его. Культура же должна стать болѣе интенсивной, активно овладѣвающей нѣдрами и пространствами и разрабатывающей ихъ русской энергіей. Безъ такого внутренняго сдвига русскій народъ не можетъ имѣть будущаго, не можетъ перейти въ новый фазисъ своего историческаго бытія, постигнѣ историческаго бытія, и само русское государство подвергается опасности разложенія. Если русское государство донинѣ хотѣло существовать пассивностью

своего народа, то отнынѣ оно можетъ существовать лишь активностью народа. Пространства не должны заугивать русскій народъ, они должны будить энергію, не нѣмецкую, а русскую энергію. Безумны тѣ, которые связываютъ русскую самобытность и своеобразіе съ технической и экономической отсталостью, съ элементарностью социальныхъ и политическихъ формъ и хотя бы сохранить русское обличье черезъ сохраненіе пассивности русскаго духа. Самобытность не можетъ быть связана съ слабостью, неразвитостью, съ недостатками. Самобытный типъ русской души уже выработанъ и навѣки утверждёнъ. Русская культура и русская общественность могутъ твориться лишь изъ глубины русской души, изъ ея самобытной творческой энергіи. Но русская самобытность должна, наконецъ, проявиться не отрицательно а положительно, въ мощи, въ творчествѣ, въ свободѣ. Національная самобытность не должна быть пугливой, мнительно себя охраняющей, скованной. Въ зрѣлый періодъ историческаго существованія народа самобытность должна быть свободно выраженной, смѣлой, творящей, обращенной впередъ, а не назадъ. Нѣкоторые славянофильствующие и въ наши горестные дни думаютъ, что если мы, русскіе, станемъ активными въ отношеніи къ государству и культурѣ, овладѣвающими и упорядочивающими, если начнемъ изъ глубины своего духа создавать новую, свободную общественность и необходимыя намъ матеріальныя орудія, если вступимъ на путь техническаго развитія, то во всемъ будемъ подобными нѣмцамъ и потеряемъ нашу самобытность. Но это есть невѣріе въ духовную мощь русскаго народа. Самобытность, которая можетъ быть сохранена лишь прикрѣпленіемъ ея къ отсталымъ и элементарнымъ матеріальнымъ формамъ, ничего не стоитъ и на ней ничего нельзя основать. Охранители всегда мало вѣрятъ въ то, что охраняютъ. Истинная же вѣра есть лишь у творящихъ, у свободныхъ. Русская самобытная духовная энергія можетъ создать лишь самобытную жизнь. И пора перестать заугивать русскаго человѣка огромностью государства, неотъятностью пространства и держать его въ рабствѣ. Именно тогда, когда русскій человѣкъ содержался въ рабствѣ, онъ былъ во власти нѣмецкини, наложившей печать на весь складъ русской государственности. Освобожденіе русской

народной энергіи и направленіе ея къ активному овладѣнію и оформленію русскихъ пространствъ будетъ и освобожденіемъ русскаго народа отъ нѣмецкаго рабства, будетъ утвержденіемъ его творческой самобытности. Нельзя полагать русскую самобытность въ томъ, что русскіе должны быть рабами чужой активности, хотя бы и нѣмецкой, въ отличіе отъ нѣмцевъ которые сами активны! Да сохранить насъ Богъ отъ такой самобытности—мы отъ нея погибнемъ! Историческій періодъ власти пространствъ надъ душой русскаго народа кончается. Русскій народъ вступаетъ въ новый историческій періодъ, когда онъ долженъ стать господиномъ своихъ земель и творцомъ своей судьбы.

Централизмъ и народная жизнь.

I.

Большая часть нашихъ полититическихъ и культурныхъ идеологій страдаетъ централизмомъ. Всегда чувствуется какая-то несоизмѣримость между этими идеологіями и необъятной русской жизнью. Нѣдра народной жизни огромной Россіи все еще остаются неразгаданными, таинственными. Самъ народъ все еще какъ будто бы безмолствуетъ и волю его съ трудомъ разгадываютъ люди центровъ. Такія направленія наши, какъ славянофильство и народничество, относились съ особеннымъ уваженіемъ и вниманіемъ къ народной жизни и по разному стремились опереться на самыя нѣдра земли русской. Но и въ славянофильствѣ и въ народничествѣ всегда была значительная доля утопизма централистическихъ идеологій, и эти обращенныя къ народной жизни идейныя теченія не покрывали всей необъятности и огромности русской народной жизни. Народничество, столь характерное для русской мысли и проявляющееся въ разнообразныхъ формахъ, предполагаетъ уже отщепенство и чувство оторванности отъ народной жизни. Оно было исканіемъ истиннаго народа и истинной народной жизни со стороны интеллигенціи, утерявшей связь съ народомъ и неспособной себя сознать народомъ. Это—стремленіе къ сліянію съ народомъ и идеализація народа со стороны и издали. Народничество—чисто интеллигентское направленіе. Въ самой глубинѣ народной жизни, у лучшихъ людей изъ народа, никакого народничества нѣтъ, тамъ есть жажда развитія и восхожденія, стремленіе къ свѣту, а не къ народности. Это совершенно такъ-же, какъ на Западѣ нѣтъ западничества. Одной изъ коренныхъ оши-

бокъ народничества было отождествленіе народа съ простонародьемъ, съ крестьянствомъ, съ трудящимися классами. Нашъ культурный и интеллигентный слой не имѣлъ силы сознать себя народомъ и съ завистью и вождедѣніемъ смотрѣлъ на народность простого народа. Но это—болѣзненное самочувствіе. Люди культурныхъ и интеллигентныхъ центровъ слишкомъ часто думаютъ, что центръ тяжести духовной и общественной народной жизни—въ простонародьѣ, гдѣ-то далеко въ глубинѣ Россіи. Но центръ народной жизни вездѣ, онъ въ глубинѣ cadaго русскаго чело-вѣка и каждой пяди руссокой земли, его нѣтъ въ какомъ-то особомъ мѣстѣ. Народная жизнь есть національная, общерусская жизнь, жизнь всей руссокой земли и всѣхъ руссокихъ людей, взятыхъ не въ поверхностномъ, а глубинномъ пластѣ. И каждый руссокій чело-вѣкъ долженъ былъ-бы чувствовать себя и сознавать себя народомъ и въ глубинѣ своей ошутить народную стихію и народную жизнь. Высоко культурный чело-вѣкъ, проживающій въ центрахъ, долженъ и можетъ чувствовать себя не менѣе народнымъ чело-вѣкомъ, чѣмъ мужикъ гдѣ-то въ глубинѣ Россіи. И всего болѣе народень—геній. Высоко культурный слой можетъ быть такъ-же народень, какъ и глубинный подземный слой народной жизни. Народъ—прежде всего я самъ, моя глубина, связывающая меня съ глубиной великой и необъятной Россіи. И лишь поскольکو я выброшенъ на поверхность, я могу чувствовать себя оторваннымъ отъ нѣдръ народной жизни. Истинной народной жизни нужно искать не въ пространствахъ и внѣшнихъ разстояніяхъ, а въ измѣреніяхъ глубины. И въ глубинѣ я,—культурный чело-вѣкъ—такой-же народъ, какъ и руссокій мужикъ, и мнѣ легко общаться съ этимъ мужикомъ духовно. Народъ не есть соціальная категория, и соціальныя противоположенія лишь мѣшаютъ осознанію народности. Тоскующая мечта объ истинной народной жизни гдѣ-то, ввѣ меня и вдали отъ меня—болѣзненна и безсильна. Петинвѣй центръ всегда вѣдь можетъ быть обрѣтенъ лишь ввуири чело-вѣка, а не внѣ его. И вся народная руссокая земля есть лишь глубинный слой cadaго руссокаго чело-вѣка, а не внѣ его и вдали лежащая обѣюванная земля. Истинный центръ не въ отоліцѣ и не въ провинціи, не въ верхнемъ и не

въ нижнемъ слоѣ, а въ глубинѣ всякой личности. Народная жизнь не можетъ быть монополіей какого-нибудь слоя или класса. Духовную и культурную децентрализацию Россіи, которая совершенно неизбежна для нашего національнаго здоровья, нельзя понимать, какъ чисто внѣшнее пространственное движеніе отъ столичныхъ центровъ къ глухимъ провинціямъ. Это прежде всего внутреннее движеніе, повышение сознанія и ростъ соборной національной энергии въ каждомъ русскомъ человѣкѣ по всей землѣ русской.

II.

Россія охватываетъ въ себѣ нѣсколько историческихъ и культурныхъ возрастовъ, отъ ранняго средневѣковья до XX вѣка, отъ самыхъ первоначальныхъ стадій, предшествующихъ культурному состоянію, до самыхъ вершинъ мировой культуры. Россія—страна великихъ контрастовъ по преимуществу,—нигдѣ нѣтъ такихъ противоположностей высоты и низости, ослѣпительнаго свѣта и первобытной тьмы. Вотъ почему такъ трудно организовать Россію, упорядочить въ ней хаотическія стихіи. Всѣ страны охватываютъ много возрастовъ. Но необъятная величина Россіи и особенности ея исторіи породили невиданные контрасты и противоположности. У насъ почти нѣтъ того средняго и крѣпкаго общественнаго слоя, который повсюду организуетъ народную жизнь. Неяркость глухой провинціи и гнилость государственнаго центра—вотъ полюсы русской жизни. И русская общественная жизнь слишкомъ отчуждена къ этимъ полюсамъ. А жизнь передовыхъ круговъ Петрограда и Москвы и жизнь глухихъ уголковъ далекой русской провинціи принадлежитъ къ разнымъ историческимъ эпохамъ. Историческій строй русской государственности централизовалъ государственно-общественную жизнь, отравилъ бюрократизмомъ и задавилъ провинціальную общественную и культурную жизнь. Въ Россіи произошла централизация культуры, опасная для будущаго такой огромной страны. Вся наша культурная жизнь стягивается къ Петрограду, къ Москвѣ, отчасти

лишь къ Кіеву. Русская культурная энергія не хочет распространяться по необъятнымъ пространствамъ Россіи, боится потонуть въ тѣмъ глухихъ провинціяхъ, старается охранить себя въ центрахъ. Есть какой-то испугъ передъ темными и поглощающими нѣдрами Россіи. Явленіе это—болѣзненное и угрожающее. Россія—не Франція. И во Франціи исключительное сосредоточеніе культуры въ Парижѣ порождаетъ непомѣрную разницу возраста Парижа и французской провинціи и дѣлаетъ непрочными и поверхностными политическіе перевороты. Въ Россіи же такая централизація совсѣмъ уже болѣзненна и удерживаетъ Россію на низшихъ стадіяхъ развитія. Въ Россіи существенно необходима духовно-культурная децентрализація и духовно-культурный подъемъ самихъ нѣдръ русской народной жизни. И это совсѣмъ не народничество. Одинаково должны быть преодолены и ложный столичный централизмъ, духовный бюрократизмъ и ложное народничество, духовный провинциализмъ. Одинаково невѣрна и столичная ориентировка жизни, и ориентировка провинціальная. Это двѣ стороны одного и того-же разрыва въ народной жизни. Должна начаться общенациональная ориентировка жизни, идущая изнутри всякаго русскаго человѣка, всякой личности, сознавшей свою связь съ націей. Нѣдра русской жизни не гдѣ-либо, а вездѣ, вездѣ можно открыть глубину народнаго духа. На поверхности національной жизни всегда будутъ существовать духовные центры, но не должно это носить характера духовной бюрократизаціи жизни.

Разные возрасты Россіи прежде всего ставятъ задачи духовнаго, моральнаго и общественнаго воспитанія и самовоспитанія націи. Эти задани предполагаютъ большую гибкость и не допускаютъ насилія надъ народной жизнью. Если бюрократически-абсолютистская централизація и централизація революціонно-якобинская вообще опасны для адроваго народнаго развитія, то еще болѣе опасны онѣ въ такой колоссальной и таинственной странѣ, какъ Россія. Централизмъ реакціонный и централизмъ революціонный могутъ быть въ одинаковомъ несоотвѣтствіи съ тѣмъ, что совершается въ глубинѣ Россіи, въ нѣдрахъ народной жизни. И да не будетъ такъ, чтобы старое бюрократическое насиліе надъ народной жизнью смѣнилось новымъ якобинскимъ насиліемъ.

емъ! Пусть жизнь народная развивается изнутри, въ соотвѣтствіи съ реальнымъ бытіемъ націи! Петроградскій бюрократизмъ заражалъ и наше либеральное и революціонное движеніе. Бюрократизмъ есть особая метафизика жизни и она глубоко проникаетъ въ жизнь. Но провинціализмъ есть другая метафизика жизни. Крайній централистическій бюрократизмъ и крайній провинціализмъ — соотнесительны и взаимно обусловливаютъ другъ друга. Россія погибаетъ отъ централистическаго бюрократизма, съ одной стороны, и темнаго провинціализма, съ другой. Децентрализація русской культуры означаетъ не торжество провинціализма, а преодоленіе и провинціализма и бюрократическаго централизма, духовный подъемъ всей націи и каждой личности. Въ Россіи повсемѣстно должна начаться разработка ея нѣдръ, какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ. А это предполагаетъ уменьшеніе различія между центрами и провинціей, между верхнимъ и нижнимъ слоемъ русской жизни, предполагаетъ уваженіе къ тѣмъ жизненнымъ процессамъ, которые происходятъ въ невѣдомой глубинѣ и дали народной жизни. Нельзя предписать свободу изъ центра, — должна быть воля къ свободѣ въ народной жизни, уходящей корнями своими въ нѣдра земли. Эта воля къ свободѣ и къ свѣту есть и въ самыхъ земляныхъ и темныхъ еще слояхъ народа. Нужно только умѣть подойти къ темной еще народной душѣ съ вникающей любовью и безъ насилія. Нынѣ должна проснуться не интеллигенція, не верхній культурный слой, не какой-нибудь демагогически развиваемый классъ, а огромная, невѣдомая, народная, провинціальная, «обывательская» Россія, не сказавшая еще своего слова. Потрясенія войны способствуютъ этому пробужденію. И свѣтъ сознанія, который долженъ идти на встрѣчу этой пробуждающейся Россіи, не долженъ быть внѣшнимъ, централистическимъ и насилующимъ свѣтомъ, а свѣтомъ внутреннимъ для всякаго русскаго человѣка и для всей русской націи.

О СВЯТОСТИ И ЧЕСТНОСТИ.

I.

К. Леонтьевъ говоритъ, что русскій человѣкъ можетъ быть святымъ, но не можетъ быть честнымъ. Честность — западно-европейскій идеаль. Русскій идеаль — святость. Въ формуль К. Леонтьева есть нѣкоторое эстетическое преувеличеніе, но есть въ ней и несомнѣнная истина, въ ней ставится очень интересная проблема русской народной психологіи. У русскаго человѣка недостаточно сильно сознаніе того, что честность обязательна для каждаго человѣка, что она связана съ честью человѣка, что она формируетъ личность. Нравственная самодисциплина личности никогда у насъ не разсматривалась, какъ самостоятельная и высшая задача. Въ нашей исторіи отсутствовало рыцарское начало, и это было неблагопріятно для развитія и для выработки личности. Русскій человѣкъ не ставилъ себѣ задачей выработать и дисциплинировать личность, онъ слишкомъ склоненъ былъ полагаться на то, что органическій коллективъ, къ которому онъ принадлежитъ, за него все сдѣлаетъ для его нравственнаго здоровья Русское православіе, которому русскій народъ обязанъ своимъ нравственнымъ воспитаніемъ, не ставило слишкомъ высокихъ нравственныхъ задачъ личности средняго русскаго человѣка, въ немъ была огромная нравственная снисходительность. Русскому человѣку было прежде всего предъявлено требованіе смиренія. Въ награду за добродѣтель смиренія ему все давалось и все разрѣшалось. Смиреніе и было единственной формой дисциплины личности. Лучше смиренно грѣшить, чѣмъ гордо совершенствоваться. Русскій человѣкъ привыкъ думать, что безчестность — не великое зло, если при этомъ онъ смирененъ въ душѣ, не гордится, не превозносится. И въ самомъ большомъ преступленіи можно смиренно каяться, мелкіе же грѣхи легко снимаются свѣчечкой, поставленной передъ угодникомъ. Высшія сверхчеловѣческія задачи стоятъ передъ святымъ. Обыкновенный русскій человѣкъ не дол

женъ задаваться высокой цѣлью даже отдаленнаго приближенія къ этому идеалу святости. Это—гордость. Православный русскій старецъ никогда не будетъ направлять по этому пути. Святость есть удѣлъ немногихъ, она не можетъ быть путемъ для человѣка. Всякій слишкомъ героическій путь личности русское православное сознание признаетъ гордыней, и идеологи русскаго православія готовы видѣть въ этомъ пути уклонъ къ челоуѣкобожеству и демонизму. Человѣкъ долженъ жить въ органическомъ коллективѣ, послушный его строю и ладу, образовываться своимъ сословіемъ, своей традиціонной профессіей, всѣмъ традиціоннымъ народнымъ укладомъ.

Въ какомъ же смыслѣ русское народное православное сознание вѣрять въ святую Русь и всегда утверждаетъ, что Русь живетъ святостью, въ отличіе отъ народовъ Запада, которые живутъ лишь честностью, т.-е. началомъ менѣе высокимъ? Въ этомъ отношеніи въ русскомъ религіозномъ сознаніи есть коренной дуализмъ. Русскій народъ и истинно-русскій челоуѣкъ живутъ святостью не въ томъ смыслѣ, что видятъ въ святости свой путь или считаютъ святость для себя въ какой либо мѣрѣ достижимой или обязательной. Русь совсѣмъ не свята и не почитаетъ для себя обязательно сдѣлаться святой и осуществить идеалъ святости; она—свята лишь въ томъ смыслѣ, что безконечно почитаетъ святыхъ и святости, только въ святости видитъ высшее состояніе жизни, въ то время какъ на Западѣ видятъ высшее состояніе также и въ достиженіяхъ познанія или общественной справедливости, въ торжествѣ культуры, въ творческой геніальности. Для русской религіозной души святится не столько челоуѣкъ, сколько сама русская земля, которую «въ рабскомъ видѣ Царь небесный исходилъ, благословляя». И въ религіозныхъ видѣніяхъ русскаго народа русская земля представляется самой Богородицей. Русскій челоуѣкъ не идетъ путями святости, никогда не задается такими высокими цѣлями, но онъ поклоняется святымъ и святости, съ ними связываетъ свою послѣднюю любовь, воаагаается на святыхъ, на ихъ заступничество и предстательство, спасается тѣмъ, что русская земля имѣетъ такъ много святыхъ. Душа русскаго народа никогда не поклонялась золотому тельцу и, вѣрю, никогда ему не

поклонится въ послѣдней глубинѣ своей. Но русская душа склонна опускаться въ низшія оостоянія, тамъ распускать себя, допускать безчестность и грязь. Русскій человѣкъ будетъ грабить и наживаться нечистыми путями, но при этомъ онъ никогда не будетъ почитать матеріальныя богатства высшей цѣнностью, онъ будетъ вѣрить, что жизнь св. Серафима саровскаго выше всѣхъ земныхъ благъ и что св. Серафимъ спасетъ его и всѣхъ грѣшныхъ русскихъ людей, предстательствуя передъ Всевышнимъ отъ лица русской земли. Русскій человѣкъ можетъ быть отчаяннымъ мошенникомъ и преступникомъ, но въ глубинѣ души онъ благоговѣетъ передъ святостью и ищетъ спасенія у святыхъ, у ихъ посредничества. Какой-нибудь хищникъ и кровопійца — можетъ очень искренно, поистинѣ благоговѣйно склоняться передъ святостью, ставить свѣчи передъ образами святыхъ, ѣздить въ пустыни къ старцамъ, оставаясь хищникомъ и кровопійцемъ. Это даже нельзя назвать лицемеріемъ. Это—вѣками воспитанный дуализмъ, вошедшій въ плоть и кровь, особый душевный укладъ, особый путь. Это—прививка душевно-плотской, не достаточно духовной религіозности. Но въ русскомъ душевномъ типѣ есть огромное преимущество передъ типомъ европейскимъ. Европейскій буржуа наживается и обогащается съ сознаниемъ своего большого совершенства и превосходства, съ вѣрой въ свои буржуазныя добродѣтели. Русскій буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствуетъ себя немного грѣшникомъ и немного презираетъ буржуазныя добродѣтели.

II.

Святость остается для русскаго человѣка трансцендентнымъ началомъ, она не становится его внутренней энергіей. Почитаніе святости построено по тому-же типу, что и почитаніе иконъ. Къ святому сложилось отношеніе, какъ къ иконѣ, ликъ его сталъ иконописнымъ ликомъ, пересталъ быть человѣческимъ. Но это трансцендентное начало святости, становящееся посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ, должно что-то дѣлать для русскаго человѣка, ему помогать и его спасать, за него совершать нравственную и духовную работу. Русскій человѣкъ совѣмъ и не помыш-

леть о томъ, чтобы святость стала внутреннимъ началомъ, преобразующимъ его жизнь, она всегда дѣйствуетъ на него навѣ. Святость слишкомъ высока и недоступна, она—уже не человѣческое состояніе, передъ ней можно лишь благоговѣнно склоняться и искать въ ней помощи и заступничества за окаяннаго грѣшника. Почитаніе святыхъ заслонило непосредственное богообщеніе. Святой—больше, чѣмъ человѣкъ, поклоняющійся же святому, ищущій въ немъ заступничества,—меньше, чѣмъ человѣкъ. Гдѣ же человѣкъ? Всякій человѣческой идеаль совершенства, благородства, чести, честности, чистоты, свѣта представляется русскому человѣку малоцѣннымъ, слишкомъ мірскимъ, средне-культурнымъ. И колеблется русской человѣкъ между началомъ звѣринымъ и ангельскимъ, мимо начала человѣческаго. Для русскаго человѣка такъ характерно это качаніе между святостью и свинствомъ. Русскому человѣку часто представляется, что, если нельзя быть святымъ и подняться до сверхчеловѣческой высоты, то лучше ужъ оставаться въ свинскомъ состояніи, то не такъ уже важно, быть ли мошенникомъ или честнымъ. А такъ какъ сверхчеловѣческое состояніе святости доступно лишь очень немногимъ, то очень многіе не достигаютъ и человѣческаго состоянія, остаются въ состояніи свинскомъ. Активное человѣческое совершенствованіе и творчество парализованы. Въ Россіи все еще недостаточно раскрыто человѣческое начало, оно все еще въ потенціяхъ, великихъ потенціяхъ, но лишь потенціяхъ.

Русская мораль проникнута дуализмомъ, унаслѣдованнымъ отъ нашей своеобразной народной религіозности. Идея святой Руси имѣла глубокіе корни, во она заключала въ себѣ и нравственную опасность для русскаго человѣка, она нерѣдко разслабляла его нравственную энергію, парализовала его человѣческую волю и мѣшала его восхожденію. Это—женственная религіозность и женственная мораль. Русская слабость, недостатокъ характера чувствуется въ этомъ вѣчномъ желаніи укрыться въ складкахъ одеждъ Богородицы, прибѣгнуть къ заступничеству святыхъ. Божественное начало не раскрывается изнутри, въ самой русской волѣ, русскомъ жизненномъ порывѣ. Переживанія своей слабости и своего окаянства и представляются религіозными переживаніями по преимуществу. И мы всего

болѣе нуждаемся въ развитіи въ себѣ мужественнаго религіознаго начала во всѣхъ отношеніяхъ. Мы должны развивать въ себѣ сознаніе отвѣтственности и пріучаться возлагать какъ можно больше на самихъ себя и на свою активность. Отъ этого зависитъ будущее Россіи, исполненіе ея призванія въ мірѣ. Нельзя видѣть своеобразіе Россіи въ слабости и отсталости. Въ силѣ и въ развитіи должно раскрыться истинное своеобразіе Россіи. Русскій человѣкъ долженъ перестать возлагаться на то, что за него кѣмъ-то все будетъ сдѣлано и достигнуто. Историческій часъ жизни Россіи требуетъ, чтобы русскій человѣкъ раскрылъ свою человѣческую духовную активность.

Очень характерно, что не только въ русской народной религіозности и у представителей стараго русскаго благочестія, но и у атеистической интеллигенціи, и у многихъ русскихъ писателей чувствуется все тотъ-же трансцендентный дуализмъ, все то же признаніе цѣнности лишь сверхчеловѣческаго оовершенства и недостаточная оцѣнка оовершенства человѣческаго. Такъ средній радикальный интеллигентъ обычно думаетъ, что онъ или призванъ перевернуть міръ, или принужденъ остаться въ довольно низкомъ состояніи, пребывать въ нравственной неряшливости и опускаться. Промышленную дѣятельность онъ цѣликомъ предоставляет той «буржуазіи», которая, по его мнѣнію, и не можетъ обладать нравственными качествами. Русскаго человѣка слишкомъ легко «заѣдаетъ среда». Онъ привыкъ возлагаться не на себя, не на свою активность, не на внутреннюю дисциплину личности, а на органическій коллективъ, на что-то внѣшнее, что должно его подымать и спасать. Матеріалистическая теорія соціальнаго среды въ Россіи есть своеобразное и искаженное переживаніе религіозной трансцендентности, полагающей центр тяжести внѣ глубины человѣка. Принципъ «все или ничего» обычно въ Россіи оставляетъ побѣду за «ничѣмъ».

III.

Нужно признать, что личное достоинство, личная честь, личная честность и чистота мало кого у насъ плѣвняютъ. Всякій призывъ къ личной дисциплинѣ раздражаетъ русскихъ. Духовная работа надъ формированіемъ своей личности не представляется русскому человѣку нужной и

плѣнительной. Когда русскій человѣкъ религіозенъ, то онъ вѣритъ, что святые или самъ Богъ все за него сдѣлаютъ, когда же онъ атеистъ, то думаетъ, что все за него должна сдѣлать социальная среда. Дуалистическое религіозное и моральное воспитаніе, всегда призывавшее исключительно къ смиренію и никогда не призывавшее къ чести, пренебрегавшее чисто человѣческимъ началомъ, чисто человѣческой активностью и человѣческимъ достоинствомъ, всегда разлагавшее человѣка на ангельско-небесное и звѣрино-земное, косвенно сказалось теперь, во время войны. Святоотци все еще поклоняется русскій человѣкъ въ лучшія минуты своей жизни, но ему недостаетъ честности, человѣческой честности. Но и почитаніе святости, это главный источникъ нравственнаго питанія русскаго народа, идетъ на убыль, старая вѣра слабѣетъ. Звѣрино-земное начало въ человѣкѣ, не привыкшемъ къ духовной работѣ надъ собой, къ претворенію низшей природы въ высшую, оказывается предоставленнымъ на произволъ судьбы. И въ отпавшемъ отъ вѣры, по современному обуржуазившемся русскомъ человѣкѣ остается въ силѣ старый религіозный дуализмъ. Но благодать отошла отъ него и онъ остался предоставленнымъ своимъ непросвѣтленнымъ инстинктамъ. Оргія хищническихъ инстинктовъ, безобразной наживы и спекуляціи въ дни великой міровой войны и великихъ испытаній для Россіи есть нашъ величайшій позоръ, темное пятно на національной жизни, язва на тѣлѣ Россіи. Жажда наживы охватила слишкомъ широкіе слои русскаго народа. Обнаруживается вѣковой недостатокъ честности и чести въ русскомъ человѣкѣ, недостатокъ нравственнаго воспитанія личности, самодисциплины личности и свободнаго ея самоограниченія. И въ этомъ есть что-то рабье, какое-то не гражданское, до-гражданское состояніе. Среднему русскому человѣку, будь онъ землевладѣлецъ или торговецъ, не достаетъ гражданской честности и чести. Свободные граждане не могутъ спекулировать, утаивать продукты первой необходимости и т. п. во время великаго испытанія духовныхъ и матеріальныхъ силъ Россіи. Это несмыслимый позоръ, о которомъ съ содраганіемъ будутъ вспоминать будущія поколѣнія на ряду съ воспоминаніемъ о героическихъ подвигахъ русской арміи, о самоотверженной дѣятельности

нашихъ общественныхъ организацій. Я вѣрю, что ядро русскаго народа нравственно-здоровое. Но въ нашемъ буржуазно-обывательскомъ слоѣ не оказалось достаточно сильнаго нравственнаго гражданскаго сознанія, нравственной и гражданской подготовки личности. Передъ этимъ слоємъ стоять не только большія испытанія, но и большіе соблазны. Русскій человѣкъ можетъ безконечно много терпѣть и выносить, онъ прошелъ школу смиренія. Но онъ легко поддается соблазнамъ и не выдерживаетъ соблазна легкой наживы, онъ не прошелъ настоящей школы чести, не имѣетъ гражданскаго закала. Это не значитъ, что, такъ легко соблазняющійся и уклоняющійся отъ путей личной и гражданской честности, русскій человѣкъ совсѣмъ не любитъ Россіи. По своему онъ любитъ Россію, но онъ не привыкъ чувствовать себя отвѣтственнымъ передъ Россіей, не воспитанъ въ духѣ свободно-гражданскаго къ ней отношенія.

Приходится съ грустью сказать, что святая Русь имѣетъ свой коррелятивъ въ Руси мошеннической. Это подобно тому, какъ моногамическая семья имѣетъ свой коррелятивъ въ проституціи. Вотъ этотъ дуализмъ долженъ быть преодолень и прекращень. Нужно вникать въ глубокіе духовные истоки нашихъ современныхъ нравственныхъ язвъ. Въ глубинѣ Россіи, въ душѣ русскаго народа должны раскрыться имманентная религіозность и имманентная мораль, для которой высшее божественное начало дѣлается внутренно преобразующимъ и творческимъ началомъ. Это значитъ, что долженъ во весь свой ростъ стать человѣкъ и гражданинъ, вполне свободный. Свободная религіозная и социальная психологія должна побѣдить внутри каждаго человѣка рабскую религіозную и социальную психологію. Это значитъ также, что русскій человѣкъ долженъ выйти изъ того состоянія, когда онъ можетъ быть овятымъ, но не можетъ быть честнымъ. Святость навѣки останется у русскаго народа, какъ его достояніе, но онъ долженъ обогатиться новыми цѣнностями. Русскій человѣкъ и весь русскій народъ должны сознать божественность человѣческой чести и честности. Тогда инстинкты творческіе побѣдятъ инстинкты хищническіе.

Объ отношеніи русскихъ нъ идеямъ.

I.

Многое въ складѣ нашей общественной и народной психологіи наводитъ на печальныя размышленія. И однимъ изъ самыхъ печальныхъ фактовъ нужно признать равнодушіе къ идеямъ и идейному творчеству, идейную отсталость широкихъ слоевъ русской интеллигенціи. Въ этомъ обнаруживается вялость и инертность мысли, нелюбовь къ мысли, невѣріе въ мысль. Моралистическій складъ русской души порождаетъ подозрительное отношеніе къ мысли. Жизнь идей признается у насъ роскошью, и въ роскоши этой не видятъ существеннаго отношенія къ жизни. Въ Россіи съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія проповѣдуется аскетическое воздержаніе отъ идейнаго творчества, отъ жизни мысли, переходящей предѣлы утилитарно нужнаго для цѣлей социальныхъ, моральныхъ или религиозныхъ. Эготъ аскетизмъ въ отношеніи къ мысли и къ идейному творчеству одинаково утверждался у насъ и съ точки зрѣнія религиозной и съ точки зрѣнія материалистической. Это такъ свойственно русскому народничеству, принимавшему и самыя лѣвыя, и самыя правыя формы. Ярко выразилась эта складка русской души въ толстовствѣ. Одни считаютъ у насъ достаточнымъ тотъ минимумъ мысли, который заключается въ социаль-демократическихъ брошюрахъ, другіе—тотъ, который можно найти въ писаніяхъ святыхъ отцовъ. Брошюры толстовскія, брошюры «религиозно-философской бібліотеки» М. А. Новоселова и брошюры социально-революціонныя обнаруживаютъ совершенно одинаковую нелюбовь и презрѣніе къ мысли. Самоцѣнность мысли отрицалась, свобода идейнаго творчества бралась подъ подозрѣніе то съ точки зрѣнія социально-революціонной, то съ точки зрѣнія религиозно-охранитель-

ной. Любили у насъ лишь катехизисы, которые легко и просто примѣнялись ко всякому случаю жизни. Но любовь къ катехизисамъ и есть нелюбовь къ самостоятельной мысли. Въ Россіи никогда не было творческой избыточности, никогда не было ничего ренессанснаго, ничего отъ духа Возрожденія. Такъ печально и уныло сложилась русская исторія и сдарила душу русскаго человѣка! Вся духовная энергія русскаго человѣка была направлена на единую мысль о спасеніи своей души, о спасеніи народа, о спасеніи міра. Поистинѣ эта мысль о всеобщемъ спасеніи—характерно-русская мысль. Историческая судьба русскаго народа была жертвенна,—онъ спасалъ Европу отъ нашествій Востока, отъ татарщины и у него не хватало силъ для свободнаго развитія.

Западный человѣкъ творить цѣнности, созидаетъ цвѣтъ культуры, у него есть самодовлѣющая любовь къ цѣностямъ; русскій человѣкъ ищетъ спасенія, творчество цѣнностей для него всегда немного подозрительно. Спасенія ищутъ не только вѣрующія русскія души православныя или сектантскія, спасенія ищутъ и русскіе атеисты, социалисты и анархисты. Для дѣла спасенія нужны катехизисы, но опасна мысль свободная и творческая. Ошибочно думать, что лучшая, наиболѣе искренняя часть русской лѣвой, революціонной интеллигенціи общественна по направленію своей воли и занята политикой. Въ ней нельзя найти ни малѣйшихъ признаковъ общественной мысли, политическаго сознанія. Она аполитична и необщественна, она извращенными путями ищетъ спасенія души, чистоты, быть можетъ ищетъ подвига и служенія міру, но лишена инстинктовъ государственнаго и общественнаго строительства. «Общественное» міросозерцаніе русской интеллигенціи, подчиняющее всѣ цѣнности политикѣ, есть лишь результатъ великой путаницы, слабости мысли и сознанія, смѣшенія абсолютнаго и относительнаго. Русскій интеллигентскій максимализмъ, революціонизмъ, радикализмъ есть особаго рода моралистическій аскетизмъ въ отношеніи къ государственной, общественной и вообще исторической жизни. Очень характерно, что русская тактика обычно принимаетъ форму бойкота, забасовки и недѣланія. Русскій интеллигентъ никогда не увѣренъ въ томъ, слѣдуетъ ли

принять исторію со всей ея мукой, жестокостью, трагическими противорѣчіями, не праведнѣ ли ее совершенно отвергнуть. Мыслить надъ исторіей и ея задачами онъ отказывается, онъ предпочитаетъ морализировать надъ исторіей, примѣнять къ ней свои соціологическія схемы, очень напоминающія схемы теологическія. И въ этомъ русскій интеллигентъ, оторванный отъ родной почвы, остается характерно русскимъ человѣкомъ, никогда не имѣвшимъ вкуса къ исторіи, къ исторической мысли и къ историческому драматизму. Наша общественная мысль была нарочито примитивной и элементарной, она всегда стремилась къ упрощенію и боялась сложности. Русская интеллигенція всегда исповѣдывала какія-нибудь доктрины, вмѣщающіяся въ карманный катехизисъ, и утопіи, общающія легкій и упрощенный способъ всеобщаго спасенія, но не любила и боялась самоцѣнной творческой мысли, передъ которой раскрывались бы безконечно сложныя перспективы. Въ широкой массѣ такъ называемой радикальной интеллигенціи мысль не только упрощена, но опошлена и вывѣтрена. Разложеніе старыхъ идей въ полуравнодушной массѣ—ядовито. Катехизисы допустимы лишь въ огненной атмосферѣ, въ атмосферѣ же тепло-прохладной они пошлѣютъ и вырождаются. Творческая мысль, которая ставитъ и рѣшаетъ все новыя и новыя задачи,—динамична. Русская же мысль всегда была слишкомъ статична, несмотря на смѣну разныхъ вѣръ и направленій. Это одинаково вѣрно и по отношенію къ теократически охранительнымъ доктринамъ и по отношенію къ доктринамъ позитивнотически-радикальнымъ и социалистическимъ.

II.

Русская нелюбовь къ идеямъ и равнодушіе къ идеямъ нерѣдко переходятъ въ равнодушіе къ истинѣ. Русскій человѣкъ не очень ищетъ истины, онъ ищетъ правды, которую мыслить то религіозно, то морально, то соціально, ищетъ спасенія. Въ этомъ есть что-то характерно русское, есть своя настоящая русская правда. Но есть и опасность, есть отвращеніе отъ путей познанія, есть уклонъ къ народнически-обоснованному невѣжеству. Преклоненіе передъ органической народной мудростью всегда парализовало

мысль въ Россіи и пресѣжало идейное творчество, которое личность беретъ на свою отвѣтственность. Наша консервативная мысль была еще родовой мыслью, въ ней не было самосознанія личнаго духа. Но это самосознаніе личнаго духа мало чувствовалось и въ нашей прогрессивной мысли. Мысль, жизнь идей всегда подчинялась русской душевности, смѣшивающей правду-истину съ правдой-справедливостью. Но сама русская душевность не была подчинена духовности, не прошла черезъ духъ. На почвѣ этого господства душевности развивается всякаго рода психологізмъ. Мысль родовая, мысль, связанная съ стихійностью земли, всегда душевная, а не духовная мысль. И мышленіе русскихъ революціонеровъ всегда протекало въ атмосферѣ душевности, а не духовности. Идея, смыслъ раскрывается въ личности, а не въ коллективѣ, и народная мудрость раскрывается на вершинахъ духовной жизни личностей, выражающихъ духъ народный. Безъ великой отвѣтственности и дерзновенія личнаго духа не можетъ осуществляться развитіе народнаго духа. Жизнь идей есть обнаруженіе жизни духа. Въ творческой мысли духъ овладѣваетъ душевно-тѣлесной сгущеніемъ. Исключительное господство душевности съ ея животной теплотой противится этой освобождающей жизни духа. Величайшіе русскіе гени боялись этой отвѣтственности личнаго духа и съ вершины духовной падали внизъ, припадали къ землѣ, искали спасенія въ стихійной народной мудрости. Такъ было у Достоевскаго и Толстого, такъ было у славянофиловъ. Въ русской религіозной мысли исключеніе представляли лишь Чаадаевъ и Вл. Соловьевъ.

Русская стихійно-народная душевность принимаетъ разнообразныя, самыя противоположныя формы—охранительныя и бунтарскія, національно-религіозныя и интернаціонально-соціалистическія. Это—корень русскаго народничества, враждебнаго мысли и идеямъ. Въ настроенности и направленности русской народной душевности есть что-то анти-гностическое, берущее подъ подозрѣніе процессъ знанія. Сердце преобладало надъ умомъ и надъ волей. Русскій народническій душевный типъ моралистиченъ, онъ ко всему на свѣтѣ примѣняетъ исключительно моралистическія оцѣнки. Но морализмъ этотъ не способствуетъ выра

боткѣ личнаго характера, не создаетъ закала духа. Въ морализмѣ этомъ преобладаетъ расплывчатая душевность, размягченная сердечность, часто очень привлекательная, но не чувствуется мужественной воли, отвѣтственности, самодисциплины, твердости характера. Русскій народъ, быть можетъ, самый духовный народъ въ мірѣ. Но духовность его плаваетъ въ какой-то стихійной душевности, даже въ тѣлесности. Въ этой безбрежной духовности мужественное начало не овладѣваетъ женственнымъ началомъ, не оформляетъ его. А это и значитъ, что духъ не овладѣлъ душевнымъ. Это вѣрно не только по отношенію къ «народу», но и по отношенію къ «интеллигенціи», которая вѣдше оторвана отъ народа, но сохранила очень характерныя черты народной психологіи. На этой почвѣ рождается недовѣріе, равнодушіе и враждебное отношеніе къ мысли, къ идеямъ. На этой же почвѣ рождается и давно извѣстная слабость русской воли, русскаго характера. Самые правые русскіе славянофилы и самые лѣвые русскіе народники (къ нимъ за рѣдкими исключеніями нужно причислить по душевному складу и русскіихъ социаль-демократовъ, непохожихъ на своихъ западныхъ товарищей) одинаково возстаютъ противъ «отвлеченной мысли» и требуютъ мысли нравственной и спасающей, имѣющей существенное практическое примѣненіе къ жизни. Въ возстаніи противъ отвлеченной мысли и въ требованіи мысли цѣлостной была своя большая правда и предчувствіе высшаго типа мысли. Но правда эта тонула въ расплывчатой душевности и неспособности къ расчлененіямъ и дифференціаціямъ. Мысль человѣческая въ путяхъ человѣческаго духа должна проходить черезъ раздвоеніе и расчлененіе. Первоначальная органическая цѣлостность не можетъ быть сохранена и перенесена въ высшій типъ духовности, безъ мучительнаго дифференцирующаго процесса, безъ отпаденія и секуляризаціи. Безъ сознанія этой истины органически цѣлостная мысль переходитъ во вражду къ мысли, въ безсмысліе, въ мракобѣсный морализмъ. Своеобразіе и оригинальность русской души не можетъ быть убита мыслью. Боязнь эта есть не вѣріе въ Россію и русскаго человѣка. Недифференцированность нашей консервативной мысли перешла и къ нашей прогрессивной мысли.

III.

Въ Россіи не совершилось еще настоящей эмансипаціи мысли. Русскій нигилизмъ былъ порабощеніемъ, а не освобожденіемъ мысли. Мысль наша осталась служебной. Русскіе боятся грѣха мысли, даже когда они не признають уже никакого грѣха. Русскіе все еще не поднялись до того сознанія, что въ живой, творческой мысли есть свѣтъ, преобразующій стихію, пронизывающій тьму. Само знаніе есть жизнь, и потому уже нельзя говорить, что знаніе должно быть утилитарно подчинено жизни. Намъ необходимо духовное освобожденіе отъ русскаго утилитаризма, порабощающаго нашу мысль, будетъ ли онъ религіознымъ или матеріалистическимъ. Рабство мысли привело въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи къ идейной бѣдности и идейной отсталости. Идеи, которыя многимъ еще продолжаютъ казаться «передовыми», въ сущности очень отсталыя идеи, не отоящія на высотѣ современной европейской мысли. Сторонники «научнаго» міросозерцанія отстали отъ движенія науки на полстолѣтія. Интеллигентная и полунинтеллигентная масса пытается и живетъ старымъ идейнымъ хламомъ, давно уже сданнымъ въ архивъ. Наша «передовая» интеллигенція безнадежно отстаетъ отъ движенія европейской мысли, отъ все болѣе и болѣе усложняющагося и утончающагося философскаго и научнаго творчества. Она вѣрится въ идеи, которыя господствовали на Западѣ болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, она все еще серьезно способна исповѣдывать позитивистическое міросозерцаніе, старую теорію соціальной среды и т. п. Но это есть окончательное прекращеніе и окостенѣніе мысли. Традиціонный позитивизмъ давно уже рухнулъ не только въ философіи, но и въ самой наукѣ. Если никогда нельзя было серьезно говорить о матеріализмѣ, какъ направленіи полуграмотномъ, то невозможно уже серьезно говорить и о позитивизмѣ, а скоро нельзя будетъ говорить о критицизмѣ Кантовскаго типа. Также невозможно поддерживать тотъ радикальный «соціологизмъ» міроощущенія и міросозерцанія, за который все еще держится интеллигентская масса въ Россіи. Раскрываются новыя перспективы «космическаго» міроощущенія и міросознанія. Общественность не

можетъ уже быть оторванной и изолированной отъ жизни космической, отъ энергій, которыя переливаются въ нее изъ всѣхъ плановъ космоса. Поэтому не возможенъ уже социальный утопизмъ, всегда основанный на упрощенномъ мышленіи объ общественной жизни, на рационализаціи ея, не желающій знать иррациональныхъ космическихъ силъ. Не только въ творческой русской мысли, которая въ небольшомъ кругу переживаетъ періодъ подъема, но и въ мысли западно европейской произошелъ радикальный сдвигъ, и «передовымъ» въ мысли и сознаніи является совсѣмъ уже не то, во что продолжаютъ вѣрить у насъ слишкомъ многіе, лѣнныя и инертныя мыслию.

Вершина человѣчества вступила уже въ ночь новаго средневѣковья, когда солнце должно засвѣтиться внутри насъ и привести къ новому дню. Виѣшній свѣтъ гаснетъ. Крахъ рационализма, возрожденіе мистики и есть этотъ ночной моментъ. Но когда происходитъ крахъ старой расудочной мысли, особенно нужно призывать къ творческой мысли, къ раскрытію-идей духа. Борьба идетъ на духовныхъ вершинахъ человѣчества, тамъ опредѣляется судьба человѣческаго сознанія, есть настоящая жизнь мысли, жизнь идей. Въ серединѣ же царитъ старая инертность мысли, нѣтъ инициативы въ творчествѣ идей, ключья стараго міра мысли влачатъ жалкое существованіе. Средняя мысль, мнящая себя интеллигентной, доходитъ до состоянія полного безмыслія. Мы вѣчно наталкиваемся на статику мысли, динамики же мысли не видно. Но мысль по природѣ своей динамична, она есть вѣчное движеніе духа, передъ ней стоятъ вѣчно новыя задачи, раскрываются вѣчно новыя міры, и она должна давать вѣчно творческія рѣшенія. Когда мысль дѣлается статической—она костенѣетъ и умираетъ. У многихъ нашихъ передовыхъ западниковъ мысль остановилась на 60 годахъ, они—охранители этой старой мысли, они остановились на стадіи самаго элементарнаго просвѣтительства, на Западѣ восходящаго до XVIII вѣка. Въ области мысли люди эти не прогрессисты и не революціонеры, а консерваторы и охранители; они тянутъ назадъ, къ расудочному просвѣтительству, они слегка подогрѣваютъ давно охлажденные мысли и враждебны всякому горѣнкю мысли.

IV.

Творческое движеніе идей не вызываетъ къ себѣ сколько-нибудь сильнаго интереса въ широкихъ кругахъ русскаго интеллигентнаго общества. У насъ даже сложилось убѣжденіе, что общественнымъ дѣятелямъ вовсе и не нужны идеи или нуженъ минимальный ихъ запасъ, который всегда можно найти въ складахъ традиціонной, давно охлажденной, статически-окостенѣвшей мысли. Все наше движеніе 1905 г. не было одухотворено живыми творческими идеями, оно питалось идеями тепло прохладными, но раздиралось горячими страстями и интересами. И эта идейная убогость была роковой. За послѣднія пятнадцать лѣтъ у насъ было высказано много творческихъ идей и идей не только отвлеченныхъ, но жизненныхъ, конкретныхъ. Но вокругъ этихъ идей все еще не образовалось никакой культурной атмосферы, не возникло еще никакого общественнаго движенія. Идеи эти остались въ кругу немногихъ. Миръ идей и миръ общественности остались разобщенными. Со стороны общественниковъ не было спроса на идеи, не было заказовъ на идейное творчество, они были довольны жалкими остатками старыхъ идей. Вся ненормальность и болѣзненность духовнаго состоянія нашего общества особенно почувствовалась, когда началась міровая война, потребовавшая напряженія всѣхъ силъ, не только матеріальныхъ, но и духовныхъ. Нельзя было подойти къ міровой трагедіи съ запасомъ старыхъ просвѣтительныхъ идей, старыхъ рационалистически-соціологическихъ схемъ. Человѣкъ, вооруженный лишь этими устарѣвшими идейными орудіями, долженъ былъ себя почувствовать раздавленнымъ и выброшеннымъ за бортъ исторіи. Гуманитарно-пацифистская настроенность, всегда очень элементарная и упрощенная, бессильна передъ грознымъ ликомъ исторической судьбы, исторической трагедіи. Если у насъ не было достаточной матеріальной подготовленности къ войнѣ, то не было и достаточной идейной подготовленности. Традиціонныя идеи, десятки лѣтъ у насъ господствующія, совершенно не пригодны для размѣровъ разыгравшихся въ мирѣ событий. Все сдвинулось со своихъ обычныхъ мѣстъ, все требуетъ совершенно новой творческой работы мысли, новаго

идейнаго воодушевленія. Наша же общественность во время небывалой міровой катастрофы бѣдна идеями, недостаточно воодушевлена. Мы расплачиваемся за долгій періодъ равнодушія къ идеямъ. Идеи, на которыхъ покоилась старая власть, окончательно разложились. Ихъ нельзя оживить никакими силами. Не помогутъ никакія ядовитыя мистическія оправданія, почерпнутыя изъ старыхъ складовъ. Но идеи русской общественности, призвавнныя перестроить русскую жизнь и обновить власть, охладѣли и вывѣтрились раньше, чѣмъ наступилъ часъ для ихъ осуществленія въ жизни. Остается обратиться къ творческой жизни идей, которая непримѣтно назрѣвала въ мірѣ. Распатались идеологическія основы русскаго консерватизма и идеологическія основы русскаго радикализма. Нужно перейти въ иное идейное измѣреніе.

Въ міровой борьбѣ народовъ русскій народъ долженъ имѣть свою идею, долженъ вносить въ нее свой закалъ духа. Русскіе не могутъ удовлетвориться отрицательной идеей отраженія германскаго милитаризма и одолѣнія темной реакціи вѣнутри. Русскіе должны въ этой борьбѣ не только государственно и общественно перестроиться, но перестроиться идейно и духовно. Постыдвсе равнодушіе къ идеямъ, закрѣпощающее отсталость и статическую окаменѣлость мысли, должно замѣниться новымъ идейнымъ воодушевленіемъ и идейнымъ подъемомъ. Почва разрыхлена и настало благопріятное время для идейной проповѣди, отъ которой зависитъ все ваше будущее. Въ самый трудный и отвѣтственный часъ нашей исторіи мы находимся въ состояніи идейной анархіи и распутицы, въ нашемъ духѣ совершается гнилостный процессъ, связанный съ омертвѣніемъ мысли консервативной и революціонной, идей правыхъ и лѣвыхъ. Но въ глубинѣ русскаго народа есть живой духъ, скрыты великія возможности. На разрыхленную почву должны пасть сѣмена новой мысли и новой жизни. Созрѣваніе Россіи до міровой роли предполагаетъ ея духовное возрожденіе.

II.

Проблема національності.

Востокъ и Западъ.

Национальность и человечество.

I.

Наши националисты и наши космополиты находятся во власти довольно низких понятій о національности, они одинаково разобщаютъ бытіе національное съ бытіемъ еди-наго человечества. Страсти, которыя обычно вызываютъ національныя проблемы, мѣшаютъ проясненію сознанія. Работа мысли надъ проблемой національности должна, прежде всего, установить, что невозможно и бессмысленно противоположеніе національности и человечества, національной множественности и всечеловѣческаго единства. Между тѣмъ, какъ это ложное противоположеніе дѣлается съ двухъ сторонъ, со стороны национализма и со стороны космополитизма. Недопустимо было бы принципиально противоположать часть цѣлому или органъ организму и мыслить совершенство цѣлаго организма, какъ исчезновеніе и преодоленіе множественности его частей и органовъ. Національность и борьба за ея бытіе и развитіе не означаетъ раздора въ человечествѣ и съ человечествомъ и не можетъ быть въ принципѣ связываема съ несовершеннымъ, не пришедшимъ къ единству состояніемъ человечества, подлежащимъ исчезновенію при наступленіи совершеннаго единства. Ложный национализмъ даетъ пищу для такихъ понятій о національности. Национальность есть индивидуальное бытіе, внѣ котораго не возможно существованіе человечества, она заложена въ самихъ глубинахъ жизни, и національность есть цѣнность, творимая въ исторіи, динамическое заданіе. Существованіе человечества въ формахъ національнаго бытія его частей совсѣмъ не означаетъ непременно зоологическаго и низшаго состоянія взаимной

вражды и истребленія, которое исчезаетъ по мѣрѣ роста гуманности и единства. За національностью стоятъ вѣчная онтологическая основа и вѣчная цѣнная цѣль. Национальность есть бытіиственная индивидуальность, одна изъ іерархическихъ ступеней бытія, другая ступень, другой кругъ, чѣмъ индивидуальность человѣка или индивидуальность человѣчества, какъ нѣкой соборной личности. Установленіе совершеннаго братства между людьми не будетъ исчезновеніемъ человѣческихъ индивидуальностей, но будетъ ихъ полнымъ утвержденіемъ. И установленіе всечеловѣческаго братства народовъ будетъ не исчезновеніемъ, а утвержденіемъ національныхъ индивидуальностей. Человѣчество есть нѣкоторое положительное всеединство, и оно превратилось бы въ пустую отвлеченность, если бы своимъ бытіемъ угашало и упраздняло бытіе всѣхъ входящихъ въ него ступеней реальности, индивидуальностей національныхъ и индивидуальностей личныхъ. И въ царствѣ Божьемъ должно мыслить совершенное и прекрасное существованіе личностей индивидуальностей и націй-индивидуальностей. Всякое бытіе—индивидуально. Отвлеченность же не есть бытіе. Въ отвлеченномъ, отъ всякой конкретной множественности освобожденномъ гуманизмѣ нѣтъ духа бытія, есть пустота. Само человѣчество есть конкретная индивидуальность высшей іерархической степени, соборная личность, а не абстракція, не механическая сумма. Такъ Богъ не есть угашеніе всѣхъ индивидуальныхъ ступеней многообразнаго бытія, но ихъ полнота и совершенство. Множественность индивидуальныхъ ступеней, всю сложную іерархію міра нельзя замѣнить единствомъ высшей ступени, индивидуальностью единаго. Совершенное единство (общенациональное, общечеловѣческое, космическое или божественное) есть высшая и наиболѣе полная форма бытія всей множественности индивидуальныхъ существованій въ мірѣ. Всякая національность есть богатство единаго и братски объединеннаго человѣчества, а не препятствіе на его пути. Национальность есть проблема историческая, а не социальная, проблема конкретной культуры, а не отвлеченной общественности.

Космополитизмъ и философски и жизненно не состоятеленъ, онъ есть лишь абстракція или утопія, примѣненіе отвлеченныхъ категорій къ области, гдѣ все конкретно.

Космополитизмъ не оправдываетъ своего наименованія, въ немъ нѣтъ ничего космическаго, ибо и космосъ, міръ есть конкретная индивидуальность, одна изъ іерархическихъ ступеней. Образъ космоса такъ же отсутствуетъ въ космополитическомъ сознаніи, какъ и образъ націи. Чувствовать себя гражданиномъ вселенной совсѣмъ не означаетъ потери національнаго чувства и національнаго гражданства. Къ космической, вселенской жизни человѣкъ пріобщается черезъ жизнь всѣхъ индивидуальных іерархическихъ ступеней, черезъ жизнь національную. Космополитизмъ есть уродливое и неосуществимое выраженіе мечты объ единомъ, братскомъ и совершенномъ человѣчествѣ, подмѣна конкретно живого человѣчества отвлеченной утопій. Кто не любитъ своего народа и кому не милъ конкретный образъ его, тотъ не можетъ любить и человѣчество, тому не милъ и конкретный образъ человѣчества. Абстракціи плодятъ аботракціи. Ствлеченныя чувства завладѣвають человѣкомъ, и все живое, въ плоти и крови, исчезаетъ изъ поля зрѣнія человѣка. Космополитизмъ есть также отрицаніе и угашеніе цѣнности индивидуальнаго, всякаго образа и обличія. проповѣдь отвлеченнаго человѣка и отвлеченнаго человѣчества.

II.

Человѣкъ входитъ въ человѣчество черезъ національную индивидуальность, какъ національный человѣкъ, а не отвлеченный человѣкъ, какъ русскій, французъ, нѣмецъ или англичанинъ. Человѣкъ не можетъ перескочить черезъ цѣлую ступень бытія, отъ этого онъ обѣднѣлъ бы и опустѣлъ бы. Национальный человѣкъ—больше, а не меньше, чѣмъ просто человѣкъ, въ немъ есть родовыя черты человѣка вообще и еще есть черты индивидуально-національныя. Можно желать братства и единенія русскихъ, французовъ, англичанъ, нѣмцевъ и всѣхъ народовъ земли, но нельзя желать, чтобы съ лица земли исчезли выраженія національныхъ ликовъ, національныхъ духовныхъ типовъ и культуръ. Такая мечта о человѣкѣ и человѣчествѣ, отвлеченныхъ отъ всего національнаго, есть жажда угашенія цѣлаго міра цѣнностей и богатствъ. Культура никогда не была и ни-

когда не будетъ отвлеченно-человѣческой, она всегда конкретно-человѣческая, т.-е. національная, индивидуально-народная и лишь въ такомъ своемъ качествѣ восходящая до общечеловѣчности. Совершенно не національной, отвлеченно-человѣческой, легко транспортируемой отъ народа къ народу является наименѣе творческая, виѣшне техническая сторона культуры. Все творческое въ культурѣ носить на себѣ печать національнаго гевія. Даже великія техническія изобрѣтенія національны и не національны лишь техническія примѣвенія великихъ изобрѣтеній, которыя легко усваиваются всѣми народами. Даже научный гевій, инициативный, создающій методъ,—націоналенъ. Дарвинъ могъ быть только англичаниномъ, а Гельмгольцъ—характерный нѣмецъ. Национальное и общечеловѣческое въ культурѣ не можетъ быть противопоставляемо. Общечеловѣческое значеніе имѣютъ именно вершины національнаго творчества. Въ національномъ гевіи раекрывается, всечеловѣческое черезъ свое индивидуальное онъ проникаетъ въ универсальное. Достоевскій—русскій гевій, національный образъ отпечатлѣнъ на всемъ его творествѣ. Онъ раекрываетъ міру глубины русскаго духа. Но самый русскій изъ русскихъ—онъ и самый всечеловѣческой, самый универсальный изъ русскихъ. Черезъ русскую глубину раекрываетъ онъ глубину всемірную, всечеловѣческую. То же можно сказать и о всякомъ гевіи. Всегда возводитъ онъ національное до общечеловѣческаго значенія. Гёте—универсальный человекъ не въ качествѣ отвлеченнаго человека, а въ качествѣ національнаго человека, нѣмца.

Объединеніе человекства, его развитіе къ всеединству совершается черезъ мучительное, болѣзненное образованіе и борьбу національныхъ индивидуальностей и культуръ. Другого историческаго пути нѣтъ, другой путь есть—отвлеченность, пустота, или чисто индивидуальный уходъ въ глубь духа, въ міръ иной. Судьба націй и национальныхъ культуръ должна свершиться до конца. Принятіе исторіи есть уже принятіе борьбы за національныя индивидуальности, за типы культуры. Культура греческая, культура итальянская въ эпоху возрожденія, культура французская и германская въ эпохи цвѣтенія и есть пути міровой культуры единаго человекства, но всѣ онѣ глу-

боко національны, индивидуально-своеобразны. Всѣ великія національныя культуры—всечеловѣчны по своему значенію. Нивелирующая цивилизація уродлива. Культура воляпка не можетъ имѣть никакого значенія, въ ней нѣтъ ничего вселенскаго. Весь міровой путь бытія есть сложное взаимодействіе разныхъ ступеней міровой іерархіи индивидуальностей, творческое востаніе одной іерархіи въ другую, личности въ націю, націи въ человечество, человечества въ космосъ, космоса въ Бога. Можно и должно мыслить исчезновеніе классовъ и принудительныхъ государствъ въ совершенномъ человечествѣ, но невозможно мыслить исчезновеніе національностей. Нація есть динамическая субстанція, а не переходящая историческая функція, она корнями своими встаетъ въ таинственную глубину жизни. Национальность есть положительное обогащеніе бытія и за нее должно бороться, какъ за цѣнность. Национальное единство глубже единства классовъ, партій и всѣхъ другихъ переходящихъ историческихъ образованій въ жизни народовъ. Каждый народъ борется за свою культуру и за высшую жизнь въ атмосферѣ национальной круговой поруки. И великій самообманъ—желать творить помимо національности. Даже толстовское непротивленіе, убѣгающее отъ всего, что связано съ національностью, оказывается глубоко національнымъ, русскимъ. Уходъ изъ национальной жизни, странничество—чисто русское явленіе, запечатлѣнное русскимъ національнымъ духомъ. Даже формальное отрицаніе національности можетъ быть національнымъ. Национальное творчество не означаетъ сознательно-нарочитаго національничанья, оно свободно и стихійно національно.

III.

Всѣ попытки рациональнаго опредѣленія національности ведутъ къ неудачамъ. Природа національности неопредѣлима ни по какимъ рационально-уловимымъ признакамъ. Ни раса, ни территория, ни языкъ, ни религія не являются признаками, опредѣляющими национальность, хотя всѣ они

играютъ ту или иную роль въ ея опредѣленіи. Национальность—оложное историческое образованіе, она формируется въ результатѣ кровнаго смѣшенія расъ и племень, многихъ перераспределеній земель, съ которыми она связываетъ свою судьбу, и духовно-культурнаго процесса, созидающаго ея неповторимый духовный лѣкъ. И въ результатѣ всѣхъ историческихъ и психологическихъ изслѣдованій остается неразложимый и неуловимый остатокъ, въ которомъ и заключена вся тайна національной индивидуальности. Национальность—таинственна, мистична, ирраціональна, какъ и всякое индивидуальное бытіе. Нужно быть въ національности, участвовать въ ея творческомъ жизненномъ процессѣ, чтобы до конца знать ея тайну. Тайна національности хранится за всей зыбкостью историческихъ стихій, за всѣми переменами судьбы, за всѣми движеніями, разрушающими прошлое и создающими небывшее. Душа Франціи средневѣковья и Франціи XX вѣка—одна и та же національная душа, хотя въ исторіи измѣнилось все до неузнаваемости.

Творчество національныхъ культуръ и тиновъ жизни не терпитъ вѣщчей, принудительной регламентации, оно не есть исполненіе навязаннаго закона, оно свободно, въ немъ есть творческій произволъ. Законническій, официальный вѣщще навязанный націонализмъ, только стѣсняетъ національное призваніе и отрицаетъ ирраціональную тайну національнаго бытія. Законничество націонализма и законничество гуманизма одинаково угнетаетъ творческій порывъ, одинаково враждебно пониманію національнаго бытія, какъ задачи творческой. Существуетъ ветхозавѣтный націонализмъ. Ветхозавѣтный, охраняющій націонализмъ очень бѣится того, что называютъ «европеизаціей» Россіи. Держатся за тѣ черты національнаго быта, которыя связаны съ исторической отсталостью Россіи. Боятся, что европейская техника, машина, развитіе промышленности, новыя формы общественности, формально схожія съ европейскими, могутъ убить своеобразіе русскаго духа, обезличить Россію. Но это—трусливый и маловѣрный націонализмъ, это—невѣріе въ силу русскаго духа, въ несокрушимость национальной силы, это—материализмъ, ставящій наше духовное бытіе въ рабскую зависимость отъ злѣшнихъ матеріальныхъ условій жизни. То, что воспринимается, какъ «европеиза-

ція» Россіи, совѣзмъ не означаетъ денационализаціи Россіи. Германія была экономически и политически отсталой страной по сравненію съ Франціей и Англіей, была востокомъ по сравненію съ западомъ. Но пробилъ часъ, когда она приняла эту болѣе передовую западную цивилизацію. Стала ли она отъ этого менѣе національной, утратила ли свой самобытный духъ? Конечно, нѣтъ. Машина, сама по себѣ механически безобразная и безобразная, интернациональная, особенно привилась въ Германіи и стала орудіемъ національной воли. То, что есть злого и наоильническаго въ германской машинѣ, очень національное, очень германское. Въ Россіи машина можетъ сыграть совѣзмъ иную роль, можетъ стать орудіемъ русскаго духа. Такъ и во всемъ. То, что называется европейской или интернациональной цивилизаціей, есть въ сущности фантомъ. Ростъ и развитіе всякаго національнаго бытія не есть переходъ его отъ національнаго своеобразія къ какой-то интернациональной европейской цивилизаціи, которой совѣзмъ и не существуетъ. Нивелирующій европеизмъ, международная цивилизація—чистѣйшая абстракція, въ которой не заключено ни единой капли конкретнаго бытія. Всѣ народы, всѣ страны проходятъ извѣстную стадію развитія и роста, они вооружаются орудіями техники научной и соціальной, въ которой самой по себѣ нѣтъ ничего индивидуальнаго и національнаго, ибо въ концѣ-концовъ индивидуальность и национальность лишь духъ жизни. Но этотъ процессъ роста и развитія не есть движеніе въ сторону, къ какой-то «интернациональной Европѣ», которой нигдѣ на западѣ нельзя найти, это—движеніе вверхъ, движеніе всечеловѣческое въ своей національной особености. Есть только одинъ историческій путь къ достиженію высшей всечеловѣчности, къ единству человѣчества—путь національнаго роста и развитія, національнаго творчества. Всечеловѣчество раскрываетъ себя лишь подъ видами національностей. Денационализація, проникнутая идеей интернациональной Европы, интернациональной цивилизаціи, интернациональнаго человѣчества есть чистѣйшая пустота, небытіе. Ни одинъ народъ не можетъ развиваться въ бокъ, въ сторону, вростать въ чужой путь и чужой ростъ. Между моею національніостью и моимъ человѣчествомъ не лежитъ никакой «интернацио-

нальной Европы», «интернациональной цивилизации». Творческий национальный путь и есть путь къ всечеловѣчеству, есть раскрытіе всечеловѣчества въ моей национальности, какъ она раскрывается во всякой национальности.

IV.

То, что обычно называютъ «европеизаціей» Россіи, неизбежно и благостно. Много есть тяжелаго и болѣзненнаго въ этомъ процессѣ, такъ какъ не легко переходъ отъ старой цѣльности черезъ расщепленіе и разложеніе всего органическаго къ новой, небывшей еще жизни. Но менѣе всего процессъ «европеизаціи» означаетъ, что мы станемъ похожими на яѣмцевъ и англичанъ или французовъ. Совершенно лишено всякаго смысла противоположеніе общечеловѣческой ориентировки жизни ориентировкѣ національной. Призывъ забыть о Россіи и національномъ и служить человѣчеству, вдохновляться лишь общечеловѣческимъ ничего не значить, это—пустой призывъ. Реальность всечеловѣчества зависитъ отъ реальности Россіи и другихъ національностей. Россія—великая реальность и она входитъ въ другую реальность, именуемую человѣчествомъ, и обогащаетъ ее, наполняетъ ее своими цѣнностями и богатствами. Космополигическое отрицаніе Россіи во имя человѣчества есть ограбленіе человѣчества. Россія—бытіеиственный фактъ, черезъ который всѣ мы пребываемъ въ человѣчествѣ. И Россія должна быть возведена до общечеловѣческаго значенія. Россія—творческая задача, поставленная передъ всечеловѣчествомъ, цѣнность, обогащающая мировую жизнь. Человѣчество и міръ ждуть луча свѣта отъ Россіи, ея слова, ея неповторимаго дѣла. Всечеловѣчество имѣетъ великую нужду въ Россіи. Для всечеловѣчества должно быть отвратительно превращеніе русскаго человѣка въ интернациональнаго, космополитическаго человѣка. Для всечеловѣчества необходимо возведеніе русскаго человѣка до всечеловѣческаго значенія, а не превращеніе его въ отвлеченнаго, пустаго человѣка. Всечеловѣчвость не имѣетъ ничего общаго съ интернационализмомъ, всечеловѣчность есть высшая полнота всего національнаго. И мы должны творить кон-

кретную русскую жизнь, ни на что не похожую, а не отвлеченныя социальныя и моральныя категоріи. Вся жизнь наша должна быть ориентирована на конкретныхъ идеяхъ націи и личности, а не на абстрактныхъ идеяхъ класса и человѣчества. Судьба Россіи безконечно дороже судьбы классовъ и партій, доктринъ и учений. Зоологическое національное чувство и инстинктъ, которыя такъ пугаютъ гуманистовъ космополитовъ, есть элементарное и темное еще стихійное состояніе, которое должно быть преобразовано въ творческое національное чувство и инстинктъ. Безъ изначальной и стихійной любви къ Россіи не возможенъ никакой творческой исторической путь. Любовь наша къ Россіи, какъ и всякая любовь,—произвольна, она не есть любовь за качества и достоинства, но любовь эта должна быть источникомъ творческаго созиданія качествъ и достоинствъ Россіи. Любовь къ своему народу должна быть творческой любовью, творческимъ инстинктомъ. И менѣе всего она означаетъ вражду и ненависть къ другимъ народамъ. Путь къ всечеловѣчеству для каждого изъ насъ лежитъ черезъ Россію. И по-истинѣ всякая денационализація отдѣляетъ насъ отъ всечеловѣчества. Ликъ Россіи будетъ запечатлѣнъ въ самомъ небесномъ человѣчествѣ. Въ единомъ человѣчествѣ могутъ соединяться лишь индивидуальности, а не пустыя отвлеченности. Истина о положительной связи національности и человѣчества можетъ быть выражена и съ другой, противоположной стороны. Если недопустимо противоположеніе идеи человѣчества идеѣ національности, то недопустимо и обратное противоположеніе. Нельзя быть врагомъ единства человѣчества во имя національности въ качествѣ националиста. Такое обращеніе національности противъ человѣчества есть объединеніе національности и ея гибель. Такого рода ложный, отщепенскій национализмъ долженъ раздѣлить судьбу пустого интернационализма. Творческое утвержденіе національности и есть утвержденіе человѣчества. Национальность и человѣчество—одно.

Націоналізмъ и мессіанізмъ.

I.

Націоналізмъ и мессіанізмъ соприкасаются и смѣшиваются. Націоналізмъ въ своемъ положительномъ утвержденіи, въ моменты исключительнаго духовнаго подъема переливается въ мессіанізмъ. Такъ въ Германіи въ началѣ XIX вѣка духовный національный подъемъ у Фихте переступилъ свои границы и превратился въ германскій мессіанізмъ. И націоналізмъ славянофиловъ незамѣтно переходилъ въ мессіанізмъ. Но націоналізмъ и мессіанізмъ глубоко противоположны по своей природѣ, по своему происхожденію и задачамъ. Противоположность націоналистическихъ и мессіанскихъ стремленій всегда очень чувствовалась въ Россіи. Трудно было бы открыть мессіанскую идею въ націоналізмѣ «Новаго Времени» или нашвхъ думскихъ націоналистовъ. Такого рода націоналістамъ всякій мессіанізмъ со своимъ безуміемъ и жертвенностью долженъ представляться не только враждебнымъ, но и опаснымъ. Націоналісты—трезвые, практическіе люди, хорошо устранивающиеся на землѣ. Націоналізмъ можетъ быть укрѣпленъ на самой позитивной почвѣ и обосновать его можно біологически. Мессіанізмъ же мыслимъ лишь на религіозной почвѣ, и обосновать его можно лишь мистически. Возможно существованіе многихъ націоналізмовъ. Націоналізмъ въ идеѣ не претендуетъ на универсальность, единственность и исключительность, хотя на практикѣ легко можетъ дойти до отрицанія и истребленія другихъ національностей. Но по природѣ своей націоналізмъ партикуляренъ, онъ всегда частный, сами его отрицанія и истребленія также мало претендуютъ на вселенскость, какъ біологическая борьба индивидуальностей въ мірѣ животномъ. Мессіанізмъ не терпитъ сосуществованія, онъ—единственный, всегда всемогущій по своему притязанію. Но мессіанізмъ никогда не

отрицаетъ и биологически не истребляетъ другія національности, онъ ихъ спасаетъ, подчиняетъ своей вселенской идеѣ.

Религіозные корни мессіанизма—въ мессіанскомъ сознаніи еврейскаго народа, въ его сознаніи себя избраннымъ народомъ Божиимъ, въ которомъ долженъ родиться Мессія, Избавитель отъ всѣхъ золъ, создающій блаженное царство Израиля. Древне-еврейскій мессіаниззмъ—исключительный, прикованный къ одной національности и извергающій всѣ другія національности. Въ еврейскомъ мессіанизмѣ нѣтъ еще идеи всечеловѣчности. Для христіанства уже нѣтъ различія между эллиномъ и іудеемъ. Еврейскій мессіаниззмъ не возможенъ въ христіанскомъ мірѣ. Съ явленіемъ Христа-Мессіи религіозная миссія еврейскаго народа кончилась и кончился еврейскій мессіаниззмъ. Въ мірѣ христіанскомъ не допустима уже яростная религіозно-національная ненависть. Она возможна лишь какъ фактъ биологическій, а не фактъ религіозный. Царство Израиля въ христіанскомъ мірѣ есть царство всечеловѣческое. Христіанство ни мало не отрицаетъ расъ и національностей, какъ природныхъ, духовно-биологическихъ индивидуальностей. Но христіанство есть религія спасенія и избавленія всего человѣчества и всего міра, Христось пришелъ для всѣхъ и для вся. И хотя не возможенъ въ христіанскомъ человѣчествѣ исключительный національный мессіаниззмъ, отрицающій саму идею человѣчества, мессіаниззмъ ветхозавѣтный, но возможенъ преображенный новозавѣтный мессіаниззмъ, исходящій отъ явленія Мессіи всему человѣчеству и всему міру. Въ христіанскомъ человѣчествѣ мессіанское сознаніе можетъ быть обращено лишь впередъ, лишь къ Христу Грядущему, ибо по существу это сознаніе—пророческое. И чисто религіозный, чисто христіанскій мессіаниззмъ всегда приобретаетъ апокалиптическую окраску. Христіанскій народъ можетъ сознать себя народомъ богоноснымъ, христіанскимъ, народомъ-Мессіей среди народовъ, можетъ ощутить свое особое религіозное призваніе для разрѣшенія судебъ міровой исторіи, ни мало не отрицая этимъ другіе христіанскіе народы. Мессіаниззмъ русскій, если выдѣлить въ немъ стяхію чисто мессіанскую, — по преимуществу апокалиптической, обращенный къ явленію Христа Грядущаго и его антипода—антихриста. Это было въ нашемъ расколѣ, въ мистиче-

окомъ сектантствѣ и у такого русскаго національнаго генія, какъ Достоевскій, и этимъ окрашены наши религіозно-философскія исканія. Мессіанское сознаніе въ христіанскомъ мірѣ ангинично, какъ и все въ христіанствѣ. Въ духовномъ складѣ русскаго народа есть черты, которыя дѣлають его народомъ апокалиптическимъ въ высшихъ проявленіяхъ его духовной жизни. Апокалиптичностью запечатлѣвъ и мессіанизмъ польскій, и это обнаруживаетъ духовную природу славянской расы. Но мессіанская идея можетъ оторваться отъ своей религіозно-христіанской почвы и переживаться народами, какъ исключительное духовно-культурное призваніе. Такъ германскій мессіанизмъ по преимуществу расовый, съ сильно біологической окраской. Германскій народъ на своихъ духовныхъ вершинахъ сознаетъ себя не носителемъ Христова Духа, а носителемъ высшей и единственной духовной культуры. Германская раса—избранная высшая раса. Апокалиптическая настроенность совершенно чужда германскому духу, ея не было и въ старой германской мистикѣ. Въ этомъ—основное отличіе славянъ отъ германцевъ. Но германское сознаніе у Фихте, у старыхъ идеалистовъ и романтиковъ, у Р. Вагнера, и въ наше время у Дрекса и Чемберлена съ такой исключительностью и напряженностью переживаетъ избранность германской расы и ея призванность быть носительницей высшей и всемірной духовной культуры, что это заключаетъ въ себѣ черты мессіанизма, хотя и искаженнаго. Дрексъ считаетъ возможнымъ даже говорить о созданіи германской религіи, религіи германизма, чисто арійской, но не христіанской и антихристіанской.

II.

Въ XIX и XX вѣкѣ мессіанскія и націоналистическія переживанія переплетаются, смѣшиваются и незамѣтно переходятъ другъ въ друга. Нужно помнить, что націонализмъ—явленіе новое, онъ развился лишь въ XIX вѣкѣ, онъ пришелъ на смѣну средневѣковому и древне-римскому универсализму. Национализмъ, дошедшій въ своихъ притязаніяхъ до отрицанія другихъ національныхъ душъ и тѣлъ, до невозможности всякаго положительнаго общенія съ ними,

есть эгоистическое самоутверждение, ограниченная замкнутость. Почва его — элементарно-биологическая. И чѣмъ болѣе такой націонализмъ претендуетъ на безграничность, тѣмъ онъ становится ограниченнѣе. Безграничная притязательность націонализма дѣлаетъ его отрицательнымъ, утѣсняющимъ, отдѣляетъ его отъ универсализма, лишаетъ его творческаго духа. Таковъ націонализмъ Каткова или Данилевскаго. Національный организмъ, всегда представляющій собой бытіе партикуляристическое, а не универсальное, не вмѣщаетъ въ себѣ вселенскаго, всечеловѣческаго духа, но имѣетъ претензію быть всѣмъ и все поглощать. Всякое смѣшеніе націонализма съ мессіанизмомъ, всякое выдаваніе націонализма за мессіанизмъ порождается темнотой сознанія и несетъ въ міръ зло. Подмѣны всегда бываютъ злонастны. И необходимы строгія различенія. Ибо частное не должно выдавать себя за всеобщее. Націонализмъ есть положительное благо и цѣнность, какъ творческое утверждение, раскрытіе и развитіе индивидуальнаго народнаго бытія. Но въ этомъ индивидуальномъ образѣ народномъ должно изнутри раскрываться всечеловѣчество. Пагубно, когда національность въ безграничномъ самовѣннн и корыстномъ самоутвержденіи мнитъ себя вселенной и никого и ничего не допускаетъ рядомъ съ собой. Таково направленіе германскаго націонализма. Но плодоносно, когда національность творческими усилиями раскрываетъ въ себѣ вселенское, не обезличивая своего индивидуальво-неповторяемаго образа, но вознося его до значенія всечеловѣческаго. Національвость не можетъ претевдовать на исключительность и универсальность, она допускаетъ другія національныя индивидуальности и вступаетъ съ ними въ общеніе. Національность входитъ въ іерархію ступеней бытія и должна занимать свое опредѣленное мѣсто, она іерархически соподчинена человѣчеству и космосу. И необходимо строго различать націонализмъ и мессіанизмъ.

Мессіанизмъ принадлежитъ къ совершенно другому духовному порядку. Мессіанизмъ относится къ націонализму, какъ второе рожденіе мистиковъ относится къ первому природному рожденію. Національное бытіе есть природное бытіе, за которое необходимо бороться, которое необходимо раскрывать и развивать. Но мессіанское призваніе лежитъ

уже видъ линіи природнаго процесса развитія, это—блескъ молніи съ неба, божественный огонь въ которомъ сгораетъ всякое земное устроеніе. Благоразумнаго мессіанизма, хорошо устраивающаго земныя дѣла, быть не можетъ. Въ мессіанскомъ сознаніи всегда есть изступленное обращеніе къ чудесному, къ катастрофическому разрыву въ природномъ порядкѣ къ абсолютному и конечному. Націонализмъ же есть пребываніе въ природно-относительномъ, въ историческомъ развитіи. Націонализмъ и мессіанизмъ ни мало не отрицаютъ другъ друга, такъ какъ находятся въ разныхъ порядкахъ. Націонализмъ можетъ лишь утверждать и развивать то природно-историческое народное бытіе, въ глубинѣ котораго можетъ загорѣться мессіанская идея, какъ молнія, сходящая съ духовнаго неба. Но невозможно допустить подмѣны мессіанизма націонализмомъ, выдаванія явленія этого міра за явленіе міра иного. Очистительная и творческая національная работа можетъ лишь уготовлять вмѣстилище для мессіанской идеи. Но сама мессіанская идея идетъ изъ иного міра, и стихія ея—стихія огня, а не земли.

III

Внутри самого мессіанскаго сознанія происходитъ смѣшеніе мессіанизма христіанскаго съ мессіанизмомъ еврейскимъ. И если пагубна подмѣна мессіанизма націонализмомъ, универсализма—партикуляризмомъ, то не менѣе пагубна подмѣна христіанскаго мессіанизма—еврейскимъ. Еврейскій мессіанизмъ навѣки невозможенъ послѣ Христа. Внутри самого еврейства роль его стала отрицательной, ибо можетъ быть лишь ожиданіемъ новаго Мессіи, противоположнаго Христу, который и утвердитъ царство и блаженство Израиля на землѣ. Но еврейскій мессіанизмъ проникаетъ въ христіанскій міръ и тамъ подмѣняетъ онъ служеніе притязаніемъ, жертвенность—жаждой привилегированнаго земнаго благополучія. Но христіанское мессіанское сознаніе народа можетъ быть исключительно жертвеннымъ сознаніемъ, сознаніемъ призванности народа послужить міру и всѣмъ народамъ міра, дѣлу ихъ избавленія отъ зла и страданія. Мессія по мистической природѣ своей—жертвець, и народъ Мессіи можетъ быть лишь жер-

твеннымъ народомъ. Мессіанское ожиданіе есть ожиданіе избавленіе черезъ жертву. Еврейскій же хиліазмъ, который ждетъ блаженства на землѣ безъ жертвы, безъ Голгофы, глубоко противоположенъ христіанской мессіанской идеѣ. И ожиданіе Христа Грядущаго предполагаетъ прохожденіе черезъ Голгофу, принятіе Христа Распятаго и героической, творческой путь въ высъ. У польскихъ мессіанистовъ, у Мицкевича, Товянскаго, Цѣшковскаго, было очень чистое жертвенное сознаніе, оно загоралось въ сердцѣ народномъ отъ великихъ страданій. Но слишкомъ скоро жертвенный мессіанизмъ въ Польшѣ замѣнился крайнимъ націонализмомъ. Мессіанское сознаніе народа можетъ быть лишь плодомъ великихъ народныхъ страданій. И мессіанская идея, заложенная въ сердцѣ русскаго народа, была плодомъ страдальческой судьбы русскаго народа, его взысканій Града Грядущаго. Но въ русскомъ сознаніи произошло смѣшеніе христіанскаго мессіанизма съ мессіанизмомъ еврейскимъ и съ преступившимъ свои предѣлы націонализмомъ. У насъ не было здороваго національнаго сознанія и національнаго чувства, всегда былъ какой-то надрывъ, всегда эксцессы самоутвержденія или самоотрицанія. Нашъ націонализмъ слишкомъ часто претендовалъ быть мессіанизмомъ древне еврейскаго типа, яростнаго, исключительнаго и притязательнаго. Обратной же стороной его было полное отрицаніе національности, отвлеченный и утопическій интернационализмъ.

Необходимо внутри нашего національнаго самосознанія произвести расчлененія и очищенія. Национализмъ утверждаетъ духовно-біологическую основу индивидуально-историческаго бытія народовъ, внѣ которой невозможно выполненіе никакихъ миссій. Народъ долженъ *быть*, долженъ хранить свой образъ, долженъ развивать свою энергію, долженъ имѣть возможность творить свои цѣнности. Но самый чистый, самый положительный націонализмъ не есть еще мессіанизмъ. Мессіанская идея—вселенская идея. Она опредѣляется силой жертвеннаго духа народа, его исключительной вдохновенностью царствомъ не отъ міра сего, она не можетъ притязать на внѣшнюю власть надъ міромъ и не можетъ претендовать на то, чтобы даровать народу земное блаженство. И я думаю, что въ Россіи, въ русскомъ

народъ есть и исключительный, нарушившій свои границы націонализмъ, и яростный исключительный еврейскій мессіаниззмъ, но есть и истинно христіанскій, жертвенный мессіаниззмъ. Образъ Россіи двоятъся, въ немъ смѣшаны величайшія противоположности. Крайнее утвержденіе націонализма у насъ нерѣдко соединяется съ отрицаемъ русскаго мессіанизма, съ абсолютнымъ непониманіемъ мессіанской идеи и отвращеніемъ отъ нея... Национализмъ можетъ быть чистымъ западничествомъ, еврпеизаціей Россіи, явленіемъ партикуляристическимъ по своему духу, не вмѣщающимъ никакой великой идеи о Россіи, не вѣдующимъ Россіи, какъ нѣкоего великаго Востока. И, наоборотъ, полное отрицаніе націонализма, можетъ быть явленіемъ глубоко русскимъ, невѣдомымъ западному міру, вдохновеннымъ вселенской идеей о Россіи, ея жертвеннымъ мессіанскимъ призваніемъ. Мессіаниззмъ, переходящій въ отрицаніе всякаго націонализма, хочетъ, чтобы русскій народъ жертвенно отдалъ себя на служеніе дѣлу избавленія всѣхъ народовъ, чтобы русскій человѣкъ явиль собой образъ всечеловѣка. Русской душѣ свойственно религіозное, а не «антернаціональное» отрицаніе націонализма. И это явленіе—русское, характерно-національное, за нимъ стоитъ обликъ всечеловѣка, который рѣшительно нужно отличать отъ облика космополита.

IV.

Но русской душѣ не достааетъ мужественнаго сознанія, она не сознаетъ, не освѣщаетъ своей собственной стихіи, она многое смѣшиваетъ. Русскій апокалипсисъ переживается пассивно, какъ пронизанность русской души мистическими токами, какъ вибрированіе ея тончайшихъ тканей. Эта пассивная, рецептивная, женственная апокалиптичность русской души должна быть соединена съ мужественнымъ, активнымъ, творческимъ духомъ. Россіи необходимо мужественное національное сознаніе. Необходима творческая работа мысли, которая произведетъ расчлененія, прілетъ свѣтъ на русскую тьму. Въ народной русской жизни апокалиптическія переживанія, погружавшія въ тьму доводили до самосожженія и до истребленія всякаго бытія. Этотъ уклонъ всегда есть въ русской жаядѣ абсолютнаго,

въ русокомъ отрицаніи всего относительнаго, всего историческаго. Также погружено въ тьму сознание русской революціонной интеллигенціи, такъ часто отрицавшей національность и Россію, и очень національной, очень русской по своей стихіи. Русская стихія остается темной, не оформленной мужественнымъ сознаниемъ. Русская душа нерѣдко переживаетъ безсознательный, темный мессіаниззмъ. Это было у Бакунина, посвоему исповѣдовавшаго славянскій мессіаниззмъ. Это было у нѣкоторыхъ русскихъ анархистовъ и революціонеровъ, вѣровавшихъ въ міровой пожаръ, изъ котораго чудесно родится новая жизнь, и въ русокомъ народѣ видѣвшихъ того Мессію, который зажжетъ этотъ пожаръ и принесетъ міру эту новую жизнь. У нашихъ націоналистовъ официальной марки, какъ старой формации, такъ и новѣйшей западной формации, ужъ во всякомъ случаѣ меньше русскаго мессіанскаго духа, чѣмъ у иныхъ сектантовъ или иныхъ анархистовъ, людей темныхъ по своему сознанию, по истинно русскимъ по своей стихіи. Въ самыхъ причудливыхъ и разнообразныхъ формахъ русская душа выражаетъ свою завѣтную идею о міровомъ избавленіи отъ зла и горя, о парженіи новой жизни для всего человѣчества. Идеей этой, истиннѣ мессіанской идеей, одинаково одержимы Бакунинъ и Н. Э. Федоровъ, русскій социалистъ и Достоевскій, русскій сектантъ и Вл. Соловьевъ. Но это русское мессіанское сознание не провизано свѣтомъ сознанія, не оформлено мужественной волей. Мы должны сознать, что русскій мессіаниззмъ не можетъ быть претензіей и самоутвержденіемъ, онъ можетъ быть лишь жертвеннымъ горѣніемъ духа, лишь великимъ духовнымъ порывомъ къ новой жизни для всего міра. Мессіаниззмъ не означаетъ, что мы лучше другихъ и на большее можемъ притязать, а означаетъ, что мы больше должны сдѣлать и отъ большого способны отречься. Но всякому мессіанскому служенію должна предшествовать положительная національная работа, духовное и матеріальное очищеніе, укрѣпленіе и развитіе нашего національнаго бытія. Мессіаниззмъ не можетъ быть программой, программа должна быть творчески-национальной. Мессіаниззмъ же есть эзотерическая глубина чистаго, здороваго и положительнаго націонализма, есть безумный духовно-творческій порывъ.

Націоналізмъ и імперіалізмъ.

I.

Проблема націоналізма и проблема імперіалізма очень обострены міровой борьбой народовъ. Въ области мысли однимъ изъ плодовъ нынѣшней войны будетъ философія націоналізма и философія імперіалізма. Но работа сознанія въ этомъ направленіи должна быть плодотворной и для практическихъ задачъ, для всего направленія нашей міровой и внутренней политики. Нашъ націоналізмъ доннѣ находился на очень низкомъ уровнѣ сознанія. Національные волевые импульсы не были у насъ просвѣтлены. И русскій імперіалізмъ, какъ всеміряно-историческій фактъ, не былъ еще достаточно осознанъ и не былъ сопоставленъ съ такъ называемой націоналистической политикой. Въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи этими проблемами мало интересовались и даже считали ихъ нѣсколько «реакціонными». Лишь война побудила національное чувство и стихійно принудила къ выработкѣ національнаго сознанія. На свободѣ, безъ крайней необходимости, мы были въ этомъ отношеніи очень безпечны.

Міровую войну можно разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія. Въ одномъ изъ своихъ аспектовъ міровая война должна быть признана неотвратимымъ и роковымъ моментомъ въ развитіи и діалектикѣ імперіалізма. Она есть результатъ столкновенія імперіалистическихъ воль къ міровому могуществу и міровому преобладанію. Существованіе нѣсколькихъ міровыхъ претензій не можетъ не породить міровой войны. Міровыя же імперіалистическія претензій Германія слишкомъ поздно явились въ исторіи, когда земной шаръ былъ уже въ значительной степени разобранъ, когда Англія стала уже величайшей морской

державой, а Россія — величайшей сухопутной державой. Но мировая война связана не только съ обостреніемъ имперіалистической политики великихъ державъ, — она также очень остро ставитъ вопросъ о судьбѣ всѣхъ національной, вплоть до самыхъ малыхъ. Всѣ національные организмы хотятъ устроиться въ мірѣ, хотятъ войти въ свои естественныя границы. Война жалуетъ и истребляетъ слабыя національности и выѣтъ съ тѣмъ она пробуждаетъ въ нихъ волю къ автономному существованію. Огромные имперіалистическіе организмы расширяются и стремятся къ образованію мірового царства. И параллельно этому самые маленькіе національные организмы стремятся къ самостоятельности, возлагаясь на покровительство великихъ державъ. Имперіализмъ и націонализмъ — разныя начала, за ними скрыты разныя мотивы и ихъ слѣдуетъ ясно различать.

Въ исторіи новаго человѣчества происходитъ двойственный процессъ — процессъ универсализаціи и процессъ индивидуализаціи, объединенія въ большія тѣла и дифференціаціи на малыя тѣла. Национализмъ есть начало индивидуализаціи, имперіализмъ — начало универсализаціи. Въ то время, какъ націонализмъ склоненъ къ обособленію, имперіализмъ хочетъ выхода въ мировую мирь. Эти начала разнокачественны, но не исключаютъ другъ друга, они сосуществуютъ. Имперіализмъ по природѣ своей выходитъ за предѣлы замкнутого національнаго существованія, имперіалистическая воля есть всегда воля къ мировому существованію. Черезъ борьбу, черезъ раздоръ имперіализмъ все же способствуетъ объединенію человѣчества. Имперіалистическая воля пролила много крови въ человѣческой исторіи, но за ней скрыта была идея мірового единства человѣчества, преодолѣвающей всякую національную обособленность, всякій провинциализмъ. Въ древности римская имперія не была уже національностью, она стремилась быть вселенной. Идея всемірной имперіи проходитъ черезъ всю исторію и доходитъ до XX вѣка, когда она теряетъ свой священный характеръ (священная римская имперія) и-приобрѣтаетъ основу въ значительной степени торгово-промышленную. Экономизмъ нашего вѣка наложилъ свою печать и на идею міровой имперіи. Англія явила собой первый могущественный образецъ новаго имперіализма. И

нужно сказать, что въ имперіалистической политикѣ великая удача выпала на ея долю и безкровно сдѣлала ея владычицей морей и океановъ. Всѣ великія державы стремятся къ имперіалистическому расширенію и ведутъ имперіалистическую политику. Это—рокъ всякой великодержавности. Къ тому времени, когда возгорѣлась небывалая за всю исторію міровая война, выяснилось, что есть три величайшія державы, которыя могутъ претендовать на міровое преобладаніе, — Англія, Россія и Германія. Сосуществованіе этихъ трехъ міровыхъ имперіалистическихъ воль невозможно. Неизбѣжно столкновеніе и выборъ. И очень наивна та философія исторіи, которая вѣритъ, что можно предвратить движеніе по этому пути міровой имперіалистической борьбы, которая хочетъ видѣть въ немъ не трагическую судьбу всего человѣчества, а лишь злую волю тѣхъ или иныхъ классовъ, тѣхъ или иныхъ правительствъ.

II.

Проблему имперіализма нельзя ставить на субъективно-моралистическую почву нашего сочувствія или несочувствія имперіалистической политикѣ. Можно совсѣмъ не имѣть имперіалистическаго паэоса и даже съ отвращеніемъ относиться ко многимъ непригляднымъ сторонамъ имперіалистической политики и все же признавать объективную неизбѣжность и объективный смыслъ имперіализма. Можно съ негодованіемъ относиться къ нѣкоторымъ сторонамъ колониальной политики и все же признавать, что она способствуетъ міровому объединенію культуры. Имперіализмъ раздѣляетъ и порождаетъ міровую войну. Но онъ же объединяетъ человѣчество, приводитъ его къ единству. Образование большихъ имперіалистическихъ тѣлъ совершенно неизбѣжно, черезъ него должно пройти человѣчество. Это одна изъ неотвратимыхъ тенденцій историческаго процесса. Человѣчество идетъ къ единству черезъ борьбу, распрю и войну. Это—печально, это можетъ вызывать наше негодованіе, это—показатель большой тьмы, въ которую погружены самые корни человѣческой жизни, но это такъ. Гуманитарный пацифизмъ провозглашаетъ превосходныя нравственныя истины, но онъ не угадываетъ путей, кото-

рыми совершается историческая судьба человечества. Судьба эта совершается через очень трагическія противорѣчія, не прямыми, нравственно ясными путями. Историческіе пути человечества, исполненные противорѣчій, заключаютъ въ себѣ большія опасности, возможности срыва внизъ и отбрасыванія назадъ, къ инстинктамъ звѣринымъ, но ихъ нужно мужественно пройти, охраняя высшій образъ человѣка. Объективный смыслъ имперіализма глубже и шире того, что на поверхности называютъ импералистической политикой. Имперіализмъ, какъ бы ни были часто низменны его мотивы и дурны его приемы, все же выводитъ за грани замкнутаго національнаго существованія, онъ выводитъ за границы Европы въ мировую ширь, за моря и океаны, объединяетъ Востокъ и Западъ. Паеосъ всемірности живетъ и въ торгово-промышленномъ имперіализмѣ.

Но имперіализмъ съ его мировыми притязаніями вовсе не означаетъ непременно угнетенія и истребленія малыхъ національностей. Имперіализмъ не есть непременно разбуханіе одной какой-нибудь національности, истребляющей всякую другую національность. Типъ германскаго имперіализма не есть единственный типъ имперіализма. Есть даже большія основанія думать, что Германія не имѣетъ импералистическаго призванія и что имперіализмъ ея есть лишь зазнавшійся свыше всякой мѣры націонализмъ. Характерно, что величайшій государственный человѣкъ Германіи—Бисмаркъ былъ еще лишенъ импералистическаго сознанія и политика его была лишь національной. Слишкомъ зазнавшійся и слишкомъ разбухшій націонализмъ несетъ съ собой угнетеніе всѣмъ національнымъ индивидуальностямъ. Национализмъ долженъ знать свои границы. За этими границами начинается уже не націонализмъ, а имперіализмъ. Это сознала Англія. Тутъ мы подходимъ къ очень важному для Россіи вопросу о соотношеніи имперіализма и націонализма. Россія—величайшая въ мірѣ сухопутная имперія, цѣлый огромный міръ, объемлющій безконечное многообразіе, великій Востоко-Западъ, превышающій ограниченное понятіе индивидуальности. И насколько передъ Россіей стоятъ мировыя импералистическія задачи, онѣ превышаютъ задачи чисто національныя. Такъ было въ древности въ римской имперіи, такъ въ новое

время стоитъ вопросъ въ имперіи Великобританской. Великая имперія должна быть великой объединительницей, ея универсализмъ долженъ одаряюще обнимать каждую индивидуальность. Всякая великая имперія, исторически жизнепригодная, должна имѣть пребывающее національное ядро, изъ котораго и вокругъ котораго совершается ея всемірно-историческая работа. Великорусское племя и составляетъ такое ядро русскаго имперіализма, оно создало огромную Россію. Россійская имперія заключаетъ въ себѣ очень сложный національный составъ, она объединяетъ множество народностей. Но она не можетъ быть разсматриваема, какъ механическая смѣсь народностей,—она русская по своей основѣ и задачѣ въ мірѣ. Россія есть нѣкій организмъ въ мірѣ, имѣющій свое специфическое призваніе, свой единственный ликъ.

III.

Русскій имперіализмъ, которому такъ много естественно дано, не походитъ на имперіализмъ аяглійскій или германскій, онъ совсѣмъ особенный, болѣе противорѣчивый по своей природѣ. Русскій имперіализмъ имѣетъ національную основу, но по заданіямъ своимъ онъ превышаетъ всѣ чисто національныя заданія, передъ нимъ стоятъ задачи широкихъ объединеній, быть можетъ невиданныхъ еще объединеній Запада и Востока, Европы и Азии. Стоимъ ли мы на высотѣ этихъ выпавшихъ на нашу долю задачъ? Это подводитъ насъ къ вопросу о нашей націоналистической политикѣ. Россія тогда лишь будетъ на высотѣ міровыхъ имперіалистическихъ задачъ, когда преодолѣетъ свою старую націоналистическую политику, въ сущности не согласную съ духомъ русскаго народа, и вступить на новый путь. Если міровая война окончательно выведетъ Россію въ міровую ширь, на путь осуществленія ея мірового призванія, то прежде всего должна измѣниться политика по отношенію ко всѣмъ населяющимъ ее народностямъ. Всечеловѣческой и щедрый духъ русскаго народа побѣдитъ духъ провинціальной исключительности и самоутвержденія. Наша политика впервые сдѣлается истинно-национальной, когда она перестанетъ быть насильнически и исключительно националистической. Такая націоналисти-

ческая политика совершенно противорѣчитъ идеѣ великой міровой имперіи. Такого рода націонализмъ есть показатель слабости, онъ не соединимъ съ чувствомъ силы. Онъ возможенъ или у народовъ, освобождающихся отъ рабства, или у маленькихъ и слабыхъ народовъ, боящихся попасть въ рабство. Великая міровая имперія, въ основѣ которой лежитъ сила, а не слабость господствующаго національнаго ядра, не можетъ вести націоналистической политики, озлобляющей тѣ народности, которыя она объемлетъ, внушающей всѣмъ нелюбовь къ себѣ и жажду освобожденія. Такая политика въ концѣ концовъ антигосударственна и ведетъ къ раздѣленію и умаленію великой Россіи. Русская политика можетъ быть лишь имперіалистической, а не націоналистической, и имперіализмъ нашъ, по положенію нашему въ мірѣ, долженъ быть щедро-дарящимъ, а не хищнически-отнимающимъ. Национальное ядро великой имперіи, объемлющей множество народностей, должно умѣть внушать къ себѣ любовь, должно притягивать къ себѣ, должно обладать даромъ обаянія, должно вести своимъ народностямъ свѣтъ и свободу. И можно сказать, что народная Россія внушаетъ къ себѣ такую любовь и притягиваетъ къ себѣ всѣхъ. Наши инородцы находятся подъ обаяніемъ подлинной русской культуры. Россія же официальная тщательно отталкиваетъ отъ себя и хочетъ вытравить эту любовь и это притяженіе. Она хочетъ разъединить внутренно, оттолкнуть какъ можно больше и сцѣпить неволей и насиліемъ. Но русскій имперіализмъ тогда лишь будетъ имѣть право на существованіе, если онъ будетъ дарящимъ отъ избытка, въ этомъ лишь будетъ знакъ его мощи. Россія провиденціально имперіалистична, но лишена имперіалистическаго паеоса, въ этомъ ея своеобразіе. Старая націоналистическая политика была труслива и безсильна, она насилывала отъ страха и въ основѣ ея лежало невѣріе въ великорусское племя. Но если въ великорусскомъ племени нѣтъ настоящей силы и настоящаго духа, то оно не можетъ претендовать на міровое значеніе. Насиліе не можетъ замѣнить силы. Отсутствіе дара не можетъ быть компенсировано никакимъ устрашеніемъ. Поразительно, до чего невѣрующими въ Россію были всегда наши націоналисты. Ихъ жесты были жемами безсилія.

Именно, въ русскомъ имперіализмѣ должна была быть всечеловѣческая широта и признаніе всякой народной индивидуальности, бережнѣе и щедрое отношеніе ко всякой народности. Пониманіе народныхъ душъ—гордость русскаго гения. Въ основу русской идеи легло сознаніе русскаго чело-вѣка, какъ всечеловѣка. И если русскій имперіализмъ не будетъ выраженіемъ этого русскаго народнаго духа, то онъ начнетъ разлагаться и приведетъ къ распаденію Рос-сін. Великая имперія, вѣрящая въ свою силу и свое при-званію, не можетъ превращать своихъ гражданъ въ без-правныхъ паріевъ, какъ то было у насъ съ евреями. Это ведетъ къ распаденію имперіалистическаго единства. Лишь свободные граждане могутъ быть опорой имперіи. Большое количество безправныхъ, гонимыхъ и всячески озлобляе-мыхъ, представляетъ опасность. У насъ официально былъ избранъ самый дурной способъ сохраненія національнаго лика, способъ, искажающей этотъ ликъ, а не охраняющей его. Русскій имперіализмъ пространственно насыщенъ, у него не можетъ быть хищническихъ вождельній.

Внѣшней задачей русскаго имперіализма является лишь обладаніе проливами, выходомъ къ морямъ. Другой задачей является освобожденіе угнетенныхъ народностей. Но эта благородная миссія можетъ быть исполнена лишь въ томъ случаѣ, если Россія никогда не будетъ угнетать у себя внутри, если она и внутренно будетъ освободительницей угнетенныхъ народностей. Прежде всего Россія должна освободительно рѣшить польскій вопросъ, какъ вопросъ міровой. По иному, но все же въ духѣ освободитель омъ должны быть рѣшены вопросы еврейскій, финляндскій, армянскій и мн. др. Наша галиційская политика не могла способствовать укрѣпленію величія Россіи и ея престижа. Добились лишь усиленія украинскихъ сепаратистическихъ настроеній. Если Россія не сумѣетъ внушить любви къ себѣ, то она потеряетъ основанія для своего великаго по-ложенія въ мірѣ. Ея имперіализмъ не можетъ быть агрес-сивнымъ. Ея націонализмъ долженъ выражать русскій всечеловѣчскій народный характеръ.

КОНЕЦЪ ЕВРОПЫ.

I.

Мечта о всемірномъ соединеніи и всемірномъ владычествѣ—вѣковѣчная мечта человѣчества. Римская имперія была величайшей попыткой такого соединенія и такого владычества. И всякій универсализмъ связывается и донынѣ съ Римомъ, какъ понятіемъ духовнымъ, а не географическимъ. Нынѣшняя міровая война, которая все разрастается и грозитъ захватить всѣ страны и народы, кажется глубоко противоположной этой старой мечтѣ о міровомъ соединеніи, объ единомъ всемірномъ государствѣ. Такая сграшная война, казалось бы, разрушаетъ единство человѣчества. Но это такъ лишь на поверхностный взглядъ. Съ болѣе углубленной точки зрѣнія міровая война до послѣдней степени обостряетъ вопросъ о міровомъ устройствѣ земного шара, о распространеніи культуры на всю поверхность земли. Нынѣшнее историческое время подобно эпохѣ великаго переселенія народовъ. Чувствуется, что человѣчество вступаетъ въ новый историческій и даже космическій періодъ, въ какую-то великую неизвѣстность, совершенно непредвидѣнную никакими научными прогнозами, ниспровергающую всѣ доктрины и ученія. Прежде всего обнаружилось, что древніе, ирраціональные и воинственные, расовые инстинкты сильнѣе всѣхъ новѣйшихъ социальныхъ интересовъ и гуманитарныхъ чувствъ. Эти инстинкты, коренящіеся въ темныхъ источникахъ жизни, побѣждаютъ чувство буржуазнаго самосохраненія. То, что представлялось сознанію второй половины XIX вѣка единственнымъ существеннымъ въ жизни человѣчества, все то оказалось лишь поверхностью жизни. Міровая война сни-

маеть эту пленку цивилизаціи XIX и XX в.в. и обнажаетъ болѣе глубокіе пласты человѣческой жизни, расковыриваетъ хаотически ирраціональное въ человѣческой природѣ, лишь внѣшне прикрытое, но не претворенное въ новаго человека. Соціальный вопросъ, борьба классовъ, гуманитарно-космополитическій социализмъ и пр., и пр., все, что недавно еще казалось единственнымъ важнымъ, въ чемъ только и видѣли будущее, отходить на задній планъ, уступаетъ мѣсто болѣе глубокимъ интересамъ и инстинктамъ. На первый планъ выдвигаются вопросы національные и расовые, борьба за господство разныхъ имперіализмовъ, все то, что казалось преодолѣннымъ космополитизмомъ, пацифизмомъ, гуманитарными и социалистическими ученіями. Вѣчный буржуазный и социалистическій міръ оказался призрачнымъ, отвлеченнымъ. Въ огнѣ этой страшной войны сгорѣло всякое доктринство, расплавились всѣ оковы, наложенные на жизнь ученіями и теоріями. Инстинкты расовые и національные оказались въ XX в. могущественнѣе инстинктовъ социальныхъ и классовыхъ. Ирраціональное оказалось сильнѣе раціональнаго въ самыхъ буржуазныхъ и благоустроенныхъ культурахъ. Борьба расъ борьба національныхъ достоинствъ, борьба великихъ имперій за могущество и владычество по существу сверхнаціональна. Здѣсь темная воля къ расширенію сверхличной жизни побѣждаетъ всѣ личные интересы и расчеты, опрокидываетъ всѣ индивидуальныя перспективы жизни. Какъ много индивидуально ничѣмъ не вознаградимыхъ жертвъ требуетъ империалистическая политика или борьба за національное достоинство. И въ нашу эпоху разложенія инстинктовъ все еще крѣпки инстинкты, на которые опирается империалистическая и національная борьба. Интересы жизни частной, эгоистически семейной, мѣщанской побѣждаются интересами жизни національной, исторической, міровой, инстинктами славы народовъ и государствъ

II.

Національное сознание и націонализмъ—явление XIX вѣка. Послѣ наполеоновскихъ войнъ, вдохновленныхъ идеей всемірной имперіи, начались войны національно-освободительныя. Растетъ національное самосознание. Кристаллизу-

ются національныя государства. Самые маленькіе народы хотятъ утвердить свой національный ликъ, обладать бытіемъ самостоятельнымъ. Национальныя движенія XIX вѣка глубоко противоположны универсальному духу среднихъ вѣковъ, которыми владѣли идеи всемірной теократіи и всемірной имперіи и которые не знали націонализма. Напряженныя національныя энергіи дѣйствуютъ въ XIX и XX в.в. на ряду съ энергіями космополитическими, социалистическими, гуманитарно-пасифистскими. XIX вѣкъ—самый космополитическій и самый националистическій вѣкъ. Буржуазная европейская жизнь была и очень космополитической и очень националистической. Но духъ вселенскости въ ней трудно было бы обнаружить. Национализація чело-вѣческой жизни была ея индивидуализаціей. А стремленіе къ индивидуализаціи всего есть новое явленіе. Национальныя государства, національныя индивидуальности вполне опредѣляются только къ XIX вѣку. И совершенно параллельно росту національнаго многообразія уменьшалась обособленность государствъ и націй, ослабѣвала провинціальная замкнутость. Можно сказать, что чело-вѣчество идетъ къ единству черезъ національвую индивидуализацію. Параллельно индивидуализаціи въ національномъ существованіи идетъ универсализація, развитіе въ ширь. И можно также сказать, что нынѣ чело-вѣчество идетъ къ единству и соединенію черезъ міровой раздоръ войны, черезъ длительное неблагополучіе, въ періодъ котораго мы вступаемъ. Исторія—парадоксальна и антиномична, процессы ея—двойственны. Ничто въ исторіи не осуществляется по прямой линіи, мирнымъ нарастаніемъ, безъ раздвоенія и безъ жертвъ, безъ зла, сопровождающаго добро, безъ тѣни свѣта. Расы и народы братаются въ кровавой борьбѣ. Въ войнѣ есть выходъ изъ партикуляристическаго и замкнутаго бытія народовъ.

Могущественнѣйшее чувство, вызванное міровой войной, можно выразить такъ: конецъ Европы, какъ монополиста культуры, какъ замкнутой провинціи земного шара, претендующей быть вселенной. Міровая война вовлекаетъ въ міровой круговоротъ всѣ расы всѣ части земного шара. Она приводитъ Востокъ и Западъ въ такое близкое соприкосновеніе, какого не знала еще исторія. Міровая война

ставитъ вопросъ о выходѣ въ міровыя пространства, о распространѣніи культуры по всей поверхности земного шара. Она до послѣдней крайности обостряетъ всѣ вопросы, связанные съ имперіалистической и колониальной политикой, съ отношеніями европейскихъ государствъ къ другимъ частямъ свѣта, къ Азій и Африкѣ. Уже одно то, что нынѣшняя война съ роковой неизбежностью ставитъ вопросъ о существованіи Турціи, о раздѣлѣ ея наслѣдства, выводитъ за предѣлы европейскихъ горизонтовъ. Полуиризрачное бытіе Турціи, которое долгое время искусственно поддерживалось европейской дипломатіей, задерживало Европу въ ея замкнутомъ существованіи, предохраняло отъ слишкомъ острыхъ и катастрофическихъ постановокъ вопросовъ, связанныхъ съ движеніемъ на Востокъ. Въ Турціи былъ завязанъ узелъ, отъ развязыванія котораго въ значительной степени зависитъ характеръ существованія Европы, ибо конецъ Турціи есть выходъ культуры на Востокъ, за предѣлы Европы. А кромѣ вопроса о Турціи война ставитъ еще много другихъ вопросовъ, связанныхъ съ всемірно-исторической темой: Востокъ и Западъ. Міровая война требуетъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ.

III.

Великія державы ведутъ міровую политику, претендуютъ распространять свое цивилизующее вліяніе за предѣлы Европы, на всѣ части свѣта и всѣ народы, на всю поверхность земли. Это — политика имперіалистическая, которая всегда заключаетъ въ себѣ универсалистическое притязаніе и должна быть отличаема отъ политики націоналистической. Национализмъ есть партикуляризмъ; имперіализмъ есть универсализмъ. Въ силу какого-то почти біологическаго закона, закона біологической социологіи, великіе или, по терминологіи Н. Б. Струве, величайшіе державы отремются къ безконечному и ненасытному расширенію, къ поглощенію всего слабаго и малаго, къ міровому могуществу, хотя бы по своему цивилизовать всю поверхность земного шара.

Талантливый и своеобразный англійскій имперіалистъ Крэмбъ видитъ значеніе англійскаго имперіализма въ

томъ, чтобы «внушить всѣмъ людямъ, живущимъ въ предѣлахъ Британской имперіи, англійское міровоззрѣніе» *). Въ этомъ видить онъ стремленіе расы къ нетлѣнности. Имперіализмъ съ его колониальной политикой есть современный, буржуазный способъ универсализаціи культуры, расширенія цивилизаціи за предѣлы Европы, за моря и океаны. Современный имперіализмъ—явленіе чисто европейское, но онъ несетъ съ собой энергію, окончательное раскрытіе которой означаетъ конецъ Европы. Въ диалектичѣ имперіализма есть самоотрицаніе. Безконечное расширеніе и могущество Британской имперіи означаетъ конецъ Англии, какъ національнаго государства, какъ индивидуально-партикуляристическаго народнаго существованія. Ибо Британская имперія, какъ и всякая имперія, въ предѣлѣ своемъ есть міръ, земной шаръ. Въ современномъ имперіализмѣ, который я называю «буржуазнымъ» въ отличіе отъ «священнаго» имперіализма прежнихъ вѣковъ **), есть то же стремленіе къ міровому владычеству, что и въ Римской имперіи, которую нельзя разсматривать, какъ бытіе національное. Это—Танталова мука великихъ державъ, неутолимая ихъ жажда. Только маленькіе народы и государства соглашаются на чисто національное существованіе не претендуютъ быть міромъ. Но какъ отличны приемы современнаго буржуазнаго имперіализма отъ приемовъ стараго священнаго имперіализма! И идеологія и практика совсѣмъ иныя. Нынѣ все имѣетъ, прежде всего, экономическую подкладку. Современные имперіалисты не говорятъ уже ни о всемірной теократіи, ни о священной всемірной имперіи. Колониальная политика, борьба за господство на морѣ, борьба за рынки—вотъ что занимаетъ современный имперіализмъ, вотъ его приемы и методы универсальнаго могущества. Имперіалистическая политика по истинѣ, выводитъ за предѣлы замкнутаго существованія Европы и, по истинѣ, служитъ универсализаціи культуры. Но совершается это косвенными и отрицательными путями. Въ прямое культуртрегерство имперіализма вѣрять невозможно. Мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ великія европейскія державы

*) См. Кремль. «Германія и Англія».

***) См. мою статью «Имперіализмъ священный и имперіализмъ буржуазный».

разносятъ свою культуру по всему земному шару, какъ грубы и безобразны ихъ прикосновенія къ расамъ другихъ частей свѣта, ихъ цивилизованіе старыхъ культуръ и дикарей. Культурная роль англичанъ въ Индіи, древней странѣ великихъ религіозныхъ откровеній мудрости, которая и нынѣ можетъ помочь народамъ Европы углубить ихъ религіозное сознаніе, слишкомъ извѣстна, чтобы возможно было поддерживать ложь культурной идеологіи имперіализма. Міровоззрѣніе современныхъ англичанъ болѣе поверхностно, чѣмъ міровоззрѣніе индусовъ, и они могутъ нести въ Индію лишь внѣшнюю цивилизацію. Англія XIX вѣка не въ силахъ была родить Рамакришну котораго родила Индія. Въ прикосновеніи современной европейской цивилизаціи къ древнимъ расамъ и древнимъ культурамъ всегда есть что то кощунственное. А сомнѣніе европейскаго, буржуазнаго и научнаго, цивилизаторскаго сознанія—явленіе столь жалкое и пошлое, что оно духовно можетъ разсматриваться лишь какъ симптомъ наступающаго конца Европы—монополиста всемірной цивилизаціи. Сумерки Европы—вотъ чувство, отъ котораго нельзя отдѣлаться. Европѣ грозитъ частичная варваризація. И все-таки нельзя отрицать значеніе имперіализма, какъ выхода за предѣлы Европы и чисто европейской цивилизаціи, нельзя отрицать его внѣшней, матеріальной географической миссіи. Вся поверхность земного шара неизбежно должна быть цивилизована, всѣ части свѣта, всѣ расы должны быть вовлечены въ потокъ всемірной исторіи. Эта міровая задача нынѣ острѣе стоитъ передъ человѣчествомъ, чѣмъ задачи внутренней жизни кристаллизованныхъ европейскихъ государствъ и культуръ.

IV.

Британская имперія первая явила собой типъ современнаго имперіализма. Послѣднимъ опытомъ священнаго имперіализма была міровая имперія Наполеона, все еще создававшаяся подъ обаяніемъ римской идеи. Въ эпоху же Наполеона оканчательно исчезла превратившаяся въ призракъ, священная Римская имперія. Отнынѣ имперія, все еще претендующая на міровое владычество, будетъ строиться

на иныхъ основаніяхъ и будетъ имѣть иную идеологію. Имперіализмъ тѣсно сплетается съ экономизмомъ капиталистической эпохи. Англія явила примѣръ классической страны имперостроительства. Инстинкты англо-саксонской расы оказались вполне подходящими для созданія міровой имперіи новаго образца. Британская имперія разбросана по всѣмъ частямъ свѣта и ей принадлежитъ пятая часть земного шара. Англичане призваны къ тому, чтобы распространять свое могущество за моря. Англійскій имперіализмъ—мирный, не милитарный, культурно-экономическій, торгово-морской. Нельзя отрицать имперіалистическаго дара и имперіалистическаго призванія англійскаго народа. Можно сказать, что Англія имѣетъ географически-имперіалистическую миссію. Миссія эта лежитъ не въ сферѣ высшей духовной жизни, но она нужна во исполненіе историческихъ судебъ человѣчества. И по своему географическому положенію и по кореннымъ свойствамъ своей расы англичане—самый имперіалистическій, и быть можетъ, единственный имперіалистическій народъ въ современномъ смыслѣ слова. Англичане—великіе удачники въ имперіалистической политикѣ. Этого нельзя сказать, про германцевъ. И несчастливое географическое положеніе, и воинственно-насильническіе инстинкты германской расы дѣлаютъ германскій имперіализмъ труднымъ, форсированнымъ и непереносимымъ для другихъ странъ и народовъ. Германскій имперіализмъ долженъ быть агрессивнымъ и насильнически-захватнымъ. Въ германскомъ имперіализмѣ капитализмъ новѣйшаго образца тѣсно сплетается съ милитаризмомъ. Это имперіализмъ чисто милитаристическій, а милитаризмъ—модернизированно капиталистическій, футуристическій. Германская имперія, стремящаяся къ міровому владычеству черезъ насиліе, всегда производитъ впечатлѣніе выскочки, и она одержима невыносимымъ самоувѣреніемъ рагченуе. Характерно, что Бисмаркъ не былъ еще имперіалистомъ: онъ болѣе чѣмъ осторожно относился къ колониальной политикѣ. Онъ созидаль національную имперію, завершалъ объединеніе германскаго народа. Имперіализмъ есть уже дѣтище самоновѣйшихъ поколѣній нѣмецкой буржуазіи и нѣмецкаго юнкерства. Свои буржуазныя щупальцы простираетъ современная Германія внутрь

Россіи, Італіи и др. странъ и пытается все онѣмечеть. Но Германія не имперіалистическая страна по своему призванію. Ея имперіализмъ—роковой для нея самой и для всей Европы. Именно германскому имперіализму суждено было разоблачить, что имперіализмъ неизбежно ведетъ не только къ войнѣ, но и къ міровой войнѣ. Міровая война—рокъ имперіалистической политики. Сѣмя войны заложено въ первоосновахъ самага мирнаго имперіализма. Никакому народу не суждено мирной имперіалистической политикой расширять свое могущество по поверхности земли. Всякій имперіализмъ роковымъ образомъ сталкивается съ бурнымъ потокомъ другого имперіализма. Сосуществованіе нѣсколькихъ міровыхъ притязаній означаетъ міровую войну. Столкновеніе болѣе стараго англійскаго имперіализма съ болѣе новымъ германскимъ предрѣшено рокомъ. Объ этомъ за нѣсколько лѣтъ до войны съ большимъ подъемомъ говорилъ Крэмбъ въ лекціяхъ «Германія и Англія», хотя трудно согласиться съ его идеализаціей германскаго имперіализма. Имперіализмъ не имѣетъ своей цѣлью расширеніе цивилизаціи по всей землѣ, увеличеніе міровой общности, а ведетъ къ міровому раздору и войнѣ. Въ материалистическомъ имперіализмѣ наступаютъ сумерки Европы. Но разсвѣтъ послѣ этой ночи можетъ быть лишь міровымъ разсвѣтомъ.

Передъ XX вѣкомъ міровая война поставитъ задачу выхода культуры изъ Европы въ міровыя пространства всей поверхности земного шара. Черезъ ужасъ войны и зло колониальной политики, черезъ борьбу расъ и національностей совершается объединеніе человѣчества и цивилизованіе всего земного шара. Передъ этой міровой задачей на нѣкоторое время отступаютъ на второй планъ вопросы провинціально европейскіе. Раньше или позже должно вѣдь начаться движеніе культуры къ своимъ древнимъ истокамъ, къ древнимъ расамъ, на Востокъ, въ Азію и Африку, которыя вновь должны быть вовлечены въ потокъ всемірной исторіи. Египетъ, Индія, Палестина не навсегда выпали изъ всемірной исторіи. А съ мучительной проблемой Китая еще предстоитъ свести счеты. Закатъ чисто европейской культуры будетъ восходомъ солнца на Востокъ. Загадочное выраженіе лицъ древнихъ народовъ Востока,

которое такъ поражаетъ насъ, европейцевъ, должно быть когда-нибудь разгадано на какомъ-то перевалѣ исторіи. Отъ этого загадочнаго взгляда древнихъ расъ Европѣ не удастся отдѣлаться, некуда уйти. Европа не только должна нести свою культуру въ Азію и Африку, но и должна что-то получить изъ древней колыбели культуры. Имперіализмъ со своей колониальной политикой былъ лишь внѣшнимъ, буржуазнымъ выраженіемъ того неизбѣжнаго всемірно историческаго движенія, которое мы предвидимъ. Внутренно этотъ историческій поворотъ подготавливался духовнымъ кризисомъ европейской культуры, крахомъ позитивизма и матеріализма новѣйшаго европейскаго сознанія, разочарованіемъ въ жизни, жадной новой вѣры и новой мудрости. Центръ тяжести Западной Европы, по всей вѣроятности, передвинется еще болѣе на Западъ, въ Америку, могущество которой очень возрастетъ послѣ окончанія войны. Да и американизмъ новѣйшей цивилизаціи тянетъ Европу въ Америку. Востокъ—одинъ выходъ за предѣлы европейской культуры, Америка—другой выходъ. Европа перестанетъ быть центромъ міровой исторіи, единственной носительницей высшей культуры. Если Европа хотѣла оставаться монополистомъ и пребывать въ своемъ европейскомъ самодовольствѣ, она должна была воздержаться отъ міровой войны. Но давно уже европейская жизнь превратилась въ огнедышащій вулканъ. Теперь Европа вплотную поставлена передъ основной темой всемірной исторіи—соединенія Востока и Запада. И задача въ томъ, чтобы конецъ Европы и переломъ исторіи были пережиты человѣчествомъ въ духовномъ углубленіи и съ религіознымъ свѣтомъ.

V.

Великія роли въ этомъ міровомъ передвиженіи культуры должны выпасть на долю Россіи и Англіи. Миссія Англіи болѣе внѣшняя. Миссія Россіи—болѣе внутренняя. Россія стоитъ въ центрѣ Востока и Запада, она—Востоко-Западъ. Россія величайшая Имперія. Но, именно потому ей чужды имперіализмъ въ англійскомъ или германскомъ смыслѣ слова. У насъ, русскихъ, нѣтъ великоимперскихъ стрем-

лений, потому что великая Имперія--наша давность, а не заданіе. Россія слишкомъ велика, чтобы имѣть паѳосъ расширенія и владычества. Да и темпераментъ славянской расы—не имперіалистическій темпераментъ. Россія не стремится къ колоніямъ, потому что въ ней самой есть огромныя азіатскія колоніи, съ которыми предстоитъ еще много дѣла. Миссія Россіи—защита и освобожденіе маленькихъ народовъ. Россіи предстоитъ еще быть оплотомъ противъ опасности монгольскаго Востока. Но для этого она, прежде всего, должна освободиться отъ всего монгольско-восточнаго въ себѣ самой. Единственнымъ естественнымъ притязаніемъ Россіи является Константинополь и выходъ къ морямъ черезъ проливы. Русскій Константинополь долженъ быть однимъ изъ центровъ единенія Востока и Запада. Матеріальная сила и матеріальное величіе Россіи—наша исходная данность. Намъ не приходится съ трудомъ отвоевывать себѣ каждую пядь земли, чтобы быть великими. И мы имѣемъ всѣ основанія полагать міровую миссію Россіи въ ея духовной жизни, въ ея духовномъ, а не матеріальномъ универсализмѣ, въ ея пророческихъ предчувствіяхъ новой жизни, которыми полна великая русская литература, русская мысль и народная религіозная жизнь. И если близится конецъ провинціально замкнутой жизни Европы, то тѣмъ болѣе близится конецъ провинціально-замкнутой жизни Россіи. Россія должна выйти въ міровую ширь. Конецъ Европы будетъ выступленіемъ Россіи и славянской расы на арену всемірной исторіи, какъ опредѣляющей духовной силы. Сильный космическій вѣтеръ колеблетъ всѣ страны, народы и культуры. Чтобы устоять отъ этого вѣтра, нужна большая духовная сосредоточенность и углубленность, нужно религіозное переживаніе историческихъ катастрофъ.

Задачи творческой исторической мысли.

I.

Одно изъ самыхъ печальныхъ явленій, обнаружившихся за время войны, какъ-то мало обращаетъ на себя вниманіе. Я имѣю въ виду почти полное отсутствіе у насъ творческой исторической мысли. Традиціонный характеръ нашего мышленія очень плохо приспособленъ къ постановкѣ творческихъ историческихъ задачъ, къ міровымъ перспективамъ. Наша національная мысль все еще грѣшитъ провинціализмомъ и направлена она, главнымъ образомъ, на сведеніе отрицательныхъ счетовъ. Россія была внутренне слишкомъ разодрана и поглощена мелочными политическими распрями, партійными счетами, групповыми социальными антогонизмами, закрывавшими всякія большія міровыя, историческія перспективы. Безвластное русское общество не могло ощутить отвѣтственности за рѣшеніе міровыхъ судебъ Россіи. Міровая война, естественно, должна была бы направить національную мысль на міровыя задачи. Казалось, должны были быть сдѣланы попытки осмыслить войну, опредѣлить мѣсто Россіи въ міровой жизни, сознать свое призваніе. Подлинное національное самосознаніе ставитъ бытіе націи въ перспективу міровой исторіи, оно преодолеваетъ провинціализмъ національной жизни и національныхъ интересовъ. Зрѣлое національное сознаніе есть также сознаніе всемірно историческое. Голый и непросвѣтленный эгоизмъ націонализма или имперіализма не есть оправданіе и на немъ не можетъ создаться духовное бытіе народовъ.

Существуетъ-ли Россія, какъ нѣкое единство, болѣе глубокое, чѣмъ всѣ раздѣляющіе интересы ея человѣче-

скаго состава, есть-ли въ мірѣ единый ликъ Россіи и что значить для міра выраженіе этого лика? Имѣетъ-ли Россія свое особое призваніе въ мірѣ, должна-ли она сказать свое слово во всемірной исторіи? Какія конкретныя задачи ставить передъ Россіей міровая война? Всѣ эти вопросы, которые приносятъ съ собой новый день всемірной исторіи, требуютъ огромныхъ усилій творческой мысли. Никакія готовые, традиціонныя категоріи мысли негодны для рѣшенія этихъ вопросовъ. Должна быть произведена совершенно самостоятельная и новая работа мысли, усиліе творческаго духа. Но наша національная мысль очень мало объ этомъ думаетъ или думаетъ по старымъ шаблонамъ, по привычнымъ категоріямъ. Задачи войны все еще у насъ по настоящему не сознаны. Преобладающія оправданія войны довольно таки банальны. Нельзя вѣдь удовольствоваться тѣмъ сознаніемъ, что Россія отражаетъ зло германскаго милитаризма. Проблема, поставленная войной, много глубже. Нельзя успокоиться и на старомъ славянофильскомъ самовосхваленіи,—въ этомъ сказываются лѣность мысли, склонность духовно жить на всемъ готовомъ. Вѣдь славянофильская мысль все еще утверждаетъ самодовлѣющее провинціальное бытіе Россіи, а не міровое ея бытіе. Славянофильство вмѣло большія заслуги въ дѣлѣ національнаго самосознанія, но оно было первоначальной, дѣтской стадіей этого самосознанія, не соответствующей вышнему историческому возрасту.

Ни въ нашемъ «правомъ», ни въ нашемъ «лѣвомъ» лагерѣ все еще не совершается творческой исторической мысли. Слишкомъ поглощены своими «правыми» или «лѣвыми», т.-е. все еще національными и не міровыми задачами. У насъ почти отсутствуетъ историческое мышленіе. Мы привыкли оперировать исключительно категоріями моральными или социологическими, не конкретными, а отвлеченными. Наше сознаніе идетъ преимущественно отрицательнымъ, не творческимъ путемъ. «Правые» поглощены совершенно отрицательной травлей національностей, интеллигенціи, розыскомъ «лѣвыхъ» опасностей и заняты истребленіемъ всѣхъ проявленій свободной общественности. «Лѣвые» слишкомъ сосредоточены на изобличеніи «буржуазіи», на использованіи отрицательныхъ фак-

товъ въ цѣляхъ агитаціонныхъ, слишкомъ раздѣляютъ Россію на два стана. И Россія все еще не можетъ сознать себя единой, творчески опредѣлить свои всемірно-историческия задачи. Примѣненіе отвлеченныхъ соціологическихъ категорій раздѣляетъ, а не соединяетъ злоупотребленіе же моральными заподозриваніями и моральнымъ осужденіемъ окончательно разобщаетъ и приводитъ къ распаденію, какъ бы на двѣ расы. Только рѣшительное обращеніе нашего сознанія къ глубинѣ національнаго бытія и къ широтѣ бытія всемірно-историческаго ставитъ передъ нами захватывающія творческія проблемы. Творческая историческая мысль должна окончательно преодолѣть нашъ отрицательный націонализмъ и отрицательный космополитизмъ.

II.

Для того, кто смотритъ на міровую борьбу съ точки зрѣнія философіи истории, должно быть ясно, что нынѣ разыгрывается одинъ изъ актовъ всемірно-исторической драмы Востока и Запада. Міровая война приводитъ въ исключительное соприкосновеніе міръ Запада и міръ Востока, она соединяетъ черезъ раздоръ, она выводитъ за границы европейской культуры и европейской истории. Проблема Востока и Запада въ сущности всегда была основной темой всемірной истории, ея осью. Европейское равновѣсіе всегда было условнымъ построеніемъ. За предѣлами замкнутого міра Европы была міровая ширь, уходящая далеко на Востокъ. Государственную и культурную жизнь народовъ Европы всегда беспокоили міровыя пространства, неизвѣданность и неизжитость Востока и Юга. Имперіалистическая политика великихъ державъ Европы влекла къ расширенію имперіалистическаго могущества и культурнаго вліянія за моря и океаны, къ преодолѣнію замкнутости чисто европейскаго существованія. Невѣдомая ширь земного шара притягиваетъ къ себѣ. Взоры обращаются къ Азіи и Африкѣ, къ древнимъ колыбелямъ культуры. Обратное движеніе съ Запада на Востокъ, повидимому, является внутренне неизбѣжной діалектикой европейской культуры. Въ замкнутой и самодовлѣющей европейской культурѣ есть роковой уклонъ къ предѣльному насыщенію,

къ изсяканію, къ закату. И она неизбежно должна искать движенія за свои предѣлы, въ ширь и даль. Имперіализмъ съ его колониальной политикой есть одно изъ вѣдншихъ выраженій этого неотвратимаго движенія исторіи. Но еще глубже лежитъ культурное и духовное заданіе воссоединенія Востока и Запада. Начинаются сумерки Европы.

Не случайно, что пожаръ міровой войны начался съ Балканъ, и оттуда всегда шла угроза европейскому миру. Не случайно, что и сейчасъ центральный интересъ войны вновь перешелъ на Балканы. Балканы— путь съ Запада на Востокъ. Константинополь—тѣ ворота, черезъ которыя культура Западной Европы можетъ пойти на Востокъ, въ Азію и въ Африку. Въ Константинополь—точка пересѣченія Востока и Запада. Образование Турецкой имперіи было шествіемъ Востока на Западъ. Разрушеніе Турецкой имперіи будетъ обратнымъ шествіемъ Запада на Востокъ. Этого движенія боялись народы Европы, чувствуя себя какъ бы неготовыми для него, и фактъ существованія Турціи съ Константинополемъ у входа Запада на Востокъ былъ выраженіемъ духовной незрѣлости европейскихъ народовъ. Какъ не походить въ этомъ новая Европа на Европу средневѣковую, отдавшуюся мечтательному порыву крестовыхъ походовъ! Теперь Турціей Европа какъ бы защищается отъ самой себя. Но болѣе всего боится Европа огромной и таинственной Россіи, всегда казавшейся ей столь чуждой и неприемлемой. Европейская политика XVIII и XIX вѣковъ въ значительной степени была направлена на то, чтобы не допустить Россіи къ Константинополю, къ проливамъ, къ морямъ и океанамъ. Европа заинтересована была въ томъ, чтобы насильственно оставлять Россію въ замкнутомъ кругѣ, не допускать ее въ міровую ширь, препятствовать міровой роли Россіи. И сама Россія, повидимому, не чувствовала себя созрѣвшей для міровой роли. Такія русскія національныя идеологіи, какъ славянофильство, оправдывали провинціально-замкнутое, а не міровое бытіе Россіи. Россія все себя противопоставляла Европѣ, какъ нѣкому единству. И славянофильское, и западническое сознаніе одинаково вѣрило въ существованіе Европы, какъ единаго духа, единаго типа культуры. Славянофильство противопоставляло Россію Европѣ, какъ бо-

лѣе высокій духовный типъ, а западничество мечтало объ Европѣ, какъ идеалѣ для Россіи, какъ единственномъ типѣ міровой культуры. Но вотъ грянула міровая война и разрушила призракъ единой Европы, единой европейской культуры, единого духовного европейскаго типа. Европа не можетъ быть болѣе монополистомъ культуры. Европа—неустойчивое образованіе. Въ самой Европѣ скрыты самыя противоположныя начала, самыя враждебныя стихіи, самыя взаимоисключающіе духовные типы. Многимъ народамъ Европы Германія показалась болѣе страшной, чѣмъ Россія, болѣе чуждой, чѣмъ Востокъ. Война должна раздвинуть Европу съ одной стороны на Востокъ съ другой стороны на крайній Западъ. Въ послѣднихъ результатахъ войны не можетъ не усиливаться Америка и не можетъ не быть поставленъ вопросъ объ историческомъ призваніи славянской расы. Европа давно уже стремится преодолѣть себя, выйти за свои предѣлы. Европа не есть идеалъ культуры вообще. Европа сама провинціальна. Въ Европѣ давно уже есть тайная, внутренняя тяга на Востокъ, которая на поверхности исторіи получала разныя выраженія. Столь разнообразныя явленія, какъ имперіализмъ въ политикѣ и теософія въ духовной жизни, одинаково симптоматичны для тяготѣнія къ выходу за предѣлы европейской культуры, къ движенію съ Запада на Востокъ. И великія заданія крестовыхъ походовъ вошли внутрь, но остались для Европы. Какое же положеніе должна занять Россія въ этомъ всемірно-историческомъ движеніи?

III.

Россія можетъ сознать себя и свое призваніе въ мірѣ лишь въ свѣтѣ проблемы Востока и Запада. Она стоитъ въ центрѣ восточнаго и западнаго міровъ и можетъ быть опредѣлена, какъ Востоко-Западъ. Не напрасно и не случайно русская мысль въ теченіе всего XIX вѣка вращалась вокругъ споровъ славянофильства и западничества. Въ такомъ направленіи русской мысли была та правда, что для русскаго сознанія основная тема—тема о Востокѣ и Западѣ, о томъ, является ли западная культура единственной и универсальной и не можетъ ли быть другого и

болѣе высокаго типа культуры? Въ самихъ идеологіяхъ славянофильства и западничества были ограниченности и неарѣлость. Но сама эта тема русскихъ размышленій была глубокой и для Россіи основною. Тема эта оставалась все еще идеологической, мало связанной съ практическими перспективами. Русское мыслящее общество было вѣдъ совершенно безотвѣтственно, и мысль его могла оставаться совершенно безотвѣтственной. Но мировая война вовлекаетъ Россію въ жизненную поставку темы о Востокѣ и Западѣ. Нынѣ мышленіе на эту тему не можетъ уже быть столь отвлеченнымъ и безотвѣтственнымъ. Но случилось такъ, что къ этому отвѣтственному моменту нашей исторіи уровень нашей національной мысли понизился, темы вѣчныхъ размышленій нашей интеллигенціи измельчали. И передъ нами стоитъ задача—поднять уровень національной мысли и связать ее съ жизненными задачами, поставленными мировыми событіями. Россія такъ глубоко вовлечена въ самую гущу мировой жизни, что никакая русская лѣнь и инерція не могутъ уже отклонить ее отъ рѣшенія основныхъ задачъ своей исторіи. Чѣмъ бы ни кончилась война, каковы бы ни были ея ближайшія политическія послѣдствія,—духовныя послѣдствія этой войны могутъ быть предвидѣны.

Мировая война должна вывести Россію изъ замкнутаго провинціального существованія въ ширь мировой жизни. Потенціальныя силы Россіи должны быть обнаружены, — подлинный ликъ ея, который донынѣ все еще двоился,— раскрытъ міру. Это, во всякомъ случаѣ, должно произойти, если не путемъ побѣдоносной силы и прямого возрастанія мощи, то путемъ жертвеннаго страданія и даже униженія. Путей много, и въ судьбѣ народовъ есть тайна, которой мы никогда рационально не разрѣшимъ. Самыя страшныя жертвы могутъ быть нужны народу и черезъ великія жертвы возможны достиженія, которыя невозможны были для самодовольнаго и благополучнаго прозябанія. Духовнымъ результатомъ мировой войны будетъ также преодоленіе односторонности и замкнутости такъ называемой европейской культуры, ея выходъ въ мировую ширь. А это и значитъ, что мировая война вплотную ставитъ передъ Россіей и передъ Европой вѣковѣчную тему о Востокѣ и Западѣ въ новой конкретной формѣ. Передъ Европой и

передъ Россіей будутъ поставлены съ небывалыми остротой и конкретностью не только внѣшніе, но и внутренніе духовные вопросы о Турціи и панславизмѣ, о Палестинѣ, объ Египтѣ, объ Индіи и буддизмѣ, о Китаѣ и панмонголизмѣ. Европа была слишкомъ замкнута въ своемъ самоудовольствѣ. Старый Востокъ и югъ интересовали ее, главнымъ образомъ, со стороны колониальной политики и захвата рынковъ. Россія же еще не подымалась до постановки тѣхъ міровыхъ вопросовъ, съ которыми связаво ея положеніе въ мірѣ. Слишкомъ внутренне не устроена была Россія, слишкомъ много элементарнаго должно было въ ней рѣшиться. Вл. Соловьевъ пытался обратить наше сознание къ этимъ всемірно-историческимъ темамъ, но не всегда удачно. Во всякомъ случаѣ, онъ обозначалъ большой шагъ впередъ по сравненію съ славянофилами и западниками.

IV.

Россія должна явить типъ востоко-западной культуры, преодолѣть односторонность западно-европейской культуры съ ея позитивизмомъ и матеріализмомъ, самоудовольство ея ограниченныхъ горизонтовъ. Нашъ русскій провинціализмъ и замкнутость нельзя преодолѣть европейскими провинціализмомъ и замкнутостью. Мы должны перейти въ міровую ширь. А въ этой шире должны быть видны древніе религиозные истоки культуръ. Востокъ по-новому долженъ стать равноцѣннымъ Западу. Въ извѣстномъ смыслѣ европеизация Россіи необходима и неотвратима. Россія должна стать для Европы внутренней, а не внѣшней силой, силой творчески преобразующей. Для этого Россія должна быть культурно преобразована по-европейски. Отсталость Россіи не есть своеобразіе Россіи. Своёобразіе болѣе всего должно быть обнаружено на высшихъ, а не на низшихъ стадіяхъ развитія. Темный Востокъ, удерживающій ее на элементарныхъ стадіяхъ, Россія должна въ себѣ побѣдить. Но западничество есть заблужденіе дѣтскаго возраста и оно находится въ противорѣчьи съ міровыми задачами Россіи. Шаблоны западной мысли также не пригодны для постиженія смысла міровыхъ событій, какъ и шаблоны

старо славянской мысли. Историческая эпоха, въ которую мы вступаемъ, требуетъ органическаго соединенія національнаго сознанія съ сознаниемъ универсальнымъ, т.-е. опредѣленія мірового призванія національностей. Передъ нашей мыслью совершенно конкретно стоитъ задача осознанія міровой роли Россіи, Англіи и Германіи и ихъ взаимоотношеній. Объ этомъ нужно поговорить въ другой разъ, но я думаю, что въ мірѣ господствующее положеніе должно принадлежать или Россіи и Англіи или Германіи. Преобладаніе Россіи и Англіи должно привести къ сближенію Востока и Запада и къ рѣшенію проблемы Востока и Запада. Преобладаніе Германіи привело бы къ попыткѣ создать новую міровую имперію, претендующую на міровое господство и по существу неспособную ничего сближать и соединять, такъ какъ неспособную ничего признавать самоцѣннымъ.

Обращеніе къ творческимъ историческимъ задачамъ излѣчило бы насъ отъ внутреннихъ провинціальныхъ распрей, отъ мелочной вражды. Мы духовно обязааны осознать мѣсто Россіи въ міровой борьбѣ. Постыдно лишь отрицательно опредѣляться волей врага. Россія имѣетъ свои самостоятельныя задачи, независимыя отъ злой воли Германіи. Россія не только защищается, но и рѣшаетъ свои самостоятельныя задачи. Надъ этими самостоятельными задачами мысль наша слишкомъ мало работаетъ. Необходимо призывать къ самостоятельной творческой національной мысли, которая должна вывести насъ на вольный воздухъ въ ширь. Но творческая историческая мысль предполагаетъ признаніе исторіи самостоятельной дѣйствительностью, особой метафизической реальностью. Такого обращенія къ исторіи у насъ до сихъ поръ почти не было и намъ не хватало соотвѣтствующихъ категорій для мышленія надъ исторіей и ея задачами. Въ такомъ поворотѣ сознанія будетъ для насъ что-то освобождающее.

Славянофильство и славянская идея.

I.

Война вплотную поставила передъ русскимъ сознаниемъ и русской волей всѣ большыя славянскіе вопросы—польскій, чешскій, сербскій, она привела въ движеніе и заставила мучительно задуматься надъ судьбой своей весь славянскій міръ балканскаго полуострова и Австро-Венгрии. Все болгъ сейчасъ въ славянствѣ. И иногда кажется почти невозможнымъ замирить старыя споры славянъ между собой. Міровое столкновеніе славянской расы съ расой германской, къ которому вела вся исторія и которое не было непредвидѣннымъ, не можетъ, казалось бы, не привести къ славянскому самосознанію. Славянская идея должна быть осознана передъ лицомъ грозной опасности германизма. Но ссоры въ славянской семьѣ все продолжаютъ. Балканскій полуостровъ деморализованъ славянскими распрями. Польша разодрана, и въ ней братъ принужденъ сражаться противъ брата. Взаимное недовѣріе и подозрѣнія по истинѣ ужасны. А готово ли наше русское общественное сознание быть носителемъ и выразителемъ славянской идеи? Созрѣла ли эта идея? Популярна ли она настолько, чтобы быть сильной и памѣнять жизнь? Славянская идея находится у насъ въ самомъ печальномъ положеніи, она—въ тискахъ и не можетъ быть свободно выражена. Я вѣрю, что безсознательно славянская идея живетъ въ нѣдрахъ души русскаго народа, она существуетъ, какъ инстинктъ, все еще темный и не нашедшій себѣ настоящаго выраженія. Но настоящаго славянскаго сознанія, настоящей славянской идеи у насъ нѣтъ.

Русское національное самосознаніе и самосознаніе всеславянское рождалось у насъ въ распряхъ славянофильства и западничества. Славянскую идею можно искать только въ славянофильствѣ, въ западничествѣ нѣтъ и слѣдовъ этой идеи. Но въ нашемъ классическомъ славянофильствѣ, у Кирѣевскаго, Хомякова, Аксаковыхъ, Самарина, трудно

найти чистое выраженіе славянской идеи. Славянофильство точнѣе было бы назвать руссофильствомъ. Славянофильство прежде всего утверждало своеобразный типъ русской культуры на почвѣ восточнаго православія и противопоставляло его западному типу культуры и католичеству. Въ славянофильствѣ было еще много провинціальной замкнутости. Славянофилы все еще были добрыми русскими помѣщиками, очень умными, талантливыми, образованными, любившими свою родину и плѣненными ея своеобразной душой. Но сознание ихъ еще не вмѣщало мировыхъ перспективъ. Славянофильская идеологія была скорѣе отъединяющей, чѣмъ соединяющей. Это было еще дѣтское сознание русскаго народа, первое національное пробужденіе отъ сна, первый опытъ самоопредѣленія. Но славянофильская идеологія не можетъ уже соответствовать зрѣлому историческому существованію русскаго народа. Славянофильскія настроенія соарѣвали въ неволѣ, въ нихъ чувствуется сдавленность, они мало пригодны для вольной, широкой исторической жизни. Старые славянофильскіе идеалы были прежде всего идеалами частной, семейной, бытовой жизни русскаго человѣка, которому не давали выйти въ ширь историческаго существованія, который не созрѣлъ еще для такого существованія*). Неволя дѣлала славянофиловъ безответственными. Ихъ не призывали къ осуществленію своихъ идей и ихъ идеи часто бывали лишь прекраснѣшимъ русскаго человѣка. Слабыя стороны славянофильской идеологіи, ея нежизнепригодность, ея старо-помѣщичья тепличность, недостаточно были видны именно потому, что славянофильство не имѣло власти въ жизни, было поставлено въ оппозиціонное положеніе. Силу имѣлъ лишь казенный, офиціальныи націонализмъ, и онъ не нуждался въ подозрительныхъ услугахъ славянофиловъ, не нуждался ни въ какихъ идеологіяхъ. Славянофилы что то почуяли въ русской національной душѣ, по своему выразили впервые это русское самочувствіе, и въ этомъ ихъ огромная заслуга. Но всякая попытка осуществленія славянофильской идейной программы обнаруживала или ея утопичность и нежизненность или ея совпаденіе съ офиціальной политикой власти. И славяно-

*) Я не касаюсь здѣсь церковныхъ идей Хомякова, которыя очень глубоки и сохраняютъ свое непреходящее значеніе.

фильство у эпигоновъ своихъ роковымъ образомъ выродилось до отождествленія съ казеннымъ націонализмомъ. Образовалось казенно-официальное славянофильство, для котораго славянская идея и славянская политика превратилась въ риторическую терминологию и которому никто уже не вѣрить ни въ Россіи, ни за границей. Славянофильство оказалось безсильнымъ повліять на власть въ направленіи творческой славянской политики. Преобладающей осталась не славянская, а германская инспирированность, и ею заразились сами потомки славянофиловъ.

II.

Только у славянофиловъ была національная идея, только они признавали реальность народной души. Для западниковъ не существовало народной души. Наша западническая мысль не работала надъ національнымъ сознаніемъ. Но отношеніе славянофиловъ къ самому больному и самому важному для насъ, русскихъ, славянскому вопросу—къ вопросу польскому—было въ корнѣ совсемъ ложнымъ и не славянскимъ. Никогда славянофилы не чувствовали по отношенію къ польскому народу славянскаго единства, славянскаго братства. Для славянофиловъ вѣрный своему духу славянскій міръ долженъ быть, прежде всего, православнымъ. Славянина неправославнаго они чувствовали измѣнникомъ славянскому дѣлу. И они не могли простить польскому народу его католичества. Они не могли понять и полюбить польскую душу потому, что не могли понять и полюбить душу католическую. А все своеобразіе польской культуры опредѣлялось тѣмъ, что въ ней католичество преломлялось въ славянской душѣ. Такъ выковалось польское національное обличіе, совсѣмъ особенный славянско католическій ликъ, отличный и отъ лика романскихъ католическихъ народѣвъ и отъ лика славянскихъ православныхъ народѣвъ. Для славянофиловъ Польша была тѣмъ Западомъ внутри славянскаго міра, которому они всегда противоплавали русскій православный Восгокъ, носитель высшаго духовнаго типа и полноты религіозной истины. Поляки казались прежде всего латинянами и было почти забыто, что они славяне. Колонизмъ представляется католической опасностью. Въ

своемъ отвращеніи къ католичеству славянофилы доходили до того, что протестанскую Германію предпочитали странамъ и народамъ католическимъ. Лютеране занимали въ Россіи привелигированное положеніе по сравненію съ католиками, они часто стояли у кормила правленія. Идейное славянофильство и лишенная всякихъ идей власть въ этомъ сходились. У Достоевскаго въ еще болѣе крайней формѣ сказалась вражда къ католичеству и къ Польшѣ. Въ католичествѣ онъ видѣлъ духъ антихриста и вмѣстѣ съ протестантской Германіей хотѣлъ раздавить католичество. Образовалась довольно крѣпкая славянофильско-консервативная традиція, которая была принята нашей властью и вела на практикѣ къ тому, что наша политика была всегда въ зависимости отъ Германіи. Вражда къ Польшѣ и дружба съ Германіей--двѣ стороны одного и того же явленія у насъ. А вѣдь не одни поляки католики въ славянскомъ мірѣ. И старо славянофильское отношеніе къ католичеству дѣлало невозможнымъ искреннее славянское единеніе. Вражда къ польскому народу, передъ которымъ мы должны были бы искупить свою историческую вину, дѣлало наше славянофильство лицемѣрнымъ. Справедливо указывали на то, что русскіе должны сначала у себя освободить угнетенныхъ славянъ, а потомъ уже освобождать чужихъ славянъ. Славянская идея и славянское единеніе невозможны, если русскій и православный типъ славянства признается полной и исключительной истиной, не нуждающейся ни въ какомъ дополненіи и ни въ какомъ существованіи другихъ типовъ славянской культуры. Тогда остается только политика обрусѣнія и насильственнаго обращенія въ православіе. Но эта политика несовмѣстима съ славянской идеей. Русская душа останется навѣки славянской душой, принявшей прививку православія. Эта православная прививка чувствуется и въ нравственномъ обликѣ русскихъ интеллигентовъ атеистовъ и у поносившаго православіе Л. Толстого. Но эта русская душа можетъ братски сосуществовать съ другими славянскими душами, принявшими другую духовную прививку и представляющими другой культурный типъ. Душа Россіи можетъ полюбить душу Польши, другого великаго славянскаго народа, и отъ этого она будетъ еще болѣе самой собой. Отъ такого единенія разныхъ душъ въ

славяноствѣ славянскій міръ только обогатится. Отношеніе къ балканскимъ славянамъ у славянофиловъ было иное и лучшее, чѣмъ къ полякамъ. Но и тутъ славянофилы были слишкомъ исключительными руссофилами, чтобы допускать братское и равное отношеніе. Конечно, маленькая Сербія не можетъ претендовать на равное значеніе съ Россіей. Несомнѣно и то, что Россія должна играть первенствующую роль въ славянскомъ мірѣ. Вопросъ совсѣмъ не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, чтобы Россія окончательно отказалась отъ той пугающей и отталкивающей идеи, что «славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ», т. е. признала вѣчныя права за всякой національной индивидуальностью и относилась къ ней, какъ къ самоцѣнности. И такое отношеніе будетъ вполне согласнымъ съ душой русскаго народа, великодушной, безкорыстной и терпимой, даящей, а не отнимающей, которой все еще не знаютъ славяне, такъ какъ она закрыта для нихъ нашей не народной государственной политикой.

Славянофильство отпугиваетъ и поляковъ, и славянъ, и прогрессивные слои русскаго общества. Въ славянофильствѣ было истинное зерно славянской идеи, но оно окружено устарѣвшей и разлагающейся оболочкой, слишкомъ сросшейся съ Россіей казенной. Вл. Соловьевъ уже представляетъ огромный шагъ впередъ по сравненію со старыми славянофилами. Онъ преодолеваетъ провинціальный націонализмъ славянофиловъ. Мессіанское сознаніе у Вл. Соловьева, какъ и у Достоевскаго, — міровое. Горизонты расширяются. У Вл. Соловьева уже совсѣмъ иное отношеніе къ католичествому. Онъ видитъ въ католичествѣ правду, съ которой православный міръ долженъ возсоединиться. Поэтому онъ иначе относится къ польскому вопросу, чѣмъ старые славянофилы. Съ братской любовью обращалъ онъ свой взоръ къ польскому народу и придавалъ ему большое положительное значеніе для судьбы самого русскаго народа. Но славянское чувство, славянское сознаніе слабо выражены у Вл. Соловьева и его нельзя назвать глашатаемъ славянской идеи. Достоевскій и Вл. Соловьевъ по универсальному характеру своего мессіанскаго сознанія могутъ быть сопоставлены съ великими польскими мессіонистами, съ Мицкевичемъ, Словацкимъ, Красинскимъ, Товянскимъ, Цешковскимъ, Врон-

скимъ. Мы постыдно мало знаемъ польскихъ мессіанистовъ и должны были бы теперь обратиться къ ихъ изученію. Польскій мессіанизмъ болѣе чистый и болѣе жертвенный, чѣмъ мессіанизмъ русскій, который не свободенъ отъ идеализаціи ощущеній нашей государственной силы. Въ мессіанскомъ сознаніи Достоевскаго нельзя найти той чистой жертвенности, которая вдохновляла мессіанское сознаніе поляковъ. Слишкомъ связывалъ себя Достоевскій съ агрессивностью русской власти. Славянофиловъ же нельзя даже назвать мессіанистами въ строгомъ смыслѣ слова, они скорѣе націоналисты, и по сознанію своему они стоятъ многими головами ниже польскихъ мессіанистовъ, которые должны быть признаны первыми провозвѣстниками славянской идеи. Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшемъ трагическая судьба Польши привела къ вытѣсненію славянскаго мессіанизма исключительнымъ польскимъ націонализмомъ. Среди польскихъ мессіанистовъ есть одинъ, наименѣе извѣстный,—Вронскій, который исповѣдывалъ русскій, а не польскій мессіанизмъ, Вронскій давно предсказалъ мировую войну въ такомъ почти видѣ, какъ она сѣйчасъ происходитъ, столкновение славянскаго міра съ германскимъ и неизбежность единенія Польши съ Россіей въ ея борьбѣ съ Германіей (см. его «Le destin de la France, de l'Allemagne et de la Russie comme Prolégomènes du Messianisme»). Русскій народъ Вронскій считалъ богоноснымъ народомъ. Но о Вронскомъ у насъ почти никто и не слышалъ.

III

Западничество совсѣмъ не признавало цѣнности національности, и славянская идея была окончательно чужда и русскимъ либераламъ и русскимъ революціонерамъ. Въ лѣвомъ западническомъ лагерѣ національность признавалась лишь отрицательно, лишь поскольку она преслѣдуется и должна быть освобождена. Угнетенныя національности считали нужнымъ брать подъ свою защиту, но вдохновляла всегда космополитическая идея, творческихъ національныхъ задачъ не признавали. Наши лѣвыя направленія готовы были признать право на существованіе польской національности или грузинской, поскольку онѣ угнетены, но не соглашались признать русской національности, потому что она

государственно господствует. Но чужую національную душу может почувствовать и узнать лишь тотъ, кто чувствуетъ и знаетъ собственную національную душу Только во время войны въ русскихъ либеральныхъ и радикальныхъ кругахъ начало просыпаться національное сознание Мысль начинаетъ работать надъ національнымъ самоопредѣленіемъ и національнымъ признаніемъ Россіи и наталкивается на славянскую идею Нѣчто отъ славянофильства должно быть воспринято и той частью общества, которая всегда сознавала себя западнойской. Трагическая судьба растерзанной Польши и Сербіи принудительно обращаетъ нашу волю и наше сознание къ славянамъ и славянской идеѣ. Но мы должны сознать, что славянское единеніе невозможно на почвѣ традиціоннаго славянофильства и традиціоннаго западничества и предполагаетъ новое сознание, новыя идеи. Невозможно утвердить всеславянскую идею на почвѣ признанія восточнаго православія единственнымъ и полнымъ источникомъ высшей духовной культуры, такъ какъ этимъ отлучаются отъ духовнаго обращенія поляки и всѣ славяне-католики. Ясно, что духовный базисъ славянской идеи долженъ быть шире и вмѣщать въ себя нѣсколько религіозныхъ типовъ. А это предполагаетъ преодаленіе русскаго религіознаго націонализма.

Въ основу славянской идеи, какъ и вообще въ основу русской мессіанской идеи, можно положить лишь русскій духовный универсализмъ, русскую всечеловѣчность русское исканіе Града Божьяго, а не русскую національную ограниченность и самодовольство, не русскій провинціализмъ. Нужно полюбить душу Россіи и интимно узнать ее, чтобы виденъ былъ русскій сверхнационализмъ и русское безкорыстіе, невѣдомые другимъ народамъ. Я думаю, что и славянофилы не выразили эту глубину русской души. Они не поднялись еще до всечеловѣчности, они не преодолѣли еще корыстнаго національнаго самоутвержденія. Нужна новая славянская и новая русская идея, идея творческая, обращенная впередъ, а не назадъ. Нынѣ мы вступаемъ въ новый періодъ русской и всемірной исторіи, и старыя, традиціонныя идеи не годны уже для новыхъ міровыхъ задачъ, которыя ставятъ передъ нами жизнь. Мы слишкомъ много пережили, слишкомъ многое переоцѣнили и нѣтъ для насъ

возврата къ старымъ идеологіямъ. Мы уже не славянофилы и не западники, ибо мы живемъ въ небываломъ міровомъ круговоротѣ и отъ насъ требуется несоизмѣримо больше, чѣмъ отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Всѣ дремавшія силы русскаго народа должны быть приведены въ дѣйствіе, чтобы можно было справиться со стоящими передъ нами задачами. Мы должны заставить повѣрить въ насъ, въ силу нашей національной воли, въ чистоту нашего національнаго сознанія, заставить увидѣть нашу «идею», которую мы несемъ міру, заставить забыть и простить историческія грѣхи нашей власти. Нашей глубины не знали, но слишкомъ хорошо знали тяжелую руку нашей государственности. И всякая славянская идея, которая скрѣплена съ этой тяжелой рукой, отпугиваетъ и вызываетъ отвращеніе. Славянское единеніе идетъ по совершенно новому пути. Наша національная мысль должна творчески работать надъ новой славянской идеей, ибо пробилъ тотъ часъ всемірной исторіи, когда славянская раса должна выступить съ своимъ словомъ на арену всемірной исторіи. Она придетъ на смѣну господству германской расы и сознаетъ свое единство и свою идею въ кровавой борьбѣ съ германизмомъ. Идея славянскаго единенія, прежде всего единенія русско-польскаго, не должна быть внѣшне-политической, утилитарно-государственной,— она, прежде всего должна быть духовной, обращенной внутрь жизни. Судьба славянской идеи не можетъ стоять въ рабской зависимости отъ зыбкихъ стихій міра, колебаній военной удачи, хитростей международной дипломатіи, политиканскихъ расчетовъ. Какъ и всякая глубокая идея, связанная съ духовными основами жизни народовъ, она не можетъ погибнуть отъ внѣшнихъ неудачъ, она рассчитана на болѣе далекія перспективы. Должно начаться въ народѣ и обществѣ духовно-культурнаго всеславянскаго движеніе, и въ концѣ-концовъ это движеніе окажетъ вліяніе и на нашу политику, получившую такое тяжелое наслѣдіе отъ прошлаго. Но зачинаться все должно не отъ внѣшнихъ, утилитарно-политическихъ соглашеній и комбинацій, а отъ искреннихъ, изъ глубины идущихъ объединеній. Мы устали отъ лжи политиканства и хотѣли бы дышать вольнымъ воздухомъ правды. Такая правда есть въ природѣ русскаго чело-вѣка. Такой правды ждемъ мы и отъ другихъ славянъ.

Космическое и социологическое міроощущеніе.

I.

Міровая война несетъ съ собой человѣчеству глубокой духовный кризисъ, который можетъ быть обсуждаемъ съ разныхъ сторонъ. Послѣдствія такой небывалой войны неисчислимы и не могутъ быть цѣликомъ предвидѣвы. Много есть оснований думать, что мы вступаемъ въ новую историческую эру. И если бросаются въ глаза измѣненія внѣшнія, международныя, политическія и экономическія, то внутреннія, духовныя измѣненія приходятъ непримѣтно. Это всегда сначала процессъ подземный. Наше предвидѣніе будущаго должно быть совершенно свободно отъ обычнаго оптимизма или пессимизма, отъ оцѣнокъ по критеріямъ благополучія. Было бы легкомысленно представлять себѣ жизнь послѣ такой истощающей войны въ особенно радужныхъ и благополучныхъ краскахъ. Скорѣе можно думать, что міръ вступаетъ въ періодъ длительного неблагополучія и что темпъ его развитія будетъ катастрофическій. Но цѣнности, приобрѣтенныя человѣчествомъ въ міровой борьбѣ, не опредѣляются увеличеніемъ или уменьшеніемъ благополучія.

Сравнительно много говорятъ и пишутъ объ экономическихъ и политическихъ послѣдствіяхъ войны. Меньше думаютъ о ея духовныхъ послѣдствіяхъ, о ея вліяніи на все наше міросозерцаніе. Объ одномъ изъ такихъ мало-предвидѣнныхъ послѣдствій я и хотѣлъ бы поговорить. Въ XIX вѣкѣ міроощущеніе и міросознаніе передовыхъ слоевъ человѣчества было окрашено въ ярко социальный цвѣтъ. Не разъ уже указывали на то, что социологія замѣнила

теологію, что релігійозное чувство потерявшаго вѣру чело-
вѣчества направилось на соціальность. Оріентація жизни
сдѣлалась соціальною по преимуществу, ей были подчи-
нены всѣ другія оцѣнки. Всѣ цѣнности были поставлены
въ соціальную перспективу. Человѣческая общественность
была выдѣлена изъ жизни космической, изъ мірового цѣ-
лаго и ощущалась, какъ замкнутое и самодовлѣющее цѣлое.
Человѣкъ окончательно былъ водворенъ на замкнутую со-
ціальную территорію, на ней захотѣлъ онъ быть господи-
номъ, забылъ обо всемъ остальномъ мірѣ и объ иныхъ
мірахъ, на которые не простирается его власть и господ-
ство. Завоеванія челоѣка на ограниченной, замкнутой
соціальной территоріи достигались ослабленіемъ памяти,
забвеніемъ безконечности. Быть можетъ, нужно было чело-
вѣку пережить періодъ этого ограниченнаго міроощущенія,
чтобы усилить и укрѣпить свою соціальную энергію. Вся-
каго рода ограниченія бывають прагматически нужны въ
извѣстные періоды челоѣческой эволюціи. Но ограничен-
ность этого соціологическаго міроощущенія не могла про-
должаться слишкомъ долго. Эта ограниченность таила въ
себѣ возможность слишкомъ неожиданныхъ катастрофъ.
Безконечный океанъ міровой жизни посылаетъ свои волны
на замкнутую и незащитную челоѣческую общественность,
водворенную на небольшой территоріи земли. Міровая война
и является такой большой міровой войной, девятымъ ва-
ломъ. Она обнаруживаетъ для всѣхъ, и наиболѣе ослѣп-
ленныхъ, что всѣ соціальныя утопіи, построенныя на изо-
ляціи общественности изъ жизни космической,—поверх-
ностны и не долговѣчны. Подъ напоромъ міровыхъ волнъ
пали утопіи гуманизма, пасифизма, международнаго со-
ціализма, международнаго анархизма и т. п., и т. п. Вы-
ясняется не теоріей, а самой жизнью, что соціальныи
гуманизмъ имѣлъ слишкомъ ограниченный и слишкомъ
поверхностный базисъ. Не было принято во вниманіе, что
существуютъ глубокія нѣдра земли и несбѣятная міровая
ширь и звѣздные міры. Много темно ирраціональнаго,
всегда приносящаго неожиданность, лежитъ въ этихъ нѣд-
рахъ и въ безконечной ширинѣ. Замкнутая и ограниченная
челоѣческая общественность съ ея исключительно соціо-
логическимъ міропониманіемъ напоминаетъ страуса, пря-

чущаго голову въ свои перья. Слишкомъ многое не принимается во вниманіе въ соціальныхъ утопіяхъ, всегда основанныхъ на упрощеніи и искусственной изоляціи. Подобно тому, какъ недолговѣчно и поверхностно существованіе оазиса—общины въ духѣ толстовца или утопическаго социализма, недолговѣчно и поверхностно и существованіе всей человѣческой общественности въ сложной и безконечной космической жизни. Соціальный утопизмъ всегда коренится въ этой изоляціи общественности отъ космической жизни и отъ тѣхъ космическихъ силъ, которыя иррациональны въ отношеніи къ общественному разуму. Это всегда—укрываніе отъ сложности черезъ ограниченность. Соціальный утопизмъ есть вѣра въ возможность окончательной и безостаточной рационализаціи общественности, независимо отъ того, рационализована-ли вся природа и установленъ-ли космическій ладъ. Утопизмъ не желаетъ знать связи зла общественнаго съ зломъ космическимъ, не видитъ принадлежности общественности къ всему круговороту природнаго порядка или природнаго безпорядка. И такія катастрофы, какъ міровая война, заставляютъ очнуться и принуждаютъ къ расширенію кругозора. Обнаруживается жизненная несостоятельность такихъ рациональныхъ утопій, какъ вѣчный миръ, въ этомъ зломъ природномъ мірѣ, какъ безгосударственная анархическая свобода въ этомъ мірѣ необходимости, какъ всемірное соціальное братство и равенство въ этомъ мірѣ раздора и вражды. О, конечно, великая цѣнность мира, свободы, соціальнаго братства остается непреложной. Но цѣнности эти недостижимы въ той поверхностной и ограниченной области, въ которой предполагали ихъ достигнуть. Достиженіе этихъ цѣнностей предполагаетъ безконечно большее углубленіе и расширеніе, т. е. еще очень сложный и длительный катастрофическій процессъ въ человѣческой жизни, предполагаетъ переходъ отъ исключительно социологическаго міроощущенія къ міроощущенію космическому.

II.

Углубленное сознание должно прийти къ идеѣ космической общественности, т.-е. общественности, размыкающейся и вступающей въ единеніе съ міровымъ цѣлымъ, съ міро-

выми энергіями. Всегда существовалъ эндосмосъ и экзосмосъ между человѣческой общественностью и космической жизнью, но это не было достаточно сознано человѣкомъ, и онъ искусственно замыкался, спасаясь отъ безконечности въ свей ограниченности. На болѣе глубокую почву должна быть поставлена та истина, что величайшія достиженія человѣческой общественности связаны съ творческой властью человѣка надъ природой, т.-е. съ творчески-активнымъ обращеніемъ къ космической жизни, какъ въ познаніи, такъ и въ дѣйствіи. А это предполагаетъ несоизмѣримо большую самодисциплину человѣка, чѣмъ та, которая есть въ немъ сейчасъ, высокую степень овладѣнія самимъ собой, своими собственными стихіями. Лишь тотъ, кто господствуетъ надъ самимъ собой, можетъ господствовать и надъ міромъ. Задачи общественности — прежде всего космически-производственныя задачи. Съ этимъ связана мораль личной и общественной самодисциплины. Это сознаніе прямо противоположно тому, на которомъ покоилось наше народничество всѣхъ отгѣнковъ съ его распредѣлительной моралью.

Творческій трудъ надъ природой, расширенный до космическаго размаха, долженъ быть положенъ во главѣ угла. Трудъ этотъ не долженъ быть рабски прикрѣпленъ къ землѣ, къ ея ограниченному пространству, онъ всегда долженъ имѣть міровыя перспективы. XX вѣкъ выдвинетъ такія космическія задачи въ сферѣ творческаго труда надъ природой, въ области производства и техники, о какихъ XIX вѣкъ со всѣми своими открытіями не могъ и мечтать, не могъ и подозрѣвать. Поразительно, что марксизмъ, который такъ выдвигалъ моменты производственныя, ростъ производительныхъ силъ въ соціальной жизни и имъ давалъ перевѣсъ надъ моментами распредѣлительными, былъ совершенно лишенъ космическаго міроощущенія и явилъ собой крайній образецъ соціологическаго утопизма, замыкающаго человѣка въ ограниченной и поверхностной общественности. Марксизмъ вѣрилъ, что можно до конца рационализировать общественную жизнь и привезти ее къ внѣшнему совершенству, не считаясь ни съ тѣми энергіями, которыя есть въ безконечномъ мірѣ надъ человѣкомъ и вокругъ него. Марксизмъ — самая крайняя форма соціоло-

гического рационализма, а потому и социологического утопизма. Всѣ социальныя ученія XIX вѣка были лишены того сознанія, что человѣкъ—космическое существо, а не обыватель поверхностной общественности на поверхности земли, что онъ находится въ общеніи съ міромъ глубины и съ міромъ высоты. Человѣкъ—не муравей и человѣческая общественность—не муравейникъ. Идеаль окончательно устроеннаго муравейника рушится безвозвратно. Но болѣе глубокое сознаніе возможно лишь на религіозной почвѣ. Міровая катастрофа должна способствовать религіозному углубленію жизни.

Тотъ духовный поворотъ, который я характеризую какъ переходъ отъ социологического міроощущенія къ міроощущенію космическому, будетъ имѣть и чисто политическія послѣдствія и выраженія. Будетъ преодоленъ социально-политическій провинціализмъ. Передъ социальнымъ и политическимъ сознаніемъ станетъ міровая ширь, проблема овладѣнія и управленія всей поверхностью земного шара, проблема сближенія Востока и Запада, встрѣчь всѣхъ типовъ и культуръ, объединенія человѣчества черезъ борьбу, взаимодействіе и общеніе всѣхъ расъ. Жизненная постановка всѣхъ этихъ проблемъ дѣлаетъ политику болѣе космической, менѣе замкнутой, напоминаетъ о космической шире самого историческаго процесса. Поистинѣ проблемы, связанныя съ Индией, Китаемъ или міромъ мусульманскимъ, съ океанами и материками, болѣе космичны по своей природѣ, чѣмъ замкнутыя проблемы борьбы партій и социальныхъ группъ. До послѣдней степени обострившійся вопросъ объ отношеніи всякаго индивидуальнаго національнаго бытія къ единому и объединенному человѣчеству долженъ быть рѣшенъ, какъ вопросъ космическаго размаха. Обращеніе къ глубинѣ національной жизни обращаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ шире жизни всемірно-исторической. Въ политикѣ имперіалистической объективно былъ уже космическій размахъ и космическія заданія. Но сознаніе самыхъ идеологовъ имперіализма было ограничено. Идеологія эта была буржуазной идеологіей, она рѣдко шла глубже и дальше поверхности чисто экономическихъ и политическихъ задачъ. И въ путяхъ имперіалистической политики было много злого, порожденнаго ограниченной

неспособностью проникать въ души тѣхъ культуръ и расъ, на которыя распространялось имперіалистическое расширение, была слѣпота къ высшимъ задачамъ человѣчества. Но значеніе имперіализма, какъ неизбежнаго фазиса развитія современныхъ обществъ, для объединенія человѣчества на всей поверхности земли и для созданія космической общественности можетъ быть признано безотносительно къ положительному пагосу имперіализма. Міровая война есть катастрофическій моментъ въ діалектикѣ имперіалистическаго расширенія.

III.

Чтобы добыть свѣтъ въ нахлынувшей на міръ тьмѣ, необходимо космическое углубленіе сознанія. Если остаться на поверхности жизни, то тьма поглотитъ насъ. Европейскіе народы, европейскія культуры вступаютъ въ періодъ истощенія. Эти замкнутыя культуры склоняются къ упадку дряхлѣютъ. Длительная и исгребительная міровая война надорветъ силы Европы, и народамъ Европы трудно будетъ искать источниковъ новой энергіи на большей глубинѣ и въ большей шири міровыхъ пространствъ. Старыя чисто соціологическія ориентировки и оцѣнки жизни непригодны для размѣровъ совершающихся событій, для ихъ сложности и новизны. Отвлеченный соціологизмъ, какъ цѣлое міросозерцаніе, обнаруживаетъ свою непригодность во всѣхъ отношеніяхъ, онъ приходитъ къ концу и долженъ уступить мѣсто болѣе глубокимъ и широкимъ точкамъ зрѣнія. Катастрофа этой войны очень рѣдко раздѣляетъ людей и совсѣмъ не по тѣмъ критеріямъ, по которымъ обычно они раздѣлялись. Они оказались духовно совершенно неподготовленными къ этой катастрофѣ, она разразилась надъ ними, какъ великая неожиданность, выбивающая изъ всѣхъ укрѣпленныхъ позицій. Въ такомъ положеніи оказалась большая часть людей чисто соціологическаго міросозерцанія. Они наскоро стали приспособлять свои старыя точки зрѣнія къ новымъ событіямъ, но ощутили уныніе людей отброшенныхъ назадъ. Многіе почувствовали себя выброшенными за борть исторіи. Другіе оказались духовно под-

готовленными къ мировой катастрофѣ, въ ней не было для нихъ ничего неожиданнаго, ничего сбивающаго съ ихъ точекъ зрѣнія на жизнь. Таковы люди, у которыхъ и раньше было болѣе космическое чувство жизни, болѣе широкій кругозоръ. Они знаютъ, что война есть великое зло и кара за грѣхи человѣчества, но они видятъ смыслъ мировыхъ событій и вступаютъ въ новый историческій періодъ безъ того чувства унынія и отброшенности, которое ощущаютъ люди перваго типа, ни въ чемъ не прозрѣвающіе внутренняго смысла. Космическое мироощущеніе менѣе благополучное, менѣе рационалистически оптимистическое, болѣе безпокойное, чѣмъ социологическое мироощущеніе, — оно предвидитъ великія неожиданности и готово вступить въ царство невѣдомаго и неизжитаго. Это болѣе глубокое и широкое мироощущеніе и сознаніе не допускаетъ тѣхъ рационалистическихъ иллюзій, для которыхъ будущее міра опредѣляется лишь силами, лежащими на самой поверхности ограниченнаго куска земли. Дѣйствуютъ силы болѣе глубокія, еще невѣдомыя, приливаютъ энергіи изъ далекихъ мировъ. Нужно имѣть мужество итти навстрѣчу невѣдомому дню, итти во тьмѣ къ новой зарѣ. Мировая война совершенно бессмысленна для всякаго рационалистическаго оптимизма, для всякаго социологическаго утопизма. Для людей этого духа она не можетъ дать никакого наученія, они не хотятъ перейти къ новой жизни черезъ смерть. Но мировая война имѣетъ символическій смыслъ для тѣхъ, которые всегда предвидѣли дѣйствіе скрытыхъ, не поддающихся рационализациі, космическихъ силъ. Природа войны — не творческая, отрицательная, разрушительная; но война можетъ пробудить творческія силы, можетъ способствовать углубленію жизни. Передъ человѣчествомъ становятся все новыя и новыя творческія задачи, задачи творческаго претворенія энергій, исходящихъ изъ темной, изначальной глубины бытія въ новую жизнь и новое сознаніе. Развитіе человѣчества, восхожденіе человѣчества, никогда не совершается по прямой линіи, путемъ нарастанія однообразныхъ положительныхъ элементовъ. Это — процессъ въ высшей степени антиномическій и трагическій. Приливы тьмы есть то варварство бытія, безъ котораго въ жизни человѣческой наступаетъ изся-

каніе енергій, застываніе. Міровая война есть заслуженное европейской культурой, нахлынувшее на нее варварство, темная сила. Въ этой тьмѣ многое должно погибнуть и многое народиться, какъ въ нашествіи варваровъ на античную культуру. Но эта варварская сила—внутренняя, а не внѣшняя. Мы можемъ сдѣлать выводъ. Люди стараго, хотя и мнящаго себя передовымъ соціологическаго міроощущенія, отбрасываются назадъ. Они—консерваторы вчерашняго и позавчерашняго дня. Люди космическаго міроощущенія духовно готовы итти къ невѣдомому будущему съ творческимъ порывомъ.

III.

ДУШИ НАРОДОВЪ.

(Параллели).

СУДЬБА ПАРИЖА.

I.

Когда германцы подступили къ Парижу и Парижъ лихорадочно готовился къ защитѣ, многія сердца на землѣ испытали жуткое волненіе и безпокойство. Готовился ударъ не только въ сердце Франціи, но и въ сердце новаго человѣчества. И отъ раны, нанесенной Парижу, кровью облилась бы не одна Франція, но и все культурное человѣчество. Парижъ—міровой городъ, міровой городъ новой Европы и всего новаго европейскаго человѣчества. То же жуткое безпокойство было бы пережито, если бы опасность грозила Риму. Римъ—міровой городъ стараго человѣчества и священный памятникъ для человѣчества новаго. Опасность и даже гибель Берлина, Вѣны, Лондона и другихъ столицъ Европы не могла бы такъ жутко взволновать всякую культурную душу. Рана, нанесенная этимъ столицамъ разныхъ государствъ, была бы прежде всего національнымъ горемъ. И только рана, нанесенная Риму и Парижу, была бы горемъ общеевропейскимъ и общечеловѣческимъ. Я вѣрю, что и лучшіе изъ нѣмцевъ, наиболѣе тонкіе изъ нихъ, пережили минуты страха за судьбу Парижа. Мы, русскіе, вдохновлены великой и справедливой войной, но мы не пережили еще непосредственнаго страха за судьбу родины, у насъ не было такого чувства, что отечество въ опасности. Никто не допускалъ возможности приближенія германцевъ къ сердцу Россіи—Москвѣ. Россія въ этотъ грозный часъ міровой исторіи почувствовала себя сильной, а не слабой, призванной помогать другимъ. Передъ Россіей стали міровыя задачи, открылись міровыя перспективы. Совсѣмъ иначе переживается эта война во Франціи. Тамъ дѣйствительно, были минуты, когда отечеству грозила непосредственная опасность,

и французы переживали страхъ за судьбу своей родины. Въ современной Франціи чувствуется какая-то хрупкость, усталость отъ большой своей исторіи, въ которой совершено много великаго и героическаго, чувствуется истощеніе. Современный французъ и слишкомъ утонченъ, и слишкомъ исторченъ мѣщанскимъ довольствомъ, разслабленъ жаждой наслажденій и любовью къ женщинѣ. Франція совсѣмъ не милитаристическая страна. Духъ воинственный давно въ ней угасъ. Она пережила свой героическій воинственный періодъ, властвовала надъ Европой и нынѣ не является уже грозной военной силой. И жутко было за Парижъ, страшно за Францію. Многіе русскіе почувствовали Францію родной и жаждали помочь ей своей силой, поддержать ее. Спасеніе Франціи — одна изъ великихъ, міровыхъ задачъ Россіи. Конечно, Франція—не Бельгія, не Сербія, Франція—великая держава, и она намъ оказываетъ великую помощь, какъ наша союзница. Но преимущество силы на нашей сторонѣ. И непосредственная опасность для Парижа миновала въ значительной степени, благодаря нашимъ побѣдамъ. Франко-русскій союзъ, дипломатическій и государственный переживается теперь нами глубоко сердечно, душевно, народно. Въ нашемъ союзѣ съ Франціей есть что-то болѣе глубокое, чѣмъ расчеты международной политики.

II.

Парижъ міровой опытъ новаго человѣчества, очагъ великихъ начинаній и дерзновенныхъ экспериментовъ. Парижъ—свободное выявленіе человѣческихъ силъ, свободная игра ихъ. Жизнь мірового города есть жизнь человѣка на свободѣ, жизнь автономная, независимая отъ священнаго авторитета, секуляризированная. вмѣстѣ съ Парижемъ пережило новое человѣчество медовый мѣсяцъ свободной жизни и свободной мысли, великую революцію, социализмъ, эстетизмъ, послѣдніе плоды буржуазнаго атеизма и мѣщанства. Образъ Парижа для насъ двойся и вызываетъ чувства противоположныя. Мы знаемъ обаяніе Парижа, единственную магію, присущую этому городу, единственную красоту сочетанія въ немъ самаго стараго съ самымъ новымъ.

Парижъ—живое существо, и существо это выше и прекраснѣе современныхъ буржуазныхъ французовъ. Лицо души

его имѣть «необщее» выраженіе, не то, которое обычно имѣютъ большіе города Европы. Это — единственный современный, новый городъ, въ которомъ есть красота и обаяніе новаго и современнаго. Какъ некрасиво, какъ мѣшаетъ все новое и современное въ Римѣ, какъ безобразно и оскорбительно оно въ Берлианѣ. Наша непластическая, неархитектурная эпоха создаетъ только безобразные дома и безобразную одежду, дѣлаетъ улицы отталкивающими для эстетически чуткаго человѣка и оставляетъ насъ на эстетическое пропитаніе стариной. Въ одномъ Городѣ Парижѣ есть красота сегодняшняго дня, красота двоящаяся, быть можетъ призрачная и возмущающая, но все же красота. Парижъ—магическій Городъ,—въ немъ сосредоточилась вся манія современнаго большаго Города, вся его притягательность и все его зло. Магія Парижа—Города въ самомъ оосредоточенномъ и предѣльномъ смыслѣ—окутываетъ всякаго чуткаго и впечатлительнаго человѣка. Другіе большіе города Европы, это—уже Парижъ второго и третьяго сорта, не чистыя воплощенія идеи новаго Города, а половинчатыя, разбавленныя провинціализмомъ. Только Парижъ—Городъ-столица, Городъ міровой, новый Городъ новаго человѣчества. Берлианъ—благоустроенная казарма, технически усовершенствованная, со всѣми удобствами, но безвкусная и лишенная всякой магіи Города, всякой демонической его власти. Парижъ, даже не очень благоустроенный городъ, технически отсталый по сравненію съ Берлиномъ, и магія его, его право быть Городомъ по преимуществу и Городомъ міровымъ не въ этомъ внѣшнемъ техническимъ прогрессѣ коренятся. Въ Парижѣ есть ирраціональная тайна Города, власть магическая, а не техническая. Парижъ намагнитизированъ токами, идущими отъ свободной игры человѣческихъ силъ. И въ немъ есть шипучесть и искристость, легкость, непостижимая въ тяжелой буржуазной жизни современнаго города, веселость странная при такой мучительной борьбѣ за существованіе. На всемъ Парижѣ лежитъ печать исключительнаго остроумія, національнаго генія французскаго народа, который умѣетъ умирать съ остротой на устахъ. Въ Парижѣ—послѣднее истонченіе культуры, великой и всемірной латинской культуры, передъ лицомъ которой культура Германіи есть варварство. и въ томъ-же Парижѣ—крайнее зло новой

культуры, новой свободной жизни человечества — царство мѣщанства и буржуазности. Свободная игра человѣческихъ силъ, свободная отъ всякой святости, привела къ закрѣпленному царству мѣщанства. Буржуазное рабство человѣческаго духа — одинъ изъ результатовъ формальной свободы человѣка, его поглощенности собой. Такова антимонія бытія. Мѣщанство, — другой ликъ Парижа, ликъ устрашающій и отталкивающій. Парижъ — огромный экспериментъ новаго человечества, въ немъ скрыты всѣ противоположности.

Именно въ талантливомъ, остроумномъ веселомъ, свободномъ и дерзающемъ Парижѣ мѣщанство нашло свое завершеніе, свое эстетически законченное выраженіе, свой предѣлъ. Весь періодъ третьей республики былъ постепеннымъ развитіемъ мѣщанской жизни, плодомъ безрелигіознаго, атеистическаго духа. Французы, устали отъ катастрофъ, революцій, войнъ, исканій и захотѣли спокойной, довольной жизни, замкнутого въ себѣ мѣщанства, закрытого для всякаго духовнаго движенія. Парижъ любятъ называть новымъ Вавилономъ, городомъ разврата. И, дѣйствительно, въ Парижѣ есть явленіе разврата изощреннаго и изобрѣтательнаго. Развратъ — судьба новаго Герода. Но тѣмъ же Парижъ — городъ замкнутой мѣщанской семьи, очень крѣпкой и совершенно забаррикадированной. Парижъ — городъ мѣщанскихъ нравовъ и мѣщанскихъ добродѣтелей, полезныхъ для преуспѣванія жизни.

III.

Самодовольная мѣщанская семья — замкнутая ячейка, въ которой эгоизмъ личный помножается на эгоизмъ семейный, процвѣтаетъ не у насъ, русскихъ, не у славянъ, а именно у парижанъ, которые почему-то извѣстны міру лишь со стороны своей развратной репутаціи. Мѣщанство есть обратная сторона необузданной жажды наслажденій. Мѣщанскія нормы — плодъ невѣрія въ благородное самоограниченіе человѣка. И подлинная бытовая свобода, свобода отъ ложныхъ условностей и лицемѣрныхъ нормъ есть только у русскихъ. У русскихъ есть открытость духа. Нигдѣ нѣтъ такой погони за наживой, за жизненнымъ успѣхомъ, такого культа богатства и такою презрѣніемъ къ бѣдности, какъ у парижанъ. Французы скупы, дѣлаютъ экономіи и полины

мѣщанскаго страха передъ необезпеченнымъ и не благоустроеннымъ положеніемъ. Мѣщанская Франція возвела личный и семейный эгоизмъ въ добродѣтель. Эта Франція совѣмъ не такъ легкомысленна, какъ это кажется при поверхностномъ съ ней знакомствѣ. Легкомысленны въ земныхъ дѣлахъ именно мы, русскіе. Герценъ почувалъ это побѣдное шествіе царства мѣщанства и содрогнулся отъ отвращенія, искалъ спасенія отъ него въ Россіи, въ русскомъ крестьянствѣ*) Недаромъ во Франціи явился великій изобличитель мѣщанства Леонъ Блуа, написавшій гнѣвное истолкованіе «обоихъ мѣстъ» мѣщанской мудрости,—рыцарь нищеты въ мѣщанскомъ Парижѣ. Мѣщанство—метафизическая, а не социальная категория. И социализмъ проникнуть духомъ мѣщанства. Природа мѣщанства атеистическая, безрелигіозная. Мѣщанская жизнь есть жизнь поверхностныхъ оболочекъ человѣка, выдаваемыхъ за ядро, за глубину и сущность жизни. Въ мѣщанской жизни начали погибать національныя добродѣтели французскаго народа,—ихъ способность къ героизму и къ великодушію, ихъ свободолюбіе и безстрашіе передъ смертью. Въ мѣщанской Франціи, богатой, устроившейся и самодовольной, нельзя уже было узнать страны Жанны д'Аркъ и Наполеона, великой революціи и великихъ исканій свободы. Жажда богатства перешла въ безчестность и подкупность. Политическія формы исчерпались до конца. Все дошло до предѣла, за которымъ уже—разложеніе и смерть. Мѣщанство постепенно убивало душу. А сказано христіанскому міру, что больше нужно бояться убивающихъ душу, чѣмъ убивающихъ тѣло. Теперь начали убивать тѣло,—оболочку человѣка, но, быть можетъ, душа, ядро человѣка, отъ этого возродится. Ибо для души убійственнѣй сидѣть по колѣни въ мѣщанской жизни, чѣмъ по колѣни въ водѣ сидѣть въ окспахъ. Мѣщанская жизнь въ Парижѣ стала столь душной, столь убійственной для души, что только великія катастрофы и великія испытанія могутъ очистить и освободить человѣка отъ мѣщанства. Самодовольная и замкнутая мѣщанская жизнь начала уже вѣрять въ свое земное безсмертіе, въ свою дурную безконечность. Но оставитъ человѣка въ этой

*) Тотъ же Герценъ пророчески предсказалъ царство прусскаго милитаризма и неизбежность столкновенія съ нимъ.

вѣрѣ въ непоколебимую прочность мѣщанскаго царства значило бы допустить гибель человѣка, смерть его души. Есть въ мірѣ высшія силы, которыя не могутъ этого допустить. И неизбежно должно было раскрыться міру, что въ самой глубинѣ буржуазной жизни лежитъ уже сѣмя великой войны, великой катастрофы. Нельзя вѣчно жить мирной буржуазной жизнью довольства; для самихъ цѣлей буржуазной жизни нужно воевать съ великими жертвами и страданіями. Въ этомъ есть внутренняя діалектика, изобличающая ложь жизни. Причины, породившія слишкомъ мирную буржуазную жизнь, породили и войну. Эта таинственная діалектика особенно чувствуется въ Парижѣ, во Франціи, въ странѣ совѣмъ не военной. Буржуазный и веселый Парижъ нынѣ призывается къ подвигу и совершаетъ подвиги. Онъ обливается кровью. Черезъ великія испытанія и потрясенія вновь пробудится героическое у французовъ, опустившихся до слишкомъ самодовольной мѣщанской жизни.

IV.

Человѣку какъ будто не дано оставаться на высотѣ въ слишкомъ мирной, довольной, благополучной жизни. Для мѣщанской Франціи нужна была гроза, необходимо было неблагополучіе и страданіе. И все во время пришло. Міровая катастрофа, столь непосредственно грозная для Франціи, будетъ кризисомъ и концомъ мѣщанскихъ идеаловъ жизни, замкнутыхъ въ земное довольство. Читайте письма изъ Парижа. Парижъ сталъ серьезень, жертвостпособенъ, мѣщанскія ячейки въ немъ разомкнулись. Проснулись лучшія стороны французскаго народа—любовь къ родивѣ, чувство гражданства, энтузіазмъ, великодушіе, безстрашіе передъ смертью. Еще разъ передъ Франціей стало что-то мировое и оттѣснило мѣщански частное. Волею судебъ любовь къ родинѣ и къ мировой справедливости побѣдила въ сердцахъ французовъ любовь къ женщинѣ, къ наслажденію и къ мѣщанскому довольству. Міровая война — великая изобличительница лжи беззаботной мѣщанской жизни. Есть войны, которая посылаются Провидѣніемъ, чтобы заставить народы

опомниться, углубиться, приподняться. Неизбѣжность нынѣшней войны уже заложена во внутренней болѣзни человѣчества, въ его буржуазности, въ томъ мѣщанскомъ самодовольствѣ и ограниченности, которыя не могутъ не привести къ взаимному убійству. Мѣщанская замкнутость размыкается въ крови, политикой на войнѣ. И въ нервно-впечатлительной, утонченной культурѣ Франціи это чувствуется сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. А судьба Франціи, какъ великой страны, есть прежде всего судьба Парижа, ея сердца и сердца Европы. Жутко за Парижъ и хочется помочь ему. Но міровой Городъ не можетъ погибнуть, онъ нуженъ міру, въ немъ нервъ новаго свободнаго человѣчества съ его добромъ и его зломъ, съ его правдой и его неправдой, въ немъ пульсируетъ кровь Европы, и она обольется кровью, если Парижу будетъ нанесенъ ударъ. Неизбѣженъ конецъ мѣщанскаго атеизма буржуазной вражды къ религіи. И Парижъ возродится къ новой жизни. Симптомы религиознаго возрожденія уже были до войны. Судьба Парижа—судьба новаго человѣка и новаго Города.

Русская и польская душа.

I.

Старая ссора въ славянской семьѣ, ссора русскихъ съ поляками, не можетъ быть объяснена лишь внѣшними силами исторіи и внѣшними политическими причинами. Источники вѣковой, исторической распри Россіи и Польши лежатъ глубже. И сейчасъ особенно важно для насъ осознать духовныя причины этой вражды и отталкиванія, раздѣляющихъ славянскій міръ. Это прежде всего распря двухъ славянскихъ душъ, родственныхъ по крови и языку, по общеславянскимъ расовымъ свойствамъ и столь различныхъ, почти противоположныхъ, съ трудомъ совмѣстимыхъ, неспособныхъ другъ друга понять. Народы родственные и близкіе менѣе способны другъ друга понять и болѣе отталкиваются другъ отъ друга, чѣмъ далекіе и чужіе. Родственный языкъ звучитъ непріятно и кажется порчей собственнаго языка. Въ семейной жизни можно наблюдать это отталкиваніе близкихъ и невозможность понять другъ друга. Чужимъ многое прощаютъ, но своимъ, близкимъ ничего не хотятъ простить. И никто не кажется такимъ чужимъ и непонятнымъ, какъ свой, близкій.

Русскіе и поляки боролись не только за землю и за разное чувство жизни. Внѣшне—исторически русскіе побѣдили въ этой вѣковой борьбѣ, они не только отразили опасность полонизаціи русскаго народа, но и агрессивно наступали на народъ польскій и дѣлали попытки его руссификаціи. Польское государство было раздавлено и разорвано, но польская душа сохранилась и съ еще большей напряженностью выразилъ себя польскій національный ликъ. Великій духовный подъемъ, выразившійся въ поль-

скомъ мессіанизмѣ, произошелъ уже послѣ гибели польскаго государства. Польскій народъ, обнаружившій такъ мало способностей къ государственному строительству, обладающій чертами индивидуалистическими и анархическими, оказался духовно сильнымъ и несокрушимымъ. И нѣтъ въ мірѣ народа, который обладалъ бы такимъ напряженнымъ національнымъ чувствомъ. Поляки совершенно не поддаются ассимиляціи. Именно у поляковъ идея національнаго мессіанизма достигла высочайшаго подъема и напряженія. Поляки внесли въ міръ идею жертвеннаго мессіанизма. И русскій мессіанизмъ всегда долженъ былъ казаться полякамъ не-жертвеннымъ, корыстнымъ, пригизающимъ на захватъ земли. Многое должно послѣ войны измѣниться во внѣшней, государственной судьбѣ Польши и не возможенъ уже возвратъ къ старому ея угнетенію. Внѣшнія отношенія Россіи и Польши кореннымъ образомъ мѣняются. Россія сознаетъ, что должна искупить свою историческую вину передъ Польшей. Но русская и польская душа все еще противостоятъ другъ другу, какъ страшно чуждая, безконечно разная, другъ другу непонятная. Внутренняго сближенія не происходитъ. Не явилось еще глубокой потребности понять друга. Польско-русскій вопросъ ставится и самими поляками и русскими слишкомъ внѣшне, въ планѣ политическомъ, и рѣшеніе его колеблется въ зависимости отъ колебанія политическихъ настроеній и военныхъ удачъ. Освобожденіе Польши сдѣлаетъ возможнымъ настоящее общеніе между Польшей и Россіей, настоящее сближеніе между поляками и русскими, которому донныя препятствовало угнетеніе Польши. Но что внутренне дѣлается для такого общенія и сближенія? Съ внѣшнимъ общавіямъ поляки относятся подозрительно. Нынѣ подозрѣнія эти исторически не основательны, но психологически поляки имѣютъ слишкомъ много для нихъ основаній. Духовно же слишкомъ мало дѣлается для сближенія съ поляками. И хотѣлось бы обратить особое вниманіе на то, что въ польско-русскихъ отношеніяхъ есть болѣе глубокая, духовная сторона. Только настоящее пониманіе можетъ быть освобождающимъ, оно избавляетъ отъ давящихъ отрицательныхъ чувствъ, и слѣдуетъ вникнуть и намъ, русскимъ, и полякамъ, почему русской душѣ всегда такъ трудно было

полюбить душу польскую, почему польская душа съ такимъ презрѣніемъ относилась къ душѣ русской? Почему такъ чужды и такъ непонятны другъ другу эти двѣ славянскія души? Внутри славянства произошло столкновение Востока и Запада. Славянскій Западъ чувствовалъ себя болѣе цивилизованнымъ, носителемъ единой европейской культуры. Славянскій Востокъ противопоставлялъ Западу свой собственный духовный типъ культуры и жизни.

II.

Я всегда думалъ, что распря Россіи и Польши есть, прежде всего, распря души православной и души католической. И внутри славянства это столкновение православной и католической души пріобрѣтаетъ особенную остроту. Россія исторически привыкла со стороны Запада охранять свою православную душу и свой особый духовный укладъ. Въ прошломъ колонизація и латинизація русскаго народа была бы гибелью его духовной самобытности, его національнаго лика. Польша шла на русскій Востокъ съ чувствомъ своего культурнаго превосходства. Русскій духовный типъ казался полякамъ не инымъ духовнымъ типомъ, а просто низшимъ и некультурнымъ состояніемъ. Историческая борьба Россіи съ Польшей имѣла положительный смыслъ, и духовное своеобразіе русскаго народа было въ ней утверждено навѣки. Воспоминаніе объ этой борьбѣ оставило въ душахъ обѣихъ народовъ слѣдъ столь глубокій, что и сейчасъ трудно отъ него освободиться. Россія выросла въ колосса, какъ государственнаго, такъ и духовнаго, и давно уже раздуваніе польской опасности, какъ и опасности католической, постыдно и обидно для достоинства русскаго народа. Болѣе сильному обидчику не подобаетъ кричать объ опасности со стороны болѣе слабого и имъ же раздавленнаго. Нынѣ передъ Россіей стоятъ задачи творческія, а не охранительно-утѣснительныя. Русская политика относительно Польши давно уже стала историческимъ пережиткомъ, она связана съ далекимъ прошлымъ и не даетъ возможности творить будущее. Въ этой неумной политикѣ виновный не могъ простить тому, передъ кѣмъ виновать. Это въ сферѣ внѣшне-государственной. Въ сферѣ

же внутренно-духовной русской душѣ все еще мѣшаетъ подойти къ душѣ польской чувство чуждости и враждебности, вызываемое латинско-католической прививкой къ славянской душѣ, создавшей польскій національный ликъ. Для погруженной въ себя русской души, получившей сильную православную прививку, многое не только чуждо и непонятно въ полякѣ, но непріятно, отталкиваетъ и вызываетъ вражду. И даже отпадавшіе отъ православія русскіе люди остаются православными по своему душевному типу, и труднѣе всего имъ постигнуть католическую культуру и душевный типъ, на ея почвѣ вырастающій. Германскій протестантизмъ менѣе отталкивалъ русскаго человѣка, и это было настоящимъ несчастьемъ для судьбы Россіи.

Въ типической русской душѣ есть много простоты, прямоты и безхитрности, ей чужда всякая аффектація, всякій взвинченный паэосъ, всякій аристократическій гоноръ, всякій жестъ. Это душа—легко опускающаяся и грѣшащая, кающаяся и до болѣзненности сознающая свое ничтожество передъ лицомъ Божиимъ. Въ ней есть какой то особый, совсѣмъ не западный демократизмъ на религіозной почвѣ, жажда спасенія всѣмъ народомъ. Все остается въ глубинѣ у русскаго народа и онъ не умѣетъ себя пластически-благообразно выявить. Въ русскомъ человѣкѣ такъ мало подтянутости, организованности души, закала личности, онъ не вытягивается вверхъ, въ складѣ души его нѣтъ ничего готическаго. Ждетъ русскій человѣкъ, что самъ Богъ организуетъ его душу и устроитъ его жизнь. Въ самыхъ высшихъ своихъ проявленіяхъ русская душа—странническая, ищущая града не здѣшняго и ждущая его сошествія съ неба. Русскій народъ въ своихъ низахъ погруженъ въ хаотическую, языческую еще земляную стихію, а на вершинахъ своихъ живетъ въ апокалиптическихъ чаяніяхъ, жаждетъ абсолютнаго и не мирится ни съ чѣмъ относительнымъ. Совсѣмъ иная душа польская. Польская душа—аристократична и индивидуалистична до болѣзненности, въ ней такъ сильно не только чувство чести, связанное съ рыцарской культурой, невѣдомой Россіи, но и дурной гоноръ. Это наиболѣе утонченная и изящная въ славянствѣ душа, упоенная своей страдальческой судьбой, патетическая до аффектаціи. Въ складѣ польской души русскихъ

всегда поражает условная эlegantность и сладость, недостаток простоты и прямоты, и отталкивает чувство превосходства и презрѣнія, отъ которыхъ не свободны поляки. Полякамъ всегда недоставало чувства равенства душъ человѣческихъ передъ Богомъ, братства во Христѣ, связаннаго съ признаніемъ безконечной цѣнности каждой человѣческой души. Особое духовное шляхетство отправляло польскую жизнь и сыграло роковую роль въ ихъ государственной судьбѣ. Русскій человѣкъ мало способенъ къ презрѣнію, онъ не любитъ давать чувствовать другому человѣку, что тотъ ниже его. Русскій человѣкъ гордъ своимъ смиреніемъ. Польская душа вытягивается вверхъ. Это—католическій духовный типъ. Русская душа расплывается передъ Богомъ. Это—православный духовный типъ. У поляка есть любовь къ жесту. У русскаго совсѣмъ нѣтъ жеста. Въ польской душѣ есть переживаніе Христова пути, страстей Христовыхъ, Голгоетской жертвы. На вершинахъ польской духовной жизни судьба польскаго народа переживается, какъ судьба агнца, приносимаго въ жертву за грѣхи міра. Таковъ польскій мессіаниззмъ, прежде всего жертвенный, не связанный съ государственной силой, съ устѣхомъ и господствомъ въ мірѣ... Отсюда рождается въ польской душѣ пагoтъ страданія и жертвы. Все по иному въ русской душѣ. Русская душа больше связываетъ себя съ заступничествомъ Богородицы, чѣмъ съ путемъ Христовыхъ страстей, съ переживаніемъ голгоетской жертвы. Въ русской душѣ есть настоящее смиреніе, но мало жертвенности. Русская душа отлаетъ себя церковному коллективизму, всегда связанному для нея съ русской землей. Въ польской душѣ чувствуется судорожное противленіе личности, способность къ жертвѣ и неспособность къ смиренію. Въ польской душѣ есть всегда отравленность страстями. Діонисизмъ русской души совсѣмъ иной, не такой окровавленный. Въ польской душѣ есть страшная зависимость отъ женщины, зависимость, нерѣдко принимающая отталкивающую форму, есть судорога и корчи. Эта власть женщины, рабство пола чувствуется очень сильно у современныхъ польскихъ писателей, Пшибышевскаго, Жеромскаго и др. Въ русской душѣ нѣтъ такого рабства у женщины. Любовь играетъ меньшую роль въ русской

жизни и русской литературѣ, чѣмъ у поляковъ. И русское сладострастіе, гениально выраженное Достоевскимъ; совсѣмъ иное, чѣмъ у поляковъ. Проблема женщины у поляковъ совсѣмъ иначе ставится, чѣмъ у французовъ,—эта проблема страданія, а не наслажденія.

III.

Въ каждой народной душѣ есть свои сильныя и свои слабыя стороны, свои качества и свои недостатки. Но нужно взаимно полюбить качества народныхъ душъ и простить ихъ недостатки. Тогда лишь, возможно истинное общеніе. Въ великомъ славянскомъ мірѣ должна быть и русская стихія и стихія польская. Историческая распря изжита и кончилась, начинается эпоха примиренія и единенія. Много можно было бы указать чертъ противоположныхъ въ народной русской душѣ и народной польской душѣ. Но можно открыть и черты общеславянскія, изобличающія принадлежность къ единой расѣ. Это общее и роднящее чувствуется на вершинахъ духовной жизни русскаго и польскаго народа, въ мессіанскомъ сознаніи. И русское и польское мессіанское сознаніе связываетъ себя съ христіанствомъ и одинаково полно оно апокалиптическихъ предчувствій и ожиданій. Жажда царства Христова на землѣ, откровенія Св. Духа есть жажда славянская, русская и польская жажда. Мицкевичъ и Достоевскій, Товянскій и Вл. Соловьевъ въ этомъ сходятся. И справедливость требуетъ признать, что польскій мессіанизмъ болѣе чистый и жертвенный, чѣмъ мессіанизмъ русскій. Много было грѣховъ въ старой шляхетской Польшѣ, но грѣхи эти искуплены жертвенной судьбой польскаго народа, пережитой имъ Голговою. Польскій мессіанизмъ—цвѣтъ польской духовной культуры—преодолѣваетъ польскіе недостатки и пороки, сжигаетъ ихъ на жертвенномъ огнѣ. Старая легкомысленная Польша съ магнатскими пирами, съ мазуркой и угнетеніемъ простаго народа перевоплотилась въ Польшу страдальческую. Но если польское мессіанское сознаніе и можетъ быть поставлено выше русскаго мессіанскаго сознанія, я вѣрю, что въ самомъ народѣ русскомъ есть болѣе

напряженная и чистая жажда правды Христовой и царства Христова на землѣ, чѣмъ въ народѣ польскомъ. Національное чувство искалѣчено у насъ, русскихъ, нашимъ внутреннимъ рабствомъ, у поляковъ—ихъ внѣшнимъ рабствомъ. Русскій народъ долженъ искупить свою историческую вину передъ народомъ польскимъ, понять чуждое ему въ душѣ Польши и не считать дурнымъ непохожий на его собственный духовный складъ. Польскій же народъ долженъ почувствовать и понять душу Россіи, освободиться отъ ложнаго и дурного презрѣнія, которому иной духовный складъ кажется низшимъ и некультурнымъ. Русская душа останется православной по своему основному душевному типу, какъ польская душа останется католической. Это глубже и шире православія и католичества, какъ вѣроисповѣданій, это—особое чувство жизни и особый складъ души. Но эти разныя народныя души могутъ не только понять и полюбить другъ друга, но и почувствовать свою принадлежность къ единой расовой душѣ и сознать свою славянскую миссію въ мірѣ.

Религія германизма.

I.

Мы представляемъ себѣ слишкомъ упрощенно нашего врага, плохо знаемъ и понимаемъ его душу, его чувство жизни, его міросозерцаніе, его вѣру. А справедливо говоритъ А. Бѣлый, что душа народа во время войны есть его тылъ, отъ котораго многое зависитъ (см. его статью «Современные нѣмцы» въ «Бирж. Вѣд.»). У насъ же обычно или совсѣмъ раздѣляютъ духъ и матерію германизма или ложно и упрощенно представляютъ себѣ ихъ соединеніе. Для однихъ не существуетъ никакой связи между старой Германіей,—Германіей великихъ мыслителей, мистиковъ, поэтовъ, музыкантовъ,—и новой Германіей,—Германіей матеріалистической, милитаристической, индустриалистической, имперіалистической. Связь между нѣмцемъ-романтикомъ, и мечтателемъ и нѣмцемъ-насильникомъ и завоевателемъ остается непонятной. Для другихъ германскій идеализмъ, въ концѣ концовъ, и должевъ былъ на практикѣ породить жажду мірового могущества и владычества, — отъ Канта идетъ прямая линія къ Круппу. Вторая точка зрѣнія дѣлаетъ изобличающую дедукцію, не покрывающую сложности жизни, и создаетъ упрощенную полемическую схему, но въ принципѣ она болѣе правильная. Необходимо установить связь между германскимъ духомъ и германской матеріей. Все матеріальное создается духовнымъ, символизируетъ духовное и не можетъ быть разсматриваемо, какъ самостоятельная реальность. Материализмъ есть лишь направленіе духа. То, что мы называемъ германскимъ матеріализмомъ,—ихъ техника и промышленность, ихъ военная сила, ихъ имперіалистическая жажда могущества, есть явленіе духа,

германскаго духа. Это—воплощенная германская воля. Нѣмцы менѣ всего матеріалисты, если подѣ материализмомъ понимать принятіе міра извнѣ, какъ матеріальнаго по объективно-реальному своему составу. Вся германская философія имѣетъ идеалистическое направленіе и материализмъ могъ быть въ ней лишь случайнымъ и незначительнымъ явленіемъ.

Нѣмецъ—не догматикъ и не скептикъ, онъ критицистъ. Онъ начинаетъ съ того, что отвергаетъ міръ, не принимаетъ извнѣ, объективно даннаго ему бытія, какъ не критической реальности. Нѣмецъ физически и метафизически—сѣверянинъ, и ему извнѣ объективно міръ не представляется освѣщеннымъ солнечнымъ свѣтомъ, какъ людямъ юга, какъ народамъ романскимъ. Первоощущеніе бытія для нѣмца есть, прежде всего, первоощущеніе своей воли, своей мысли. Онъ—волютаристъ и идеалистъ. Онъ—музыкально одаренъ и пластически бездаренъ. Музыка есть еще духъ субъективный, внутреннее состояніе духа. Пластика есть уже духъ объективный, воплощенный. Но въ сферѣ объективнаго, воплощеннаго духа нѣмцы оказались способными создавать лишь необычайную технику, промышленность, милитаристическія орудія, а не красоту. Безвкусіе нѣмцевъ, которое поражаетъ даже у величайшихъ изъ нихъ, даже у Гете, связано съ перенесеніемъ центра тяжести жизни во внутреннее напряженіе воли и мысли. Со стороны чувственности, какъ эстетической категоріи, нѣмцы совсѣмъ не приемлемы и не переносимы. Въ жизни же чувства они могутъ быть лишь сантиментальными.

Настоящій, глубокій нѣмецъ всегда хочетъ, отвергнувъ міръ, какъ что-то догматически навязанное и критически не провѣренное, возсоздать его изъ себя, изъ своего духа, изъ своей воли и чувства. Такое направленіе германскаго духа опредѣлилось еще въ мистикѣ Экхардта, оно есть у Лютера и въ протестантизмѣ, и съ большой силой обнаруживается и обосновывается въ великомъ германскомъ идеализмѣ, у Канта и Фихте, и по другому у Гегеля и Гартмана. Ошибочно было бы назвать это направленіе германскаго духа феноменализмомъ. Это—своеобразный онтологизмъ, онтологизмъ рѣзко волютаристической окраски. Германецъ по природѣ метафизикъ, и свои физическія орудія создаетъ онъ съ метафизическимъ паэосомъ, онъ никогда не бываетъ наивно-

реалистиченъ. И самый нѣмецкій гносеологизмъ есть особаго рода метафизика. Нѣмецъ добился таки того, что орудія мысленныя, идеальныя превратилъ въ реальныя орудія борьбы.

Фаустъ перешелъ отъ идеальныхъ исканій, отъ магій, метафизики и поэзіи въ реальному земному дѣлу. «Im Anfang war die That!». Въ началѣ былъ волевой актъ, актъ нѣмца, вызвавшей къ бытію весь міръ изъ глубины своего духа. Все рождается изъ тьмы, изъ хаоса безформенныхъ переживаній черезъ актъ воли, черезъ актъ мысли. И нѣмецъ ничего не склоненъ принимать до совершеннаго имъ That'a. Въ немъ нѣтъ никакого пассивно-женственнаго пріятія міра, другихъ людей другихъ народовъ, нѣтъ никакихъ братскихъ и эротическихъ чувствъ къ космической іерархіи живыхъ существъ. Все должно пройти черезъ нѣмецкую активность и организацію. Германецъ по природѣ своей не эротиченъ и не склоненъ къ брачному соединенію.

II.

Германецъ ощущаетъ хаосъ и тьму въ изначальномъ, онъ очень чувствуетъ ирраціональное въ міровой данности. Это раскрывалось въ германской мистикѣ. Но онъ не потерпитъ хаоса, тьмы и ирраціональности послѣ совершеннаго его волей и мыслью акта. Гдѣ коснулась бытія рука германца, тамъ все должно быть рационализировано и организовано. Міръ изначально предстоить германцу темнымъ и хаотическимъ, онъ ничего не принимаетъ, ни къ чему и ни къ кому въ мірѣ не относится съ братскимъ чувствомъ. Но послѣ совершеннаго имъ That'a, послѣ акта его мысли и его воли, все мѣняется, впервые является настоящей міръ, міръ рациональный и упорядоченный, въ которомъ все поставлено на свое мѣсто, мѣсто, отведенное нѣмецкимъ духомъ. Обратный стороной этого исконно-германскаго въ германской мистикѣ и философіи отраженнаго первоощущенія ирраціональнаго, безсознательнаго, хаотическаго является требованіе, чтобы все было организовано, дисциплинировано, оформленно, рационализировано. Предъ нѣмецкимъ сознаниемъ стоитъ категорическій императивъ, чтобы все было приведено въ порядокъ. Міровой безпорядокъ

долженъ быть прекращенъ самимъ нѣмцемъ, а нѣмцу все и вся представляется безпорядкомъ.

Міровой хаосъ долженъ быть упорядоченъ нѣмцемъ, все въ жизни должно быть имъ дисциплинировано изнутри. Отсюда рождаются непомѣрные притязанія, которыя переживаются нѣмцемъ какъ долгъ, какъ формальный, категорическій императивъ. Свои насилія надъ бытіемъ нѣмцы совершаютъ съ моральнымъ паеосомъ. Нѣмецкое сознание всегда нормативное. Нѣмецъ не приобщается къ тайнамъ бытія, онъ ставитъ передъ собой задачу, долженствованіе. Онъ колетъ глаза всѣму міру своимъ чувствомъ долга и своимъ умѣніемъ его исполнять. Другіе народы нѣмецъ никогда не ощущаетъ братски, какъ равные передъ Богомъ, съ принятіемъ ихъ души, онъ всегда ихъ ощущаетъ, какъ безпорядокъ, хаосъ, тьму, и только самого себя ощущаетъ нѣмецъ, какъ единственный источникъ порядка, организованности и свѣта, культуры для этихъ несчастныхъ народовъ. Отсюда—органическое культуртрегерство нѣмцевъ. Въ государствѣ и въ философіи порядокъ и организація могутъ идти лишь отъ нѣмцевъ. Остальное человечество находится въ состояніи смѣшенія, не умѣетъ отвести всему своего мѣста.

Германецъ охотно признаетъ, что въ основѣ бытія лежитъ не разумъ, а бессознательное, Божественное безуміе (пессемизмъ, Гартманъ, Дреусъ). Но черезъ германца это бессознательное приходитъ въ сознание, безумное бытіе упраздняется и возникаетъ бытіе сознательное, бытіе разумное. Для Гегеля въ германской философіи и на ея вершинѣ, въ философіи самого Гегеля, Богъ окончательно сознаетъ себя. Въ этомъ съ гегелевскимъ оптимизмомъ очень сходится гартмановскій пессивизмъ, для котораго тоже процессъ самосознанія Божества происходитъ въ германскомъ духѣ. Тотъ же процессъ совершается и у неокантианцевъ, хотя и по иному выражается. И для нихъ трансцендентальное, нормативное сознание упорядочиваетъ и организуетъ хаосъ міровой данности. И есть большія основанія предполагать, что это трансцендентальное сознание есть нѣмецкое сознание, что за нимъ стоитъ чисто нѣмецкая воля. Обычно такое сознание называютъ имманентизмомъ. Но это конечно,—не единственная возможная форма имманентизма. Это сознание

очень подтянутое. всегда дисциплинированное и организованное изнутри, изъ собственной глубины, въ которой заложена германская воля, сильная воля. Такое сознаніе импонируетъ, но эстетически не привлекаетъ. И нужно сказать, что трагедія германизма есть, прежде всего, трагедія избыточной воли, слишкомъ притязательной, слишкомъ напряженной, ничего не признающей внѣ себя, слишкомъ исключительно мужественной, трагедія внутренней безбрачности германскаго духа. Это — трагедія, противоположная трагедіи русской души. Германскій народъ—замѣчательный народъ, могущественный народъ, но народъ, лишенный всякаго обаянія.

III.

Германскій народъ долгое время внутренне накоплялъ свою энергію, напрягалъ свою мысль и волю, чтобы потомъ явить міру манифестацію и матеріальной своей силы. Германецъ чувствуетъ себя организаторомъ изнутри, вносящимъ порядокъ и дисциплину въ міровой хаосъ. Такъ въ области мысли, въ философіи, такъ и въ жизни практической, въ государственности, въ промышленности, въ военной технику вѣмецъ всегда вдохновленъ категорическимъ императивомъ, и только одного себя почитаетъ онъ способнымъ выполнять долгъ. Въ категорическій императивъ, въ долгъ вѣмецъ вѣрится больше, чѣмъ въ бытіе, чѣмъ въ Бога. На этомъ стоятъ Кантъ и Фихте и многіе великіе вѣмцы. И это дѣлаетъ самыя добродѣтели вѣмецкія съ трудомъ переносимыми. Намъ, русскимъ, особенно противенъ этотъ вѣмецкій формалистическій паосъ, это желаніе все привести въ порядокъ и устроить.

Германецъ, прежде всего, вѣрится въ свою волю, въ свою мысль, и имъ самимъ изнутри поставленный категорическій императивъ, въ свою организаторскую миссію въ мірѣ, духовную и матеріальную. Онъ также хорошо все организуетъ въ гносеологіи и методологіи, какъ и въ технику и промышленности. И вотъ наступилъ моментъ, когда германскій духъ созрѣлъ и внутренне приготовился, когда германская мысль и воля должны направиться на внѣшній міръ, на его организацію и упорядочиваніе, на весь міръ

который германцу представлялся безпорядочнымъ и хаотическимъ. Воля къ власти надъ міромъ родилась на духовной почвѣ, она явилась результатомъ нѣмецкаго вопріятія міра, какъ безпорядочнаго, а самого нѣмца, какъ носителя порядка и организаціи. Кантъ построилъ духовныя казармы. Современные нѣмцы предпочитаютъ строить казармы матеріальныя. Нѣмецкая гносеологія есть такая же муштровка, какъ и нѣмецкій имперіализмъ. Нѣмецъ чувствуетъ себя свободнымъ лишь въ казармѣ. На вольномъ воздухѣ онъ ощущаетъ давленіе хаотической необходимости. Въ пониманіи свободы мы никогда съ нѣмцами не сговоримся. Нѣмецъ погрузился въ матерію, въ матеріальную организацію и матеріальное властвованіе на почвѣ своего спиритуализма. Изъ духа сталъ онъ матеріалистомъ, создалъ могущественный матеріальный міръ и духъ его изошелъ въ матерію. Могущественная, угрожающая всему міру германская матерія есть эманация германскаго духа, и духъ германскій истощился въ этой эманации, умалился отъ этого напряженія во внѣ. Въ германскомъ духѣ нѣтъ безграничности,—это въ своемъ родѣ великій и глубокий духъ, но ограниченный, отмѣренный духъ, въ немъ нѣтъ славянской безмѣрности и безгранности. Духъ Достоевскаго—не истощимъ.

Величайшія явленія германскаго духа, какъ Беме, Ангелусъ Силезіусъ, Балдаръ или Гете, Гофманъ, Новалисъ, выходятъ за предѣлы той «германской идеи», которую я пытаюсь характеризовать, на основаніи линіи германизма, такова. Въ сложномъ отношеніи къ «германской идеѣ» стоитъ Ницше, который по духу своему и по крови не былъ чистымъ германцемъ. Германскій духъ, очень сильный духъ, хочеть въ концѣ концовъ, породить своеобразную германскую религію германизма, которая вступаетъ въ антагонизмъ съ христіанствомъ. Въ этой религіи нѣтъ Христава духа. Нынѣ Древсъ очень характерный выразитель этой религіи германизма, а также Чемберленъ. Р. Вагнеръ былъ ея пророкомъ. Это—чисто арійская, антисемитическая религія, религія гладкаго и прѣснаго монизма, безъ безумной антиномичности, безъ апокалипсиса. Въ этой германской религіи нѣтъ покаянія и нѣтъ жертвы. Германецъ менѣе всего способенъ къ покаянію. И онъ можетъ быть

добродѣтельнымъ, нравственнымъ, совершеннымъ, честнымъ, но почти не можетъ быть святымъ. Покаяніе подмѣняется пессимизмомъ. Германская, религія относить источникъ зла къ бессознательному божеству, къ изначальному хаосу, но никогда не къ человѣку, не къ самому германцу. Германская религія есть чистѣйшее монофизитство, признаніе лишь одной и единой природы—божественной, а не двухъ природъ—божественной и человѣческой, какъ въ христіанской религіи. Поэтому, какъ бы высоко, по видимости, эта германская религія не возносила человѣка, она, въ концѣ концовъ въ глубочайшемъ смыслѣ отрицаетъ человѣка, какъ самобытное религіозное начало.

Въ такомъ чисто монистическомъ, монофизитскомъ религіозномъ сознаниіи не можетъ быть пророчествъ о новой жизни, новой міровой эпохѣ, о новой землѣ и новомъ небѣ, нѣтъ исканій новаго града, столь характерныхъ для славянства. Нѣмецкая монистическая организація, нѣмецкій порядокъ не допускаютъ апокалиптическихъ переживаній, не терпятъ ощущеній наступленія конца стараго міра, они закрѣпляютъ этотъ міръ въ плохой безконечности. Апокалипсисъ германцы цѣликомъ предоставляютъ русскому хаосу, столь ими презираемому. Мы же презираемъ этотъ вѣчный нѣмецкій порядокъ.

V.

Міръ германскій и есть центральная Европа по преимуществу. Германскіе идеологи сознаютъ германцевъ создателями и хранителями центрально-европейской культуры. Францію, Англію, Италію, Россію ощущаютъ они окраинами Европы. Судьба германизма представляется судьбой Европы, побѣда германизма—побѣдой европейской культуры. Религія германизма сознаетъ германскій народъ той единственной чистой арійской расой, которая признана утверждать европейскую духовную культуру не только усилиями духа, но также кровью и желѣзомъ. Германизмъ хотѣлъ бы навѣки закрѣпить міровое главенство центральной Европы, онъ стремится распространить свое вліяніе на Востокъ, въ Турцію и Китай, но мѣшаетъ настоящему выходу за предѣлы

Европы и замкнутой европейской культуры. Повсюду германизмъ, одержимый идеей своей исключительной культурной миссіи, несетъ свою замкнуто-европейскую и замкнуто-германскую культуру, ничѣмъ не обогащаясь, никого и ничего въ мірѣ не признавая... И эти притязанія германско-европейскаго централизма являются великомъ препятствіемъ на путяхъ соединенія Востока и Запада, т. е. рѣшенія основной задачи всемірной исторіи.

Этихъ исключительныхъ притязаній германскаго духа не можетъ вынести весь остальной мірѣ. Германскіе идеологи даже расовую антропологическую теорію объ исключительныхъ преимуществахъ длинноголовыхъ блондиновъ превратили въ нѣчто вродѣ религіознаго германскаго мессіанизма. Въмѣсто «арійцевъ» ввели въ употребленіе терминъ «индо-германцы». Духъ тевтонской гордости пропиталъ всю германскую науку и философію. Нѣмцы не довольствуются инстинктивнымъ презрѣніемъ къ другимъ расамъ и народамъ, они хотятъ презирать на научномъ основаніи, презирать упорядочено, организовано и дисциплинированно. Нѣмецкая самоувѣренность всегда педантическая и методологически обоснованная. Мы, русскіе, менѣе всего можемъ вынести господство притязаній религіи германизма. Мы должны противопоставить ей свой духъ, свою религію, свои чаянія. Это не мѣшаетъ намъ цѣнить великія явленія германскаго духа, питаться ими, какъ и всѣмъ великимъ въ мірѣ. Но гордыня германской воли должна быть противопоставлена наша религіозная воля. Центральной германской Европѣ не можетъ принадлежать міровое господство, ея идея—не міровая идея. Въ русскомъ духѣ заключенъ большій христіанскій универсализмъ, большее признаніе всѣхъ и всего въ мірѣ.

IV.

Психологія войны и смысль войны.

Мысли о природѣ войны.

I.

Не о нынѣшней войнѣ хочу я говорить, а о всякой войнѣ. Что является собою война? Какъ философски осмыслить войну? При поверхностномъ взглядѣ война есть передвиженіе и столкновение матеріальныхъ массъ, физическое насиліе, убійство, калѣчевіе, дѣйствіе чудовищныхъ механическихъ орудій. Кажется, что война есть исключительное погруженіе въ матерію и не имѣетъ никакого отношенія къ духу. Люди духа иногда съ легкостью отворачиваются отъ войны, какъ отъ чего-то внѣшне-матеріальнаго, какъ чуждаго зла, насильственно навязаннаго, отъ котораго можно и должно уйти въ высшія сферы духовной жизни.

Иные отвергаютъ войну съ дуалистической точки зрѣнія, по которой существуетъ совершенно самостоятельная сфера матеріальная, внѣшняго, насильственнаго, отдѣльная и противоположная духовному, внутреннему и свободному. Но все матеріальное есть лишь символъ и знакъ духовной дѣйствительности, все внѣшнее есть лишь манифестація внутренняго, все принуждающее и насилующее есть ложно направленная свобода. Внутренно осмыслить войну можно лишь съ монистической, а не дуалистической точки зрѣнія, т.-е., увидавъ въ ней символику того, что происходитъ въ духовной дѣйствительности. Можно сказать, что война происходитъ въ небесахъ, въ иныхъ планахъ бытія, въ глубинахъ духа, а на плоскости матеріальной видны лишь внѣшніе знаки того, что совершается въ глубинѣ. Физическое насиліе, завершающееся убійствомъ, не есть что-то само по себѣ существующее, какъ самостоятельная реальность,—оно есть знакъ духовнаго насилія, совершившагося въ духовной дѣйствительности зла. Природа войны, какъ матеріальнаго насилія, чисто рефлексивная, знаковая, симптоматическая, не самостоятельная. Война не есть источникъ зла, а лишь рефлексъ на зло, знакъ существованія внутренняго зла и болѣзни. Природа войны—символическая.

Такова природа всякаго матеріальнаго насилія, — оно всегда вторично, а не первично. Извѣстное состояніе духовной дѣйствительности, въ которомъ пребываетъ человѣчество, неизбѣжно должно пользоваться матеріальными знаками, какъ орудіями, безъ которыхъ не можетъ реализовать себя духовная жизнь. Для выраженія своей духовной жизни человѣкъ долженъ двигать руками, ногами, языкомъ, т. е. прибѣгать къ матеріальнымъ знакамъ, безъ которыхъ нельзя выразить любви или ненависти, нельзя осуществить волевыхъ стремленій. И война есть сложный комплекс матеріальнаго передвиженія ногъ и рукъ, разныхъ орудій, приводимыхъ въ движеніе человѣческой волей. Принципіально допустима возможность духовной жизни безъ матеріальныхъ знаковъ и орудій, но это предполагаетъ иной уровень духовной дѣйствительности, котораго не достигло сейчасъ человѣчество и міръ.

Бываютъ болѣзни, которыя сопровождаются сыпью на лицѣ. Сыпь эта есть лишь знакъ внутренней болѣзни. Внѣшнее устраненіе сыпи лишь вгоняетъ болѣзнь внутрь. Отъ этого болѣзнь можетъ даже ухудшиться. Нужно самую внутреннюю болѣзнь лѣчить. Зло войны есть знакъ внутренней болѣзни человѣчества. Матеріальныя насилія и ужасы войны лишь сыпь на тѣлѣ человѣчества, отъ которой нельзя избавиться внѣшне и механически. Всѣ мы виновны въ той болѣзни человѣчества, которая высыпаетъ войной. Когда вскрывается гнойный нарывъ, то нельзя видѣть зла въ самомъ вскрытіи нарыва. Иногда это вскрытіе нужно сдѣлать насильственно для спасенія жизни.

Въ глубинѣ духовной дѣйствительности давно уже началась міровая война, міровая вражда, ненависть и взаимоистребленіе. И та война, которая началась въ концѣ іюля 1914 года, есть лишь матеріальный знакъ совершающейся въ глубинѣ духовной войны и тяжелаго духовнаго недуга человѣчества. Въ этомъ духовномъ недугѣи духовной войнѣ есть круговая порука всѣхъ и никто не въ силахъ отклонить отъ себя послѣдствія внутренняго зла, внутренняго убійства, въ которомъ всѣ мы жили. Война не создала зла, она лишь выявила зло. Все современное человѣчество жило ненавистью и враждой. Внутренняя война была прикрыта лишь поверхностнымъ покровомъ мирной буржуазной жизни

и ложь этого буржуазнаго мира, который многумъ казался вѣчнымъ, должна была быть разоблачена. Истребленіе человѣческой жизни, совершаемое въ мирной буржуазной жизни, не менѣе страшно, чѣмъ то, что совершается на войнѣ.

II.

Въ Евангеліи сказано, что нужно больше бояться убивающихъ душу, чѣмъ убивающихъ тѣло. Физическая смерть менѣе страшна, чѣмъ смерть духовная. А до войны, въ мирной жизни убивались души человѣческія, угашался духъ человѣческій, и такъ привычно это было, что перестали даже замѣчать ужасъ этого убійства. На войнѣ разрушаютъ физическую оболочку человѣка, ядро же человѣка, душа его можетъ остаться не только не разрушенной, но можетъ даже взродиться. Очень характерно, что болѣе всѣхъ боятся войны и убійства на войнѣ — позитивисты, для которыхъ самое главное, чтобы человѣку жилось хорошо на землѣ, и для которыхъ жизнь исчерпывается эмпирической данностью. Тѣхъ, кто вѣритъ въ безконечную духовную жизнь и въ цѣнности, превышающія всѣ земныя блага, ужасы войны и физическая смерть не такъ страшатъ. Этимъ объясняется то, что принципиальные пацифисты встрѣчаются чаще среди гуманистовъ-позитивистовъ, чѣмъ среди христіанъ. Религіозный взглядъ на жизнь глубже видитъ трагедію смерти, чѣмъ взглядъ позитивно-поверхностный. Война есть страшное зло и глубокая трагедія, но зло и трагедія не во внѣшне взятомъ фактѣ физическаго насилія и истребленія, а гораздо глубже. И на глубинѣ этой зло и трагедія всегда даны уже до войны и до ея насилій.

Война лишь проявляетъ зло, она выбрасываетъ его наружу. Внѣшній фактъ физическаго насилія и физическаго убійства нельзя разсматривать, какъ самостоятельное зло, какъ источникъ зла. Глубже лежатъ духовное насиліе и духовное убійство. А способы духовнаго насилія очень тонки и съ трудомъ уловимы. Иныя душевныя движенія и токи, иныя слова, иныя чувства и дѣйствія, не имѣющія признаковъ физическаго насилія, болѣе убійственны и смертоносны, чѣмъ грубое физическое насиліе и разрушеніе.

Отвѣтственность человѣка должна быть расширена и углублена. И, поистинѣ, человѣкъ чаще бываетъ насильни-

комъ и убійцей, чѣмъ онъ самъ это подозрѣваетъ и чѣмъ подозрѣваютъ это о немъ. Нельзя лишь въ войнѣ видѣть насиліе и убійство. Вся наша мирная жизнь покоится на насиліи и убійствѣ. И до начала нынѣшней мировой войны мы носиловали и убивали въ самой глубинѣ жизни не меньше, чѣмъ во время войны. Война лишь выявила и проэцировала на матеріальномъ планѣ наши старыя насилія и убійства, вашу ненависть и вражду. Въ глубинахъ жизни есть темный, ирраціональный источникъ. Изъ него рождаются глубочайшія трагическая противорѣчія. И человѣчество, не просвѣтившее въ себѣ божественнымъ свѣтомъ этой темной древней стихіи, неизбѣжно проходить черезъ крестный ужасъ и смерть войны. Въ войнѣ есть имманентное искупленіе древней вины. Не дано человѣчеству, оставаясь въ старомъ злѣ и древней тьмѣ, избѣжать имманентныхъ послѣдствій въ формѣ ужасовъ войны. Въ отвлеченныхъ пожеланіяхъ пасифизма избѣжать войны, оставляя человѣчество въ прежнемъ состояніи, есть что-то дурное. Это—желаніе сбросить съ себя отвѣтственность. Война есть имманентная кара и имманентное искупленіе. Въ войнѣ ненависть переплавляется въ любовь, а любовь въ ненависть. Въ войнѣ соприкасаются предѣльныя крайности и дьявольская тьма переплетается съ божественнымъ свѣтомъ. Война есть матеріальное выявленіе исконныхъ противорѣчій бытія, обнаруженіе ирраціональности жизни. Пасифизмъ есть раціоналистическое отрицаніе ирраціонально-темнаго въ жизни. И невозможно вѣрить въ вѣчный раціональный миръ. Недаромъ Апокалипсисъ пророчествуетъ о войнахъ. И не предвидитъ христіанство мирнаго и безболѣзненнаго окончанія мировой исторіи. Внизу отражается то же, что и наверху, на землѣ то же, что и на небѣ. А вверху, на небѣ, ангелы Божьи борются съ ангелами сатаны. Во всѣхъ сферахъ космоса бушуетъ огненная и яростная стихія и ведется война. И на землю Христось принесъ не миръ, но мечъ. Въ этомъ глубокая антиномія христіанства: христіанство не можетъ отвѣчать на зло зломъ, противиться злу насиліемъ, и христіанство есть война, раздѣленіе міра, изживаніе до конца искупленія креста въ тьмѣ и злѣ.

Христіанство есть сплошное противорѣчіе. И христіанское отношеніе къ войнѣ роковымъ образомъ противорѣчиво-

Христіанская война невозможна, какъ невозможно христіанское государство, христіанское насиліе и убійство. Но весь ужасъ жизни изживается христіаниномъ, какъ крестъ и искупленіе вины, Война есть вина, но она также есть и искупленіе вины. Въ ней неправедная, грѣшная злая жизнь возносится на крестъ.

III.

Мы всѣ виноваты въ войнѣ, всѣ отвѣтственны за нее и не можемъ уйти отъ круговой поруки. Зло, живущее въ каждомъ изъ насъ, выявляется въ войнѣ, и ни для кого изъ насъ война не есть что-то внѣшнее, отъ чего можно отвергнуться. Необходимо взять на себя отвѣтственность до конца. И мы постоянно ошибаемся, думая, что снимаемъ съ себя отвѣтственность или не принимаемъ ее вовсе. Нельзя грубо внѣшне понимать участіе въ войнѣ и отвѣтственность за нее. Мы всѣ такъ или иначе участвуемъ въ войнѣ. Уже тѣмъ, что я принимаю государство, принимаю національность, чувствую всенародную круговую поруку, хочу побѣды русскимъ, я—участвую въ войнѣ и несу за нее отвѣтственность. Когда я желаю побѣды русской арміи, я духовно убиваю и беру на себя отвѣтственность за убійство, принимаю вину. Низко было бы возложить на другихъ убійство, которое нужно и мнѣ, и дѣлать видъ передъ самимъ собой, что въ этомъ убійствѣ я не участвую. Тѣ, которые ѣдятъ мясо, участвуютъ въ убійствѣ животныхъ и обязаны сознавать отвѣтственность за это убійство. Лицемерно дѣлать видъ, что мы сами никогда не насилуемъ и не убиваемъ, и неспособны насиловать и убивать, что другіе несутъ за это отвѣтственность. Каждый изъ насъ пользуется полиціей, нуждается въ ней, и лицемерно дѣлать видъ, что полиція не для меня. Всякій искренно желающій вытѣснить нѣмцевъ изъ предѣловъ Россіи духовно убиваетъ не менѣе, чѣмъ солдаты, которые идутъ въ штыковую атаку. Убійство—не физическое, а нравственное явленіе, и оно прежде всего совершается духовно. Стрѣляющій и колющій солдатъ менѣе отвѣтственъ за убійство, чѣмъ тотъ, въ комъ есть руководящая воля къ побѣдѣ надъ врагомъ, непосредственно не наносящая физическаго удара. Нравственно предосудительно желать быть вполне чистымъ и свободнымъ отъ вины на-

силія и убійства, и въ то же время желать для себя, для своихъ близкихъ, для своей родины того, что покушается насиліемъ и убійствомъ. Есть искупленіе въ самомъ принятіи на себя вины. Виновность бываетъ нравственно выше чистоты. Это—нравственный парадоксъ, который слѣдуетъ глубоко продумать. Исключительное стремленіе къ собственной чистотѣ, къ охраненію своихъ бѣлыхъ одеждъ не есть высшее нравственное состояніе. Нравственно выше—взложить на себя отвѣтственность за ближнихъ, принявъ общую вину. Я думаю, что въ основѣ всей культуры лежитъ та же вина, что и въ основѣ войны, ибо вся она въ насиліи рождается и развивается. Но зло, творимое культурой, какъ и зло творимое войной,—вторично, а не первично, оно—отвѣтъ на зло изначальное, на тьму, обнимающую первооснову жизни.

IV.

Къ войнѣ невозможно подходить доктринерски-раціоналистически. Доктринерскій абсолютизмъ въ оцѣнкѣ жизни всегда безжизненъ, насильственъ, всегда есть фарисейское превозношеніе субботы надъ человѣкомъ. Но человѣкъ, выше субботы и суббота не должна быть абсолютнымъ принципомъ жизни. Возможна и желанна лишь жизненно-пластическая мораль, для которой все въ мірѣ есть индивидуально творческая задача. Къ сферѣ относительнаго не примѣнимо абсолютное. Въ исторически-тѣлесномъ мірѣ нѣтъ ничего абсолютнаго. Возможна абсолютная жизнь, но невозможно примѣнить абсолютное къ жизни относительной. Абсолютная жизнь есть жизнь въ любви. Въ абсолютной жизни не можетъ быть войны, насилія и убійства. Убійство, насиліе, война есть знакъ жизни относительной, исторически-тѣлесной, не божественной. Въ историческомъ тѣлѣ, въ матеріальной ограниченности невозможна абсолютная божественная жизнь. Мы живемъ въ насиліи, поскольку живемъ въ физическомъ тѣлѣ. Законы матеріальнаго міра—законы насилія. Абсолютное отрицаніе насилія и войны возможно лишь, какъ явленіе глубоко индивидуально, а не какъ норма и законъ. Это предполагаетъ одухотвореніе, побѣждающее «міръ», и его родовой законъ, просвѣтлѣніе тѣла человѣческаго нездѣшнимъ свѣтомъ. Но къ жизни въ матеріи этого міра нельзя примѣнить абсолютнаго, какъ законъ

и норму. Евангеліе не есть законъ жизни. Абсолютное не примѣняется, а достигается. Абсолютная жизнь есть благодатная жизнь, а не жизнь, исполняющая законъ и норму. Законническое примѣненіе абсолютнаго къ относительному и есть субботничество, заклеимевное Христомъ.

Абсолютная истина о непротивлевіи злу насиліемъ не есть законъ жизни въ этомъ хаотическомъ и темномъ мірѣ, погруженномъ въ матеріальную относительность, внутренне проникнутомъ раздѣленіемъ и враждой. Пусть этотъ міръ перейдетъ къ абсолютной жизни въ любви. Желать можно только этого и только къ этому можно стремиться. Совершается это таинственно и незримо, какъ незримо приходитъ Царство Божіе. Но не имѣетъ никакого внутренняго смысла желать внѣшняго мира и отрицать всякое внѣшнее насиліе, оставляя внутренне міръ въ прежнемъ хаосѣ, тьмѣ, злобѣ и враждѣ. Это ничего не значить. Навязываніе абсолютнаго закона относительной жизни есть доктринерство, лишенное всякаго внутренняго смысла. Желать можно лишь внутренняго здоровья, а не внѣшняго обличья здоровья при внутренней болѣзни. Нельзя достаточно сильно подчеркивать, что абсолютная Христова любовь есть новая благодатная жизнь духа, а не законъ для относительной матеріальной жизни. Вотъ почему безконечно сложна проблема отношенія христіанства къ войнѣ.

Войну можно принять лишь трагически-страдальчески. Отношеніе къ войнѣ можетъ быть лишь автнормическое. Это—изживаніе внутренней тьмы міровой жизни, внутренняго зла, принятіе вины и искупленія. Благодушное, оптимистическое, исключительно радостное отношеніе къ войнѣ—не допустимо и безнравственно. Мы войну и принимаемъ и отвергаемъ. Мы принимаемъ войну во имя ея отверженія. Милитаризмъ и пасифизмъ—одинаковая ложь. И тамъ, и здѣсь—внѣшнее отношеніе къ жизни. Принятіе войны есть принятіе трагическаго ужаса жизни. И если въ войнѣ есть озвѣреніе и потеря человѣческаго облика, то есть въ ней и великая любовь, преломленная во тьмѣ.

О жестокости и боли.

I.

Много говорятъ о жестокости нашихъ дней, нашей эпохи, о невозможности вынести количество боли, выпадающее на долю нашего поколѣнія. Многимъ даже представляется время наше болѣе жестокимъ, чѣмъ былия историческія времена. Это—иллюзія и самообманъ. Мы слишкомъ мало воспріимчивы къ жестокости жизни, вообще, слишкомъ привыкли къ болямъ обыденной жизни. И нужны исключительныя внѣшнія проявленія жестокости, чтобы ранить нашу душу и поразить наше воображеніе. До войны и ея ужасовъ мы каждый день совершали много жестокаго и претерпѣвали много жестокихъ болей. Процессъ всякой жизни—жестокъ и болѣзнененъ. Но воспріимчивость наша притупилась, кожа наша стала толстой. И мы ужасаемся жестокостямъ войны, въ нашемъ сострадательномъ паосѣ есть доля безсознательнаго лицемѣрія. Ростъ жизни всегда сопровождается болью. Когда мы творимъ жизнь, мы совершаемъ много жестокостей и много жестокостей совершается надъ нами. Мы убиваемъ не только тогда, когда колемъ штыкомъ и стрѣляемъ изъ ружья. Въ сущности тотъ, кто принимаетъ міровой процессъ, историческое развитіе, тѣмъ самымъ принимаетъ жестокость и боль и оправдываетъ ихъ. Есть жестокость и болѣзненность во всякомъ процессѣ развитія, во всякомъ выходѣ изъ состоянія покоя и бездвижности, во всякомъ восхожденіи. Героическое началс—жестокое начало. Съо движеніе уже болѣзненно. Болѣзненъ самый элементарный механическій толчекъ, порождающій движеніе. И такъ до самыхъ высшихъ проявленій духовной жизни. И кто хо-

четь свершенія историческихъ судебъ человѣчества, его развитія ввысь, тотъ обязанъ принять жестокость и боль, заковать себя въ броню. Тотъ же, кто не хочетъ никакой жестокости и боли,— не хочетъ самаго возникновенія міра и мірового процесса, движенія и развитія, хочетъ, чтобъ бытіе осталось въ состояніи первоначальной бездвижимости и покоя, чтобы ничто не возникало. Таковъ неотвратимый метафизическій выводъ.

II.

Въ исторической жизни всякое движеніе впередъ начинается съ нарушенія установившейся системы приспособленія и равновѣсія, съ всегда мучительнаго выхода изъ состоянія относительной гармоніи. Болѣзненно трудно разставаться съ привычнымъ строемъ жизни, съ тѣмъ, что казалось уже органически вѣчнымъ. Но необходимо пройти черезъ моментъ разрыва и дисгармоніи. И это всегда болѣзненно. Но эту болѣзненность, эту жестокость начала всякаго движенія долженъ принять всякій, кто не хочетъ вѣчнаго застоя и покоя, кто ищетъ развитія и новой жизни. Жестокъ и болѣзнененъ переходъ отъ патріархальнаго строя жизни къ иному, болѣе сложному строю, въ которомъ подымается личное начало, до того времени дремавшее. Болѣзненно и жестоко всякое нарушеніе первоначальной цѣлости и органичности. Просыпающаяся, подымающаяся и сознающая себя личность всегда жестока въ отношеніи къ окружающей ее средѣ и господствующей въ ней системѣ приспособленія, она не можетъ не причинять боли. Какъ много жестокости и боли бываетъ при всякомъ разрывѣ личности съ семьей, которая давить своей системой приспособленія! Какъ много жестокости и боли бываетъ во всякой борьбѣ за цѣнность, которая ставится выше блага! Болѣзненна и мучительтельна замѣна натурального хозяйства денежнымъ, болѣзненно и мучительно разложеніе общины, разложеніе стараго строя семьи, болѣзненъ и мучителенъ всякій разрывъ со старыми устоями жизни, со старыми идеями, болѣзненъ и мучителенъ всякій духовный и идейный кризисъ. Безболѣзненно оставаться въ покоѣ и бездвижности. Съ точки зрѣнія состраданія къ людямъ и

человѣческимъ поколѣніямъ, боязни боли и жестокости, лучше оставаться въ старой системѣ приспособленія, ничего не искать, ни за какія цѣнности не бороться. Жестокость сопровождаетъ всякое зачинающееся движеніе, всякій разрывъ, предшествующій творчеству.

Исключительная религія состраданія, боящаяся всякой боли и страданія, какъ, на примѣръ, буддизмъ, есть религія бездвижности, покоя. Въ христіанствѣ этого нѣтъ, христіанство считаетъ неизбѣжнымъ прохожденіе жизни черезъ страданіе, христіанство знаетъ цѣнности высшія, чѣмъ покой и безболѣзненность. Христіанство вѣритъ въ искупительность страданія и зоветъ къ вольной Голгоѣ. И судьба христіанскихъ народовъ—дивамичва, а не статична, какъ судьба народовъ Востока. Христіанское человѣчество творитъ исторію. Признаніе высшамъ благомъ счастья, благополучія, безболѣзненнаго состоянія людей, прямыхъ интересовъ даннаго поколѣнія должно привести къ застою, къ боязни творческаго движенія и исторіи. Всякое творчество и всякая исторія есть любовь къ дальнему, а не любовь къ ближнему, любовь къ цѣнности, а не къ благополучію. Творчества и исторіи нѣтъ безъ моментовъ страданія и боли, безъ жертвы благомъ непосредственной жизни. Во всякой любви къ дали, къ выси, къ сверхчеловѣческой цѣнности есть своя жестокость. Сухой огонь этой любви пожираетъ влагу жизни и несетъ страданія всему, что близко, что на плоскости. Безболѣзненнѣе, сострадательнѣе было бы не отстаивать дальнихъ и горнихъ цѣнностей и уступить ихъ во имя блага людей, не творить исторіи. Въ самой точкѣ зрѣнія цѣнности уже есть жестокость и болѣзненность. Въ точкѣ зрѣнія блага—безболѣзненность покоя, приспособленія, удовлетворенности тѣмъ, что есть, и для тѣхъ, которые есть. Но при такомъ отношеніи къ жизни нельзя было бы творить большую исторію.

III.

Все вышесказанное можетъ быть примѣнено и къ войнѣ. Война жестока и болѣзненна. Никто не станетъ утверждать что война сама по себѣ есть желанное благо. Нетрудно всякаго привести къ сознанію желательности прекращенія

всякихъ войнъ и замиренія человѣчества въ братскомъ единеніи. Но такія отвлеченныя истины мало помогаютъ выйти изъ жизненныхъ затрудненій. Весь вопросъ въ томъ, отстаиваются ли въ войнѣ какія-нибудь цѣнности, болѣе высокія, чѣмъ человѣческое благополучіе, чѣмъ покой и удовлетворенность современнаго поколѣнія? Совершается-ли въ этой страшной и жестокой войнѣ что то важное для исторической дали и выси? Въ идеологическихъ восхваленіяхъ войны всегда есть что-то непріятное и недолжное. Война можетъ быть принята лишь страдальчески и трагически. Но эта ниспосланная намъ война, можетъ быть, самая страшная изъ всѣхъ бывшихъ войнъ, есть во всякомъ случаѣ страдальческое испытаніе для современнаго человѣчества, развращеннаго буржуазнымъ благополучіемъ и покоемъ, повѣрившаго въ возможность мирной внѣшней жизни при внутреннемъ раздорѣ. Цѣнность чести, національной и личной, выше благополучія и покойнаго удовлетворенія. Достиженія жизни исторической, рѣшенія мировыхъ задачъ выше достижений жизни замкнуто-эгоистической, личной и семейной. Безъ такого сознанія не можетъ быть закала народнаго характера. Если въ народѣ побуждаютъ интересы покойно-удовлетворенной жизни современнаго поколѣнія, то такой народъ не можетъ уже имѣть исторіи, не въ силахъ выполнить никакой миссіи въ мірѣ. Жестокость войны, жестокость нашей эпохи не есть просто жестокость, злоба, безсердечіе людей, личностей, хотя все это и можетъ быть явленіями, сопутствующими. Это—жестокость исторической судьбы, жестокость историческаго движенія, историческаго испытанія.

Жестокость человѣка—отвратительна. Намъ справедливо возмущаетъ жестокость нѣмцевъ. Мы чувствуемъ за этимъ превращеніе человѣка въ механическое орудіе для цѣлей государственныхъ, умираніе души въ совершенной массовой дисциплинѣ. Противъ ожесточенія сердца, противъ жестокости нравовъ нужно бороться всѣми силами. Война, конечно, несетъ съ собой опасность варваризаціи и огрубленія. Она сдираетъ покровы культуры и обнажаетъ ветхую человѣческую природу. Но есть другая сторона въ моральной и психологической проблемѣ жестокости. Современные люди, изнѣженные, размягченные и избалованные буржу-

азно-покойною жизнью, не выносят не этой жестокости сердца человѣческаго,— сердца ихъ достаточно ожесточены и въ мирной жизни,—они не выносят жестокости испытаній, жестокости движенія, выводящаго изъ покоя, жестокости исторіи и судьбы. Они не хотятъ исторіи съ ея великими цѣлями, хотятъ ея прекращенія въ покоѣ удовлетворенія и благополучія. И вотъ, эта боязнь жестокости и боли не есть показатель духовной высоты

Самый любящій, добрый, сердечный человѣкъ можетъ безбоязненно принимать муку свершающейся исторіи, жестокость исторической борьбы. Доброта не противоположна твердости, даже суровости, когда ея требуетъ жизнь. Сама любовь иногда обязываетъ быть твердымъ и жесткимъ, не бояться страданія, которое несетъ съ собой борьба за то, что любишь. Вопросъ идетъ о болѣе мужественномъ, не размягченномъ отношеніи къ жизни, И въ концѣ концовъ, безбоязненное принятіе моментовъ неизбѣжной жестокости приводитъ къ тому, что многія страданія избѣгаются. Вѣдь нужна бываетъ операція, чтобы изъавить отъ смертельной болѣзни, чтобы предовратить еще болѣе ужасныя страданія. Эта жестокость и болѣзненность операцій должна быть морально оправдана и въ жизни исторической. Тотъ уготовляетъ человѣчеству несоизмѣримо большія страданія, кто боязливо закрываетъ себѣ глаза на необходимость такихъ операцій и изъ доброты и мягкосердечія предоставляетъ человѣчеству погибать отъ гнойныхъ нарывовъ.

У насъ, русскихъ, есть боязнь силы, есть вѣчное подозрѣніе, что всякая сила отъ дьявола. Русскіе—непротивленцы по своему духу. Сила представляется всегда насиліемъ и жестокостью. Быть можетъ, потому русскіе стали такими, что въ исторіи своей они слишкомъ много страдали отъ насилувавшей ихъ, надъ ними стоящей силы. Мы не привыкли на силу смотрѣть съ моральной точки зрѣнія, какъ на дисциплину духа, какъ на закалъ характера. Изъ инстинкта самосохраненія русскій народъ привыкъ подчиняться внѣшней силѣ, чтобы она не раздавила его, но внутренне онъ считаетъ состояніе силы не высшимъ, а низшимъ состояніемъ. Такимъ создала русскій народъ исторія. Въ нравственныхъ сомнѣніяхъ, вызываемыхъ силой, есть своя правда. Вопросы Л. Толстого не могутъ

быть названы недоразумѣніемъ. Въ нихъ чувствуются великія вопрошенія всего русскаго народа, его своеобразный моральный складъ. Но въ русскомъ непротивленствѣ есть опасный, расслабляющій уклонъ, уклонъ отъ христіанства къ буддизму. Быть сильнымъ духомъ, не бояться ужасовъ и испытаній жизни, принимать неизбежное и очистительное страданіе, бороться противъ зла—остается императоромъ истинно-христіанскаго сознанія. Русскіе всего болѣе нуждаются въ закалѣ характера. Русская доброта часто бываетъ русской безхарактерностью, слабоволіемъ, пассивностью, боязнью страданія. Эта пассивная доброта всегда готовая уступить и отдать всякую цѣнность, не можетъ быть признана такимъ ужъ высокимъ качествомъ. Есть доброта активная, твердая въ отстаиваніи цѣнностей. Только къ такой доброте нужно призывать. И нужно противиться расслабляющему и размягчающему ужасу передъ болью и жестокостью жизни.

О правдѣ и справедливости въ борьбѣ народовъ.

I.

Самый распространенный взглядъ, которымъ оправдывается война со стороны какого нибудь народа, — тотъ, что правда и справедливость на сторонѣ этого народа. Враждебный же народъ представляется цѣликомъ пребывающимъ въ неправдѣ и несправедливости. Это — чисто моральная оцѣнка войны, перенесеніе моральныхъ категорій личной жизни на историческую жизнь народовъ. Такое приписываніе исключительной моральной правоты своему народу въ войнѣ, а враждебному народу исключительной неправоты нерѣдко бываетъ скрытымъ пасифизмомъ, вынужденнымъ къ оправданію данной войны. Это благообразная точка зрѣнія, которая сразу же сдѣлалась гостодствующей въ Россіи, когда разразилась война, не только не вѣрна, но и опасна. Русскимъ очень трудно было вообще оправдать войну. Въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи господствовало сознаніе, совершенно отрицающее войну. Элементарно-простое отрицаніе войны базировалось на разныхъ отвлеченныхъ ученіяхъ, какъ гуманитарный пасифизмъ, международный социализмъ, толстовское непротивленіе и т. п. Подходъ къ проблемѣ войны всегда былъ отвлеченно-моралистическій, отвлеченно-соціологическій или отвлеченно-религіозный. Самостоятельной работы мысли надъ сложной проблемой войны у насъ не происходило. Война застала насъ нравственно неподготовленными. Начали на скорую руку строить оправданія войны и примѣнили самый элементарный приемъ — перенесеніе на міровую борьбу народовъ привычныхъ категорій нравственной жизни личности. Это дѣлали и лѣвыя направленія, исходившія изъ позитивисти-

ческаго міросозерцанія, и направленія славянофильскія, религіозныя. Самобытной исторической дѣйствительности, обладающей своими самостоятельными цѣнностями и оцѣнками, всѣ эти направленія не признавали. Творческія историческія задачи выпадали изъ поля зрѣнія исключительно моралистическаго сознанія. Въ результатѣ нашихъ поспѣшныхъ оправданій войны, или точнѣе нашихъ самооправданій, получился одинъ выводъ: мы лучше нѣмцевъ, нравственная правота на нашей сторонѣ, мы защищаемся и защищаемъ, нѣмцы же въ нравственномъ отношеніи очень плохи, они—насилъники, въ нихъ—духъ антихристовъ. Выводъ этотъ не очень богатый и не очень глубокой. Но лишь въ силу этого нравственнаго сужденія мы признали возможнымъ воевать. Для однихъ германскій народъ былъ признанъ носителемъ милитаризма и реакціи и потому нужно воевать съ нимъ, это—дѣло прогрессивное. Даже анархисты, въ родѣ Крапоткина стали на эту точку зрѣнія. Для другихъ германскій народъ оказался носителемъ антихристіанскихъ началъ, ложной духовной культуры, и потому война съ нимъ—священная война. Но всегда оказывалось, что воевать можно лишь потому, что мы лучше. Мало кто сталъ на точку зрѣнія борьбы расъ.

Я думаю, что такая исключительно нравственная оцѣнка войны ложна и въ концѣ концовъ безнравственна. Элементарное морализированіе мѣшаетъ постигнуть нравственный смыслъ войны. Такимъ путемъ угащается вселенское нравственное сознаніе виновности всѣхъ и вся, всѣхъ народовъ и всего человѣческаго міра въ ужасѣ войны. Нравственно достойнѣе на себя взять отвѣтственность за зло войны, а не возлагать его цѣликомъ на другого. Нравственно предосудительно слишкомъ ужъ себя считать лучше другого, въ другомъ видѣть злодѣя и на этомъ основаніи оправдывать свою борьбу съ нимъ. Въ поединкѣ необходимо нѣкоторое уваженіе къ противнику, съ которымъ стало тѣсно жить на свѣтѣ. Должно это быть и въ поединкѣ народовъ. Да и неправдоподобно, чтобы мы были во всѣмъ отношеніяхъ лучше нѣмцевъ и чтобы враги наши были такими ужъ низкими злодѣями и воля ихъ цѣликомъ была отдана неправдѣ и злу. Такъ не бываетъ. И въ нашей лигатурѣ указывали на то, что нѣмцы обнаружили не только жесто-

кость и волю къ господству и наслііе, но и чувство долга, патріотизмъ, огромную самодисциплину, способность къ самопожертвованію во имя государства, что само зло дѣлаютъ они, оставаясь вѣрными моральному категорическому императиву. Еще болѣе приходится признать, что въ духовной жязни германскаго народа, въ германской мистикѣ, философіи, музыкѣ, поэзіи были великія и міровыя цѣнности, а не одинъ лишь культъ силы, не одинъ призрачный феноментализмъ и пр. Съ другой стороны, у насъ оказалось много нравственныхъ дефектовъ, которые ужъ слишкомъ бросаются въ глаза и болѣзненно поражаютъ. Много русской неправды съ горечью сознаемъ мы. Должна ли ослабѣть отъ этого наша воля къ побѣдѣ, наше сознаніе историческихъ задачъ, падаетъ ли отъ этого оправданіе войны?

II.

Обнаруживается вся шаткость нашихъ моралистическихъ обоснованій войны. Русскій человѣкъ, усомнившись въ своихъ исключительныхъ нравственныхъ качествахъ и признавъ нѣкоторыя качества за врагомъ, начинаетъ думать, что и воевать то не стоитъ,—у него слабѣетъ воля, онъ уже не имѣетъ паэоса. Если у нѣмцевъ есть своя правда и свои нравственныя качества, то русскому начинаетъ казаться, что воевать противъ нѣмцевъ нельзя, нехорошо и неоправдано. На почвѣ такой моральной рефлексіи растутъ настроенія пассивнаго пораженчества, гуманитарнаго пасифизма и просто дряблости и идифферентизма. Для того, чтобы мы были по-настоящему воодушлевлены, независимо отъ оцѣнки нѣмцевъ, наше сознаніе должно быть направлено въ совершенно другую сторону, мы должны преодолѣть исключительный морализмъ нашихъ оцѣнокъ. Міровая борьба народовъ въ исторіи опредѣляется не моральными прерогативами. Это—борьба за достойное бытіе и историческія задачи, за историческое творчество. Справедливость есть великая цѣнность, но не единственная цѣнность. И нельзя оцѣнивать историческую борьбу народовъ исключительно съ точки зрѣнія справедливости,—существуютъ и другія оцѣнки. Національныя тѣла въ исторіи образуются длительной, мучительной и сложной борьбой. Достоинве націо-

нальное бытіе есть историческое заданіе, а не простая историческая данность. Заданіе это осуществляется борьбой. Историческая борьба есть борьба за бытіе, а не за прямолинейную справедливость, и осуществляется она совокупностью духовныхъ силъ народовъ. Эта борьба за національное бытіе—не утилитарная борьба, она всегда есть борьба за цѣнность, за творческую силу, а не за элементарный фактъ жизни, не за простые интересы. Можно сказать, что борьба народовъ за историческое бытіе имѣетъ глубокий моральный и религиозный смыслъ, что она нужна для высшихъ цѣлей мірового процесса. Но нельзя сказать, что въ этой борьбѣ одинъ народъ цѣликомъ представляетъ добро, а другой народъ цѣликомъ представляетъ зло. Одинъ народъ можетъ быть лишь относительно болѣе правъ, чѣмъ другой. Борьба за историческое бытіе каждаго народа имѣетъ внутреннее оправданіе. Я могу признавать правоту своего народа въ міровой войнѣ, но это не есть правота исключительныхъ нравственныхъ преимуществъ, это — правота творимыхъ историческихъ цѣнностей и красота избирающаго Эроса.

И міровая борьба союзниковъ съ Германіей есть борьба за историческое бытіе и историческія цѣнности, а не борьба исключительныхъ моральныхъ качествъ и прерогативъ. Я хочу преобладанія въ мірѣ Россіи и Англій и ослабленія мірового значенія Германіи. Но совсѣмъ невѣрно было бы сказать, что постановка такой исторической задачи и борьба за такую историческую цѣльность есть требованіе отвлеченной справедливости и опредѣляется исключительными нравственными преимуществами Англій и Россіи передъ Германіей. Борьба, которую ведетъ такъ насильнически Германія за міровое преобладаніе, для нея можетъ быть не менѣе оправдана и въ ней можетъ быть свой нравственный паѳосъ. Нужно признать, что война одинаково можетъ быть оправдана съ двухъ сторонъ. Это нравственно парадоксальное по внѣшности утвержденіе ведетъ не къ нравственному индифферентизму, а къ повышевію нравственнаго сознанія. Нравственно ошибочно и недостойно обосновывать, на примѣръ, великую миссію Россіи на приниженіи другихъ народовъ. Дстойнѣе бороться за историческія цѣнности съ противникомъ, за которымъ признаются нѣкоторыя цѣнности. Война есть столкновеніе судебъ, поединокъ, обращенный

къ высшему Суду. Такова природа всякаго столкновѣнія индивидуальностей въ мірѣ. Въ поединкѣ, который есть аппеляція двухъ къ Третьему, къ Провидѣнію, одинъ можетъ быть болѣе правъ, чѣмъ другой. Но смыслъ поединка, какъ и всякаго столкновѣнія индивидуальностей, совсѣмъ не въ томъ, что одинъ имѣетъ исключительныя нравственныя преимущества передъ другимъ. Вопросъ о томъ, что войну начала Германія, что она главная виновница распространѣнія гнетущей власти милитаризма надъ міромъ, что она нарушила нормы международнаго права, вопросъ дипломатическій и военный — для нашей темы второстепенный. Эта точка зрѣнія не беретъ глубины вопроса, остается на поверхности. Дѣло идетъ о міровомъ духовномъ преобладаніи славянской расы. Мнѣ непріятенъ весь нравственный складъ германца, противенъ его формалистическій пафосъ долга, его обоготвореніе государства, и я склоненъ думать, что славянская душа съ трудомъ можетъ переносить самыя нравственныя качества германцевъ, ихъ нравственную идею устроенія жизни. И я бы хотѣлъ бороться съ германцами за нашъ нравственный складъ, за нашъ духовный типъ. Но это менѣе всего означаетъ, что война подлежитъ расцѣнкѣ съ точки зрѣнія моральныхъ прерогативъ противниковъ. Война аппелируетъ не къ моральной справедливости, а къ онтологической силѣ. Преобладаніе славянскаго нравственнаго склада надъ германскимъ нравственнымъ складомъ совсѣмъ не есть проблема справедливости. Къ столкновѣнію индивидуальностей не примѣнима категорія справедливости. Это скорѣе дѣло исторической эстетики.

III.

Нельзя искать справедливости въ образованіи великихъ имперій, напримѣръ, Римской или Британской. Можно обсуждать способы, которыми пользовались при образованіи великихъ имперій, но точка зрѣнія отвлеченной справедливости при оцѣнкѣ великихъ историческихъ образованій совершенно безжизненна и бесплодна. Мы признаемъ, что образованіе великой Римской имперіи имѣло огромное зна-

ченіе для объединенія человѣчества, для единства всемірной исторіи. Но очень сомнительно, чтобы въ образованіи Римской имперіи можно было увидѣть справедливость. Для чисто моралистической точки зрѣнія, переносящей на историческую дѣйствительность моральныя категоріи личной жизни, не существуетъ историческихъ задачъ и цѣнностей жизни исторической, какъ самостоятельной сферы. Такой морализмъ ведетъ къ утверженію status quo. Справедливость—статична, а не динамична. Всякая творческая историческая задача предполагаетъ измѣненіе status quo и не обходится безъ принудительнаго перераспредѣленія историческихъ тѣлъ. Морализмъ, цѣликомъ захваченный одной идеей отвлеченной справедливости, допускаетъ лишь оборонительную войну, лишь отрицательную самозащиту. Но великая война должна имѣть и творческія историческія задачи, должна что-то измѣнить въ мірѣ къ лучшему, къ болѣе цѣнному бытію. Напримѣръ, борьба за проливы не есть борьба за отвлеченную справедливость, это—борьба за историческое бытіе, за повышеніе исторической цѣнности. Трудно было бы даже сказать, что означаетъ отвлеченная справедливость въ примѣненіи къ турецкой проблемѣ. Справедливо ли было бы охраненіе Турецкой имперіи или справедливо ея разрушеніе? Я вѣрю, что міровое преобладаніе Россіи и Англій повысило бы цѣнности историческаго бытія человѣчества, способствовало бы объединенію Востока и Запада и дало бы просторъ всякому индивидуальному историческому существованію. Но проблема Востока и Запада не есть проблема отвлеченной справедливости, это—проблема конкретнаго бытія. Для отвлеченныхъ моралистовъ въ оцѣнкѣ исторической борьбы проблема Востока и Запада просто не существуетъ, она не интересуется ихъ.

Намъ, русскимъ, необходимо духовное воодушевленіе на почвѣ осознанія великихъ историческихъ задачъ, борьба за повышеніе цѣнности нашего бытія въ мірѣ, за нашъ духъ, а не на почвѣ того сознанія, что нѣмцы злодѣи и безнравственны, а мы всегда правы и нравственно выше всѣхъ. Преодоленіе элементарнаго морализма привело бы къ болѣе высокому моральному сознанію. Справедливое и джентльменское отношеніе къ діаволу можетъ лишь укрѣпить въ борьбѣ со зломъ. Болѣе справедливое отношеніе

къ врагу должно не ослабить, а усилить волю къ побѣдѣ. Воля къ побѣдѣ должна быть поставлена въ зависимость отъ нашихъ творческихъ историческихъ задачъ, а не отъ нашихъ отрицательныхъ оцѣнокъ нравственныхъ свойствъ нѣмцевъ. Мы вѣримъ, что послѣдняя и окончательная побѣда въ бытіи должна принадлежать духовной силѣ, а не матеріальному насилію. Но духовная сила можетъ проходить въ мірѣ черезъ великое испытаніе и униженіе, черезъ Голгоѳу. Сила же торжествующая въ мірѣ можетъ оказаться призрачной. И какъ бы ни слагалась внѣшняя судьба, наше дѣло — выковывать волю къ высшему бытію.

Движеніе и неподвижность въ жизни народовъ.

I.

Историческая жизнь народовъ полна борьбы и движенія. Принявшій исторію и историческую судьбу принимаетъ и движеніе со всей его болью и мучительностью. Борьба народовъ за повышение и ростъ жизни не можетъ быть неподвижностью. Между тѣмъ, очень распространены идеологическія построенія, которыя въ неподвижности, въ сохраненіи *status quo* видятъ справедливость, всякую же борьбу, перераспредѣляющую историческія тѣла, считаютъ неправдой и насиліемъ. Многіе находятъ очень прогрессивной, демократической и справедливой ту точку зрѣнія, которая провозглашаетъ: не нужно никакихъ аннексій, пусть все останется въ прежнихъ границахъ. Совершенно не понятно, почему *status quo*, сохраненіе прежнихъ границъ бытія народовъ есть меньшее насиліе, чѣмъ измѣненіе границъ, чѣмъ перераспредѣленіе національныхъ тѣлъ, чѣмъ тѣ или другія аннексіи. Современные люди охотно соглашаются воспользоваться результатами старыхъ насилій, старой борьбы, старыхъ перераспредѣленій и аннексій. Но они не согласны возложить на себя отвѣтственность за новыя перераспредѣляющія движенія, за новую боль историческаго созиданія. Национальныя тѣла образовались въ исторіи и опредѣлили свои границы черезъ борьбу, и въ борьбѣ этой былъ элементъ насилія. Но можно ли сказать, что великія историческія задачи уже кончились и что остается лишь сохраненіе установившагося? Скрытое отрицаніе всякихъ историческихъ задачъ есть въ современныхъ идеологіяхъ, которыя кажутся очень прогрессивными. Мировое дѣло овладѣнія поверхностью земли и расселенія на

ней народовъ представляется уже законченнымъ. Въ соотношеніяхъ народовъ должно прекратиться всякое движеніе и начаться неподвижность. Остается лишь счастливо устроиться на справедливо распределенной землѣ. Но счастливое устройство — статистическая, а не динамическая идея. Отвлеченно-гуманитарное отрицаніе всякихъ перераспредѣляющихъ и созидających національныхъ движеній и готовность признать, что война должна быть въ ничью и вернуть лишь къ status quo ante bellum, враждебна историческому творчеству.

Точка зрѣнія отвлеченной справедливости — статична. Эта отвлеченная справедливость лишь поддерживаетъ мировое равновѣсіе, идеальный экилибръ. Историческая динамика предполагаетъ нарушеніе экилибра и того, что уже слишкомъ привыкли считать справедливымъ, предполагаетъ прохожденіе черезъ то, что можетъ показаться несправедливымъ, признаніе цѣнностей иныхъ, чѣмъ цѣнность отвлеченной, охраняющей справедливости. Пасифистская теорія вѣчнаго мира легко превращается въ теорію вѣчнаго покоя, счастливой бездвижности, ибо послѣдовательно должно отрицать не только боль, связанную съ движеніемъ войны, но и боль, связанную со всякимъ движеніемъ, со всякимъ зачинающимъ историческимъ творчествомъ. Если утверждается, что война сама по себѣ не есть благо, что она связана съ злѣмъ и ужасомъ, что желанно такое состояніе человѣчества, при которомъ войны невозможны и ненужны, то это очень элементарно и слишкомъ неоспоримо. Человѣчество и весь міръ могутъ перейти къ высшему бытію, и не будетъ уже матеріальныхъ насильственныхъ войнъ съ ужасами, кровью и убійствомъ. Но и тогда въ этомъ высшемъ состояніи, будетъ борьба, движеніе, историческое творчество, новое перераспределеніе тѣла и духовъ. Измѣнятся способы борьбы, все сдѣлается болѣе тонкимъ, и внутреннимъ, преодолѣются слишкомъ грубые и внѣшніе методы, но и тогда будетъ боль движенія и борьбы, счастливаго покоя и бездвижности, благодатнаго экилибра не наступитъ. И на небѣ, въ іерархіи ангеловъ, есть войны. Войны могутъ быть духовными, войнами духовъ. Духи добрые сражаются съ духами злыми, но вооруженія ихъ болѣе тонкія и совершенныя. Творческія заданія

историческаго и мірового процесса не могут прекратиться и не может наступить состояніе статическое, вѣчный счастливый покой. Человѣчество призвано итти ввысь, а не устраиваться на равнинѣ. И высшая радость человѣческая есть радость движенія, а не радость бездвижности. Передъ человѣчествомъ стоятъ еще огромныя задачи овладѣнія поверхностью земного шара и регулированія ея. Процессъ образованія и кристаллизаціи національных тѣлъ еще не закончился. Миссіи народовъ въ исторіи еще не выполнены, и существуютъ народы и расы, которые не сказали еще своего слова, не выполнили своего дѣла, и имъ предстоятъ еще періоды высшаго подъема.

II.

Формальный принципъ отрицанія всякихъ аннексій, сохраненія старыхъ установившихся границъ неприемлемъ, послѣдовательно не приводимъ и не можетъ претендовать на безусловное значеніе. Аннексіи могутъ быть отвратительны, но могутъ быть желанны. Попробуйте примѣвить эту статистическую точку зрѣнія къ Турціи и Австріи, и сразу же обнаружится ея несостоятельность. Почему было бы справедливымъ сохраненіе *status quo* въ разлагающейся, не имѣющей будущаго Турціи или въ искусственной, не органической и не имѣющей никакой самостоятельной миссіи Австріи? Инстинкты историческаго творчества, цѣнныя историческія задачи требуютъ тутъ большихъ измѣненій и перераспредѣленій. Новыя образованія будущаго болѣе цѣнны, чѣмъ охраненіе одряхлѣвшихъ историческихъ организмовъ. Всѣ національныя и государственныя образованія имѣютъ свою судьбу, свои періоды варожденія, расцвѣта и упадка. Всѣ народы призваны сказать свое слово, сдѣлать свой вкладъ въ міровую жизнь, достигнуть высшаго цвѣтенія своего бытія. Но бытіе народовъ и государствъ въ исторіи не сохраняется вѣчно, въ неподвижныхъ формахъ и границахъ. Наступаютъ моменты истощенія и нежизнеспособности. Греція создала величайшій цвѣтъ міровой культуры, знала небывалые, единственные творческіе подъемы, но и она выродилась и исчезла. Эллина истощили свои силы и должны были уступить мѣсто

римлянамъ, имѣвшимъ совсѣмъ другую миссію въ мірѣ. Я вѣрю, что древняя Эллада останется навѣки жить въ божественномъ міропорядкѣ, но эмпирически она перестала существовать. Испанія была великой страной, знала великой творческой подъемъ и расцвѣтъ. Но она быстро истощилась, была оттѣснена и превратилась во второстепенную страну. И врядъ-ли кто-нибудь думаетъ, что Испанія можетъ возродиться для міровой роли. Всѣ народы имѣютъ свои времена и сроки, знаютъ свой часъ. Есть смѣна въ миссіи великихъ народовъ. Одинъ народъ свою миссію уже исполнилъ или истощился прежде, чѣмъ исполнилъ ее до конца. Другой народъ идетъ ему на смѣну. До времени народы хранятъ свои потенциальныя силы. И къ этой смѣнѣ народныхъ миссій не примѣнимы сужденія справедливости. Это—высшая судьба.

Борьба народовъ есть борьба духовныхъ силъ, высшихъ предназначеній, а не борьба за животное существованіе и элементарные интересы. Животное существованіе и удовлетвореніе элементарныхъ интересовъ возможно и при оттѣсненіи народовъ и государствъ на второй планъ исторіи. Униженіе народа наноситъ рану прежде всего его духу, а не его тѣлу, его призванію, а не его интересамъ. Духовный и культурный расцвѣтъ народа предполагаетъ и нѣкоторое матеріальное могущество, символизирующее его внутреннія потенціи. Но народъ опускается и погибаетъ, когда матеріальное могущество превращается для него въ кумира и цѣликомъ захватываетъ его духъ. Есть большія основанія думать, что германскій народъ, имѣвшій свою великую миссію въ мірѣ, въ этой войнѣ истощитъ свои силы. Слишкомъ направилъ онъ свои силы на созданіе матеріальнаго могущества, и это исказило духъ его. Народъ же русскій тайлъ свои силы, не выявилъ ихъ еще цѣликомъ въ исторіи. И можно вѣрить, что часъ смѣны историческихъ миссій пробилъ. Многое перераспредѣляется въ историческихъ тѣлахъ отъ смѣны историческихъ призваній.) Но къ этой смѣнѣ народныхъ призваній, всегда столь многое измѣняющей на поверхности земли, совсѣмъ не приложимы сужденія статической справедливости. Существуютъ страны и народы, огромная роль которыхъ въ исторіи опредѣляется не положительнымъ, творческимъ призваніемъ, а той карой,

которую несутъ они другимъ народамъ за ихъ грѣхи. И всего болѣе это можно сказать о Турціи. Образование великой Турціи въ Европѣ, ея власть надъ христіанскими народами—это была кара, ниспосланная за грѣхи Византіи и христіанскихъ народовъ Европы. Турція, какъ великая имперія, всегда держалась взаимной ненавистью и распрями христіанскихъ народовъ. Сохраненіе status quo въ Турціи было низкой, трусливой и завистливой политикой великихъ европейскихъ державъ. Такимъ путемъ не давали Россіи выявить въ мірѣ свою мощь и исполнить свое призваніе. И если эта безпримѣрная война не рѣшитъ восточнаго вопроса, то человѣчеству грозятъ новыя, страшныя войны. Нерѣдко сохраненіе status quo означаетъ сохраненіе огнедышащаго вулкана, который раньше или позже извергнетъ лаву.

III.

Борьба Россіи и Германіи не есть соревнованіе на почвѣ справедливости, но не есть также и элементарная біологическая борьба за интересы. Въ борьбѣ этой ставятся динамическія, творческія задачи. Россія и Германія борются за свои мѣста въ міровой жизни и міровой исторіи за преобладаніе своего духа, за творчество своихъ цѣнностей, за свое движеніе. Матеріальные интересы играютъ тутъ роль, но подчиненную. Въ такой борьбѣ должна быть приведена въ движеніе вся совокупность духовныхъ силъ народовъ. Но постановка исторической задачи какимъ-нибудь великимъ народомъ предполагаетъ нѣкій творческій произволь, свободное напряженіе всей энергіи этого народа. Творческая задача не есть исполненіе закона, не есть дѣло божественнаго фатума. Можно допустить, что Самъ Богъ представляетъ своимъ народамъ свободу въ постановкѣ динамическихъ историческихъ задачъ и въ ихъ выполненіи, не насилуетъ ихъ, когда они борются за творчество болѣе высокихъ цѣнностей. И духовное преобладаніе въ мірѣ Россіи, а не Германіи, есть дѣло творческаго произвола, а не отвлеченной справедливости. Это дѣло свободного движенія въ мірѣ, а не статическаго равновѣсія.>

Оправданіе Россіи въ міровой борьбѣ, какъ и всякой страны, всякаго народа, можетъ быть лишь въ томъ, что внесетъ въ міръ большія цѣнности, болѣе высокаго качества духовную энергію, чѣмъ Германія, притязанія которой на міровое владычество она отражаетъ, что своимъ неповторимымъ индивидуальнымъ духомъ она подымаетъ человечество на болѣе высокую ступень бытія. Это не есть отъ вѣка предрѣшенное, уже въ онтологическомъ порядкѣ осуществленное преимущество Россіи, это—стоящая передъ нами свободная творческая задача грядущей жизни. Оправданіе всякаго народа, какъ и всякаго человѣка, передъ высшимъ Смысломъ жизни можетъ быть лишь динамическимъ, а не статическимъ. Въ творческомъ движеніи, а не въ извѣчной неподвижности, которая кѣжется справедливостью, нужно искать болѣе высокихъ качествъ бытія народовъ. Идеологія статической справедливости или предвѣчно осуществленнаго статическаго бытія,—мертвенна и безжизненна. Только творческое сознаніе можетъ оправдать ихъ и въ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ міра. Внести же въ міръ творческія цѣнности мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, если будемъ повышаться и въ цѣнности и въ качествахъ нашего собственнаго бытія. Всякое творческое притязаніе должно быть оправдано творческимъ дѣйствіемъ, движеніемъ къ болѣе высокому качеству. И истинная національная политика можетъ быть лишь творческой, а не охраняющей, созидающей лучшую жизнь, а не кичащейся своей статической жизнью.

О частномъ и историческомъ взглядѣ на жизнь.

I.

Отношеніе къ войнѣ очень раздѣляетъ людей на два типа, которымъ трудно сговориться. Они смотрятъ на войну, какъ и на все на свѣтѣ, съ частной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія личной или семейной жизни, блага и счастья людей или ихъ страданія и несчастья. Другіе смотрятъ на войну съ сверхличной, исторической, міровой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія цѣнности національности, государственности, историческихъ задачъ, исторической судьбы народовъ и всего человѣчества. Частная точка зрѣнія на жизнь, имѣющая въ виду исключительно благо или несчастья людей. Петровъ и Ивановъ, не есть непременно обывательская, безыдейная точка зрѣнія,—она можетъ быть и очень идейной, принципиальной. Для идейнаго сознанія счастье или страданіе Петра и Ивана представляется счастьемъ или страданіемъ народа. Очень характерно, что Л. Толстой и тогда, когда писалъ «Войну и миръ», и тогда, когда писалъ свои нравственно-религіозные трактаты, былъ безнадежно замкнутъ въ кругу частной точки зрѣнія на жизнь, не желающей знать ничего кромѣ индивидуальной жизни, ея радостей и горестей, ея совершенствъ или несовершенствъ. Для толстовскаго чувства жизни реальна и существенна лишь частная жизнь Ивана и Петра, жизнь семейная и нравственная, ихъ нравственныя сомнѣнія и ихъ исканія нравственнаго совершенствованія. Очень показательно отношеніе Левина къ русско-турецкой войнѣ и къ славянскому вопросу. Жизнь историческая, національная, задачи исторіи, борьба народовъ и царствъ, великіе историческіе люди—все это казалось

Л. Толстому не существеннымъ, не реальнымъ, обманчивой и внѣшней оболочкой жизни. Въ «Войнѣ и мирѣ» не только «миръ» побѣждаетъ «войну», но и вообще реальность «частной» жизни побѣждаетъ призрачность жизни «исторической», дѣтская пеленка, запачканная въ зеленое и желтое, оказывается существеннѣе, глубже всѣхъ Наполеоновъ и всѣхъ столкновений Запада и Востока. Для Толстого частная, растительно органическая жизнь всегда реальнѣе и существеннѣе, чѣмъ жизнь духовная, чѣмъ презираемое имъ культурное творчество, чѣмъ «науки и искусства». И вмѣстѣ съ тѣмъ съ своей «частной» точки зрѣнія Толстой не видитъ личности человѣческой, всякій ликъ тонетъ для него въ безличномъ. Толстой съ такой легкостью радикально отвергъ исторію и все историческое, потому что онъ не вѣритъ въ ея реальность и видитъ въ ней лишь случайную и хаотическую кучу мусора. Но исторія отомстила ему. Онъ пересталъ видѣть и личность, она утонула въ органической стихіи. У Платона Каратаева нѣтъ личности, какъ нѣтъ ея и у Наташи. Личность заслонена такими «частными» вещами, какъ пеленки и онучи. Въ исторіи же, въ сверхличной, міровой исторіи именно видна личность, проявляетъ себя яркая индивидуальность. «Историческое» раскрываетъ личность, даетъ ей движеніе, «частное» же, хозяйственно-родовое, закрываетъ личность и не даетъ ей хода.

По другому, менѣе послѣдовательно, чѣмъ Л. Толстой, но также отвергла историческій и утверждала «частный» взглядъ на жизнь значительная часть русской интеллигенціи въ своемъ традиціонномъ міросозерцаніи. Въ отличіе отъ моралистическаго индивидуализма Толстого, радикальная интеллигенція держалась общественнаго міросозерцанія и общественныхъ оцѣнокъ. Но сама эта общественность была глубоко «частной», признавшей единственной цѣнностью благо Ивановъ и Петровъ, по своей оріентировки игнорировавшей историческія цѣнности и задачи, міровыя, сверхчеловѣческія перспективы. Для этого частно общественнаго міросозерцанія интеллигенціи не существовало, напримѣръ, самостоятельной цѣнности національности или конкретнаго типа культуры. Это міросозерцаніе было номиналистическимъ въ отношеніи ко всѣмъ историческимъ организмамъ, національнымъ, государственнымъ, церковнымъ, и реалисти-

ческимъ лишь въ отношеніи къ социальному человѣку и социальнымъ классамъ. Для этого міросозерпанія не существовало Россіи, какъ самостоятельной реальности, имѣющей свою судьбу и задачу въ мірѣ. Реальна не Россія, а лишь населяющіе ее люди, напимѣръ, крестьяне и рабочіе, ихъ благо и ихъ судьба. У женщинъ очень слабо развито чувство исторіи, ихъ очень трудно довести до сознанія исторической задачи и исторической цѣнности, ихъ взглядъ на жизнь—безнадежно и безвыходно «частный». Женское частное состраданіе можетъ привести къ увеличенію страданій, ибо оно не видитъ общей перспективы человѣческой жизни, цѣликомъ захвачено временно-частнымъ.

Такое женски частное и женски-сострадальное отношеніе къ жизни всегда бываетъ результатомъ рѣшительнаго преобладанія чувства надъ волей. Если бы въ мірѣ господствовало исключительно женственное начало, то исторіи не было бы, міръ остался бы въ «частномъ» состояніи, въ «семейномъ» кругу. Менѣе всего можно было бы сказать, что такое частно-женственное отношеніе къ жизни есть результатъ сильнаго чувства личности. Наоборотъ, сильное чувство личности есть въ томъ мужественномъ началѣ, которое зачало исторію и хочетъ довести ее до конца. Все въ мірѣ совершается черезъ истинное соотношеніе мужского и женскаго начала и взаимное ихъ проникновеніе. Но въ отношеніи къ жизни русской интеллигенціи, да и вообще русскихъ людей есть какъ бы преобладаніе женственнаго, господства чувства, женственнаго состраданія, женственныхъ «частныхъ» оцѣнокъ, женственнаго отвращенія къ исторіи, къ жестокости и суровости всего историческаго, къ холоду и огню восходящаго ввысь духа.

II.

Это «частное» міросозерпаніе есть плодъ гуманизма. Но это не гуманизмъ эпохи возрожденія, это—гуманизмъ, доведенный въ XIX вѣкѣ до своихъ послѣднихъ выводовъ, соединившихся съ позитивизмомъ, отвергнувшій всѣ цѣнности кромѣ человѣческаго блага. Въ концѣ концовъ этотъ гуманизмъ антирелигіозенъ по своей природѣ. Это исключительное вниманіе къ судьбѣ отдѣльнаго человѣка оказы-

вається призрачнимъ. Въ дѣйсгвительности же номинализмъ этого міросозерцанія идетъ дальше, онъ разлагаеть и чело-вѣка, принужденъ отвергнуть реальность души чело-вѣка, всегда вѣдь связанной съ безконечной глубиной бытія міро-вого, и выбрасываетъ чело-вѣка на поверхность. Чело-вѣкъ дѣлается орудіемъ фиктивнаго чело-вѣческаго блага. Гума-нитарная теорія прогресса приносить всякаго чело-вѣка въ жертву своему божку и не можетъ найти оправданій для страданій и жертвъ чело-вѣческой личности. Такова ужъ неотвратимая діалектика: позитивно-гуманитарное отверже-ніе божественныхъ цѣнностей ведетъ въ концѣ концовъ къ отверженію чело-вѣка, цѣнности его души, превосходящей эту видимую эмпирическую жизнь.

Для этого міросозерцанія благо чело-вѣка, отсутствіе страданій выше цѣнности чело-вѣка, выше части и достинства чело-вѣка. Частно-общественное, гуманистическое міросозер-цаніе ослабляетъ чело-вѣка, отнимаетъ у него ту глубину, въ которой онъ всегда связанъ со всѣмъ «историческимъ», сверхличнымъ, всемірнымъ, дѣлаетъ его отвлеченно-пустымъ чело-вѣкомъ. Такъ погибаетъ и нѣмая великая правда гума-низма. Поистинѣ всякій чело-вѣкъ есть конкретный чело-вѣкъ, чело-вѣкъ историческій, національный, принадлежащій къ тому или иному типу культуры, а не отвлеченная ма-шина, подсчитывающая свои блага и несчастья. Все исто-рическое и міровое въ чело-вѣкѣ принимаетъ форму глубоко-индивидуальныхъ инстинктовъ, индивидуальной любви къ своей національности, къ національному типу культуры, къ конкретнымъ историческимъ задачамъ.

Болѣе углубленный, болѣе религіозный взглядъ на че-ловѣка ведетъ къ открытію въ немъ, въ его глубинѣ всего историческаго, мірового, всѣхъ сверхличныхъ цѣнностей. *Національность есть моя національность и она во мнѣ, госу-дарственность—моя государственность и она во мнѣ, церковь,—моя церковь и она во мнѣ, культура—моя культура и она во мнѣ, вся исторія есть моя исторія и она во мнѣ. Историче-ская судьба народовъ и всего чело-вѣчества есть моя судьба, я въ ней и она во мнѣ. Я живу въ прошломъ и будущемъ исторіи моего ндрода, исторіи чело-вѣчества и исторіи міра. И вся жертвы всемірной исторіи совершаются не только мной, но и для меня, для моей вѣчной жизни. Слезинка ребенка пролита*

не только для міра, для свершенія міровой судьбы, но и для самого ребенка, для свершенія его судьбы. Ибо весь міръ есть міръ этого ребенка, онъ въ немъ и для него. Ребенокъ можетъ не сознавать своей всемірности, какъ не сознауть этого многія взрослыя дѣти—Петры и Иваны. Но это слабость и узость человѣческаго сознанія, это выброшенность человѣка на поверхность не можетъ быть опроверженіемъ той великой истины, что каждый человѣкъ—всемірный по своей природѣ и что въ немъ и для него совершается вся исторія.

Лишь такой углубленный взглядъ дѣлаетъ меня свободнымъ, гражданиномъ моего отечества и гражданиномъ вселенной. «Частный» же взглядъ на жизнь, для котораго все историческое, міровое сверхличное—чуждое и инородное, дѣлаетъ рабомъ, способнымъ лишь на рабій бунтъ. Рабъ вѣчно ощущаетъ насиліе надъ собой со стороны внѣшняго и для него все внѣшнее, чуждое. Свободный все ощущаетъ своимъ путемъ, своимъ испытаніемъ, своей судьбой. Такъ и войну я долженъ постигнуть какъ свершеніе моей судьбы—я ея виновникъ и она во мнѣ происходитъ, въ каждомъ Иванѣ и Петрѣ и для каждого Ивана и Петра. Ибо поистинѣ каждый Иванъ и Петръ—міровое существо, въ глубинѣ своей сообщающееся со всѣмъ историческимъ и сверхличнымъ. Для огромной массы Ивановъ и Петровъ этотъ міровой процессъ протекаетъ въ ихъ безсознательной или подсознательной стихіи. Но сознаніе этой массы должно быть поднято до этого мірового сознанія, а не до того рабски-обособленного сознанія, для котораго все міровое оказывается внѣшнимъ и навязаннымъ. Лишь на этой почвѣ возможно рѣшеніе проблемы Ивана Карамазова о слезинкѣ замученнаго ребенка. Съ «частной» точки зрѣнія слезинка ребенка не можетъ быть оправдана. Замученный ребенокъ—безсмысленная жертва, вызывающая протестъ противъ міра, а въ концѣ концовъ, и противъ Бога. Но жертвы и страданія могутъ быть оправданы, если видѣть ту глубину всякаго существа, на которой судьба національная, историческая и міровая есть его собственная судьба.

III.

Очень характерно, что углубленный, религиозный взгляд на жизнь допускает жертвы и страдания. во многом слишком трудно видѣть искупленіе и путь къ высшей жизни. Болѣе же поверхностный, «частный» взгляд на жизнь боится жертвъ и страданій и всякую слезу считаетъ безмысленной. Тотъ взглядъ на жизнь, который я называю историческимъ лишь въ противоположность частному и который, въ сущности, религиозный, — цѣнности ставитъ выше блага, онъ принимаетъ жертвы и страданія во имя высшей жизни, во имя міровыхъ цѣлей, во имя человѣческаго восхожденія.

Все героическое рождается на этой почвѣ. Господство частныхъ оцѣнокъ и частныхъ точекъ зрѣнія на жизнь не способствуетъ расцвѣту личности. На этой почвѣ рождаются безмысленные и рабы бунты, но не рождаются яркія творческія индивидуальности. Яркія творческія индивидуальности всегда вѣдь обращены къ міровому къ «историческому», а не къ «частному». Для историческаго, обращеннаго къ міровымъ цѣностямъ взгляда на жизнь, остается въ силѣ заповѣдь Нитцше: будьте жестки, тверды. И другая еще заповѣдь лежитъ въ основѣ этого чувства жизни: любите дальняго больше, чѣмъ ближняго. Жесткость совѣмъ не есть жестокость, она есть свойство духовное, а не біологическое, — жертва низшими состояніями духа во имя высшихъ состояній, жертва элементарными благами во имя восхожденія и эволюціи человѣка. По личному своему опыту каждый человѣкъ знаетъ, что боязливая и размягчающая отсрочка нѣкоторыхъ страданій и жертвъ ведетъ лишь къ тому, что въ будущемъ эти страданія и жертвы дѣлаются еще большими. Есть неотвратимая жестокость въ развитіи жизни и при исполненіи заповѣди жесткости и твердости эта жестокость можетъ уменьшиться и сократиться. Такъ на войнѣ, слишкомъ жалѣя людей, можно привести къ тому, что погибнетъ еще большее количество людей. Есть жестокость во всякомъ государствѣ, оно имѣетъ природу «холоднаго чудовища». Но безъ государства человѣчество на томъ уровнѣ, на которомъ оно находится,

было бы ввергнуто въ еще болѣе жестокое, звѣринное состояніе. Жестокая судьба государства есть въ концѣ концовъ судьба человѣка, его борьба съ хаотическими стихіями въ себѣ и вокругъ себя, съ изначальнымъ природнымъ зломъ, восхожденіе человѣка къ высшему и уже сверхгосударственному бытію. Государство само можетъ дѣлаться злымъ и истребляющимъ, его всегда подстерегаетъ соблазнъ самодовлѣющей власти. Но это уже вопросъ факта, а не принципа, это вопросъ о томъ, что государство должно или развиваться или погибать. Государство должно знать свое мѣсто въ іерархіи цѣнностей. Царство кесаря не должно посягать на царство Божье и требовать воздаянія Божьяго кесарю.

Въ Пушкинскомъ «Мѣдномъ Всадникѣ» гениально изображено столкновеніе «частнаго» міровоззрѣнія съ «историческимъ». Герой «Мѣднаго Всадника» посылаетъ проклятіе чудотворному строителю Петру съ «частной» точки зрѣнія, отъ лица индивидуальной судьбы, противопоставляющей себя судьбѣ исторической, національной, міровой. Маленькая, чувствующая себя раздавленной частная жизнь бунтуетъ противъ великой, исторической жизни. Но бунтъ этотъ—рабій бунтъ, онъ порожденъ поверхностнымъ снѣжаніемъ. Все самое маленькое можетъ вѣдь себя чувствовать соучастникомъ великаго, великое сознавать своимъ и отъ этого дѣлаться великимъ. Лишь утвержденіе народнаго, имманентно-человѣческаго характера государства должно привести къ тому высшему сознанію, что государство—въ человѣкѣ и каждый человѣкъ за него отвѣтствененъ. Въ разныхъ соціальныхъ идеологіяхъ, «частныхъ» по своему пафосу, много говорится о «буржуазности» государства, національности, «буржуазности» всѣхъ историческихъ организмовъ и историческихъ культуръ. Но въ дѣйствительности глубоко «буржуазны» эти частныя соціальныя міровоззрѣнія, выбрасывающія человѣка на поверхность и замыкающія его въ его интересахъ, въ его перспективахъ благополучія и «частнаго» земнаго рая. Совершенно «буржуазенъ» и гуманитарный социализмъ, поскольку онъ признаетъ лишь гедонистическія цѣнности и отвращается отъ всякаго жертвеннаго, страдальческаго пути человѣческаго восхожденія къ высшей жизни, поскольку исповѣдуетъ

религію количествъ, а не качествъ. Человѣкъ жертвенными и страдальческими путями выходитъ въ міровую ширь и въ міровую высоту. Глубина человѣка тянетъ его въ высоту. И «буржуазно» все, что оставляетъ его на поверхности и признаетъ въ немъ лишь поверхность. «Буржуазность» есть и въ анархизмъ, соединяющемъ жесточайшія разрушенія съ прекраснѣйшими идилліями. «Буржуазенъ» и частносемейственный взглядъ на жизнь, эта слишкомъ большая и поработщающая любовь къ уюту частной жизни. Такая «буржуазность» есть въ обывательскомъ царствѣ, нынѣ переживающемъ жестокою драму. Нелюбовь къ исторически-великому—«буржуазная» нелюбовь. Въ лучшей части русской интеллигенціи было героическое начало, но оно было невѣрно направлено и исходило изъ ложнаго сознанія. Міровая война—величайшее испытаніе для частно-гуманистическаго міровоззрѣнія, оно пошатнулось въ своихъ основахъ. Старый, гладко-поверхностный гуманизмъ не хотѣлъ знать глубины жизни со всѣми ея противорѣчіями, глубины самого человѣка. И лишь углубленіе міровоззрѣнія можетъ привести человѣческую личность, такъ трагически поставленную передъ міровыми проблемами, къ сознанію своего мірового, историческаго, а не «часнаго» только призванія.

У.

**Психологія політики
и общественности.**

Объ отвлеченности и абсолютности въ политикѣ.

I.

Представитель с.-д. принципиально заявилъ, что социаль-демократы отказываются отъ участія въ военно-морской комиссія и не берутъ на себя отвѣтственности за оборону страны, такъ какъ въ оборонѣ долженъ участвовать весь народъ. Съ такимъ же успѣхомъ онъ могъ бы сказать, что должно участвовать все человѣчество и даже весь животный и растительный міръ. И еще могъ бы сказать, что социаль-демократы будутъ въ чемъ-либо положительномъ участвовать, лишь когда наступитъ конецъ міра и водворится Царство Божіе, такъ какъ раньше трудно ждать абсолютной справедливости на свѣтѣ. Это—классическій образецъ совершенной отвлеченности и формальной абсолютности въ политикѣ. Въ сущности, это отказъ отъ дѣланія на томъ основаніи, что міръ слишкомъ плохъ для того, чтобы я участвовалъ въ его дѣлахъ. Въ дѣлахъ этого міра всегда вѣдь царитъ относительность, а не абсолютность, и въ нихъ все конкретно, а не отвлеченно. А большая часть заявленій социаль-демократовъ отличается отвлеченностью и фиктивной абсолютностью. Социаль-демократы не вѣрятъ въ абсолютное,—въ философіи, въ религіи они всегда за относительное. Но политика ихъ есть сплошное примѣненіе абсолютнаго къ относительному, абсолютизація относительныхъ и матеріальныхъ вещей этого міра, пользование отвлеченными категоріями для конкретной дѣйствительности. Я говорю о русскихъ социаль-демократахъ, которые нерѣдко остаются типичными русскими мальчиками. Германскіе социаль-демократы давно уже дѣлаютъ реальную, конкретную и относительную политику,

хотя раньше и они были абсолютистами. Все, что я говорю, еще болѣе примѣнимо къ социалистамъ-революціонерамъ. Но абсолютностью и отвлеченностью отличаются заявленія всѣхъ политическихъ доктринеровъ, которые хорошее устройство общественной жизни въ мысли принимаютъ за жизнь. Такая отвлеченность и абсолютность въ политикѣ на практикѣ ведутъ къ тому, что интересы своей партіи или социальной группы ставятся выше интересовъ страны и народа, интересы части—выше интересовъ цѣлаго. Часть, группа, чувствуетъ себя выдѣленной изъ всенародной жизни, общенациональной и общегосударственной жизни и пребывающей въ абсолютной правдѣ и справедливости. Сбрасывается бремя отвѣтственности за цѣлое, за судьбу страны и цѣлаго народа. Пребывающая въ абсолютной и отвлеченной правдѣ часть не хочетъ участвовать въ круговой порука національной жизни, да и жизни общечеловѣческой. Такова психологія секты, чувствующей себя спасенной и праведной въ безконечномъ морѣ окружающаго зла, тьмы и гибели. Такъ чувствуетъ себя всякій социальдемократъ въ Государственной Думѣ. Сектантская психологія переносится изъ сферы религіозной въ сферу политическую. Сектантская психологія и въ религіозной жизни есть уклонъ и ведетъ къ самоутвержденію и самопогруженности, а въ жизни политической она не имѣетъ никакихъ правъ на существованіе, такъ какъ всегда является сотвореніемъ себѣ кумира изъ относительныхъ вещей міра, подмѣной Абсолютнаго Бога относительнымъ міромъ.

II.

Доктринерская, отвлеченная политика всегда бездарна,— въ ней нѣтъ интуиціи конкретной жизни, нѣтъ историческаго инстинкта и исторической прозорливости, нѣтъ чуткости, гибкости и пластичности. Она подобна человѣку, который не можетъ поворачивать шею и способенъ смотрѣть лишь по прямой линіи въ одну точку. Вся сложность жизни ускользаетъ отъ взора. Живая реакція на жизнь невозможна. Отвлеченные доктринеры въ политикѣ думаютъ, что они далеко видятъ. Но ихъ «дальнозоркость» не есть провидѣніе далекаго будущаго. Они—не пророки и видятъ лишь свои отвлеченныя доктрины, а не грядущую жизнь. Да и «даль-

нозоркость* есть болѣзненное состоявіе зрѣвія, которое требуетъ исправленія стеклами, чтобы можно было видѣть у себя подѣ носомъ, читать и писать. Отвлеченность въ политикѣ есть легкое и безотвѣтственное провозглашеніе общихъ мѣстъ, безотносительно къ возникающимъ жизненнымъ задачамъ и къ историческому моменту. Поэтому не требуется никакой творческой работы мысли надъ сложными задачами, никакой чуткости, никакого проникновенія въ совершающееся. Достаточно лишь вынуть изъ кармана краткій катехизисъ и прочесть изъ него нѣсколько параграфовъ. Отвлеченная и максималистская политика всегда оказывается изнасилованіемъ жизни, ея органическаго роста и цвѣта. Такая отвлеченность отрицаетъ, что политика есть творчество и искусство, что настоящая, большая историческая политика требуетъ особыхъ даровъ, а не механическаго примѣненія общихъ мѣстъ, большей частью невпопадъ. Упрощающее отрицаніе сложности и конкретности исторической жизни, въ которой дѣлается всякая политика, есть показатель или бездарности и элементарности въ этой области или отсутствія интереса къ этой сферѣ бытія, непризванности къ ней. Отвращеніе отъ конкретной сложности общественно-политическихъ задачъ бываетъ у насъ часто результатомъ моноидеизма, когда человекъ цѣликомъ захваченъ одной какой-нибудь идеей, моральной или религіозной или соціальной, но непремѣнно въ смыслѣ спасенія человѣчества однимъ какимъ-нибудь способомъ, однимъ путемъ. Это, въ концѣ-концовъ, ведетъ къ отрицанію множественности бытія и утвержденію единаго, одного чего-нибудь. Но политикѣ всегда приходится имѣть дѣло съ даннымъ, конкретнымъ состояніемъ цѣлаго міра, съ низкимъ уровнемъ человѣческой массы, съ невозрожденными душами, съ сопротивленіемъ необходимости. Отвлеченныя соціальныя и политическія ученія всегда грѣшатъ раціонализмомъ и вѣрятъ въ добрыя плоды внѣшняго насилія подѣ низкимъ уровнемъ развитія человѣческой массы и порожденной этимъ уровнемъ необходимостью. Такъ не перерождается ткань души человека и души общества. Политика всегда погружена въ относительное. Она существуетъ лишь для общества, въ которомъ сильны свинцовые инстинкты. Для общества праведнаго не нужна была бы политика.

Прямолинейное примѣненіе абсолютныхъ цѣнностей духовной жизни къ относительной исторической жизни и относительнымъ историческимъ задачамъ основано на совершенно ложномъ сознаніи. Абсолютное можетъ быть въ душѣ политика и душѣ народа, въ субъектѣ социальнаго творчества, но не въ самой политикѣ, не въ социальномъ объектѣ. Я могу быть вдохновленъ къ социальному дѣлу абсолютными цѣнностями и абсолютными цѣлями, за моею дѣятельностью можетъ стоять абсолютный духъ. Но само социальное дѣло есть обращеніе къ относительному, есть сложное, требующее чуткости и гибкости взаимоотношеніе съ относительнымъ міромъ, всегда безконечно сложнымъ. Перенесеніе абсолютности въ объективную социальную и политическую жизнь есть плѣненіе духовной жизни у исторически-относительнаго и социально-матеріальнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это есть и порабощеніе всей относительной исторической жизни извнѣ навязанными абсолютными и отвлеченными началами. Такъ было со всѣми теократическими направленіями, съ претензіями формально подчинить общественность церкви. Это всегда есть нежеланіе признать свободу многообразной, относительной жизни. Монистическое насильничество есть и въ право-теократическихъ и въ лѣво-соціалистическихъ направленіяхъ. Сама по себѣ духовная жизнь со всѣми своими абсолютными цѣнностями вполне конкретна. Но прямолинейное ея перенесеніе въ относительность природно-историческаго процесса превращаетъ духовную жизнь въ отвлеченные принципы и доктрины, лишѣнныя конкретной жизненности. Духъ, свободный въ своемъ внутреннемъ опытѣ, становится навязчивымъ и насильническимъ; онъ открывается относительной, внѣшней жизни не какъ живой опытъ, а какъ извнѣ навязанный, безжизненный принципъ или норма. Съ философской точки зрѣнія, относительная историческая жизнь можетъ быть признана самостоятельной сферой самой абсолютной жизни, однимъ изъ явленій ея разыгрывающейся драмы. И потому абсолютное не должно быть насильственнымъ, внѣшнимъ и формальнымъ навязываніемъ относительному трансцендентныхъ началъ и принциповъ, а можетъ быть лишь имма-

ментнымъ раскрытіемъ высшей жизни въ относительномъ. Отвлеченная и абсолютная политика социаль-демократа есть такой же дурной и порабащующей трансцендентизмъ, какъ и политика теократическая, какъ папоцезаризмъ или цезарепапизмъ.

Отрицаніе отвлеченности и абсолютности въ политикѣ всего менѣе можетъ быть понятно, какъ безпринципность и безыдейность. Вся общественная и политическая дѣятельность должна быть изнутри одухотворена и вдохновлена высшими цѣлями и абсолютными цѣнностями, за ней должно стоять духовное возрожденіе, перерожденіе личности и народа. Но этотъ духовный закалъ личности и народа совсѣмъ не то, что внѣшнее примѣненіе отвлеченныхъ идей къ жизни. Духовно возрожденный человѣкъ и народъ по иному будутъ дѣлать политику, чѣмъ тѣ, что провозглашаютъ внѣшніе абсолютные принципы и отвлеченныя начала. Моральный пафосъ не ослабляется, а увеличивается, но овъ переносится въ другую плоскость, дѣлается внутреннимъ, а не внѣшнимъ, гореніемъ духа, а не политической истерикой или политическимъ изуверствомъ. Робеспьеръ былъ очень принципиальный доктринеръ и любилъ отвлеченныя деклараціи, но онъ былъ ветхій, не возрожденный человѣкъ, плоть отъ плоти и кровь отъ крови стараго режима, насильникъ въ дѣлѣ свободы. Переменялось только одѣяніе. Наши максималисты въ революціиные годы тоже были старыми, не возрожденными людьми, плохимъ человѣческимъ матеріаломъ для дѣла освобожденія, — клѣтки ихъ душъ были не подготовлены для выполненія исторической задачи. Свобода — не внѣшній принципъ въ политикѣ, а внутреннее одухотворяющее начало.

IV.

Вопросъ о принципиальности въ политикѣ гораздо сложнее, чѣмъ думаютъ доктринеры. Его нужно свести къ вопросу о духовномъ возрожденіи, объ измѣненіи самой ткани людей и обществъ, къ закалу народнаго характера. Внѣшній, навязчивый морализмъ въ политикѣ неумѣстенъ и несносенъ. Но за политикой должна стоять моральная энергія человѣка, моральный закалъ. У многихъ же моралистовъ и радикаловъ въ политикѣ, помѣшанныхъ на отвлеченныхъ принципахъ, часто отсутствуетъ всякій моральный закалъ

личности. Это и обнаруживается въ моменты хаотизаціи и анархизаціи общества. Такъ было въ печальномъ концѣ русской революціи. Были у насъ отдѣльные герои, способные къ жертвѣ, отдававшіе свою жизнь за идею, но въ революціонной массѣ не было нравственнаго характера. А важенъ не отвлеченный принципъ, а живой духъ, возрожденная личность. Идеиность въ политикѣ связана съ духовнымъ углубленіемъ личности, съ воспитаніемъ души цѣлаго народа, съ сознаніемъ великой отвѣтственности, а не съ упрощеніемъ и схематизаціей сложной исторической жизни. Нравственныя начала въ политикѣ утверждаются изнутри, изъ корней человѣка, а не извнѣ, не изъ внѣшнихъ принциповъ общественности. Повторяю, абсолютность въ политикѣ невозможна, невозможна ни теократическая, ни социаль-демократическая, ни толстовская анархическая абсолютность. Но абсолютность возможна въ началѣ человеческого духа, во внутренней вѣрности человѣка святыни. Сама же политика всегда конкретна и относительна, всегда сложна, всегда имѣетъ дѣло съ историческими задачами даннаго времени и мѣста, которыя не отвлечены, не абсолютны, не моавистичны. Наша принципиально-отвлеченная политика была лишь формой ухода отъ политики. Въ политикѣ все бываетъ «въ частности», ничто не бываетъ «вообще». Въ политикѣ ничего нельзя повторять автоматически въ силу принципа. Что хорошо въ одно историческое время, то плохо въ другое, что хорошо въ одномъ историческомъ мѣстѣ, то плохо въ другомъ. Каждый день имѣетъ свои неповторимыя и единственныя задачи и требуетъ искусства.

Всякій чуткій человѣкъ, не доктринеръ, понимаетъ, что нынѣшній историческій день въ Россіи выдвигаетъ въ политикѣ на первый планъ задачи управления, организаціи отвѣтственной власти, а не задачи чисто законодательнаго творчества и реформъ. Но скоро можетъ наступить день, когда задачи будутъ совсѣмъ иныя. Сейчасъ всѣ силы націи должны быть мобилизованы для обороны Россіи и для побѣды. Это совершенно конкретная задача, она не диктуется никакими отвлеченными принципами политики. Но сторонники отвлеченной принципиальной политики и сейчасъ дѣлаютъ политическія деклараціи, которыя совер-

шенно безжизненны и проходятъ мимо самыхъ безотлагательныхъ задачъ историческаго дня. Духовный подъемъ, нравственная сила и воодушевленіе нынѣ обнаруживаются въ патріотическомъ дѣлѣ служенія родинѣ, въ защитѣ родины до смерти. Эти дѣла не предусмотрѣны принципами отвлеченной политики; эти задачи возникли въ данный историческій день и эта нравственная энергія обнаружилась лишь нынѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ни одинъ политикъ не предвидѣлъ, на что нужно будетъ направить всѣ свои силы. И то, что нужно сейчасъ свою дѣятельность приспособить къ защитѣ родины, врядъ-ли кто-либо рѣшится назвать оппортунизмомъ. Это—не оппортунизмъ, а требованіе подвига и отвѣтственности. Война научаетъ конкретности въ политикѣ и она закаляетъ духъ. Она вноситъ огромныя измѣненія въ наши нравственныя сужденія, устанавливаетъ совсѣмъ иное соотношеніе между нравственнымъ и политическимъ. Точка зрѣнія, которую мы защищаемъ, освобождаетъ отъ абсолютизаціи политики, отъ превращенія ее въ кумиръ, въ бога. Мы не должны относительному воздавать то, что надлежитъ воздавать лишь абсолютному, т. е. мы должны кесарево воздавать кесарю, а Божье—Богу. Духъ, укрѣпленный въ своихъ абсолютныхъ истокахъ и возрожденный, долженъ обратиться къ многообразной и сложной конкретности міра живой, творческой реакціей и обнаружить свои творческіе дары. Россіи болѣе всего недостаетъ людей съ дарованіемъ власти, и такіе люди должны явиться.

Слова и реальности въ общественной жизни.

I.

Слова имѣютъ огромную власть надъ нашей жизнью, власть магическую. Мы заколдованы словами и въ значительной степени живемъ въ ихъ царствѣ. Слова дѣйствуютъ, какъ самостоятельныя силы, независимыя отъ ихъ содержанія. Мы привыкли произносить слова и слушать слова, не отдавая себѣ отчета въ ихъ реальномъ содержаніи и ихъ реальномъ вѣсѣ. Мы принимаемъ слова на вѣру и оказываемъ имъ безграничный кредитъ. Сейчасъ я предполагаю говорить исключительно о роли словъ въ общественной жизни. А въ общественной жизни условная, во ставшая привычной фразеологія приобрѣтаетъ иногда власть почти абсолютную. Ярлыки-слова — самостоятельная общественная сила. Слова сами по себѣ воодушевляють и убиваютъ. Кажется, Теккерей сказалъ: «Мужчинъ убиваютъ дѣла, а женщинъ—слова». Но и мужчины очень походятъ на женщинъ,—и ихъ убиваютъ слова. За словами идутъ массы. Всякая агитація въ значительной степени основана на власти словъ, на гипнозѣ словъ. Привычная фразеологія скрѣпляется съ инстинктами массъ. Для одной массы нужно употреблять «лѣвую» фразеологію, для другой—«правую» фразеологію. Демагоги хорошо знаютъ, какія слова нужно употреблять. Общественная жизнь отяжелѣваетъ отъ рутины словъ. Какъ много значать и какъ сильно дѣйствуютъ слова «лѣвый», «правый», «радикальный», «реакціонный» и пр., и пр. Мы загипнотизированы этими словами и почти не можемъ общественно мыслить внѣ этихъ ярлыковъ. А вѣдь реальный вѣсъ этихъ словъ великъ, и реальное ихъ содержаніе все болѣе и болѣе вывѣтривается. Въ общественномъ словоупотребленіи царитъ номинализмъ, а не реализмъ. Я слышу, какъ говорятъ: это очень «радикальный» человѣкъ, подавайте за него голосъ. А этотъ «радикальный» человѣкъ—адвокатъ, зарабатывающій 20,000 руб. въ годъ, ни во что не вѣрящій и ничему не придающій цѣны, за радикальной фразеологіей скрывающій полнѣйшее общественное равнодушіе и безотвѣтственность. Личная

пригодность человека для общественнаго дѣла отстугаетъ на второй планъ передъ условной и рутинной фразеологіей. Качества личности вообще у насъ мало цѣнятся и не ими опредѣляется роль въ общественной жизни. Поэтому у насъ такъ много совершенно ложныхъ общественныхъ репутацій, много именъ, созданныхъ властью словъ, а не реальностей. Инерція словъ и условностей мѣшаетъ разглядѣть настоящіе характеры. Въ общественной жизни совсѣмъ почти не происходитъ естественнаго подбора личныи характеровъ. А въ жизни государственной явно происходитъ подборъ характеровъ негодныхъ и недоброкачественныхъ. При помощи условной фразеологіи у насъ легко превращаютъ людей глубоко идейныхъ, съ нравственнымъ закаломъ характера чуть-ли ни въ подлецовъ, а людей лишенныхъ всякихъ идей и всякаго нравственнаго закала высоко возносятъ. Болѣе всего не терпятъ людей самостоятельной и оригинальной мысли, не вмѣщающихся ни въ какія привычныя рутинныя категоріи. У насъ часто убиваютъ людей посредствомъ приклеиванія ярлыковъ «реакціонеръ», «консерваторъ», «оппортунистъ» и т. п., хотя, можетъ быть, за этимъ скрывается болѣе сложное и оригинальное явленіе, неопредѣлимое обычными категоріями. Въ другомъ лагерѣ убиваютъ при помощи словъ противоположнымъ. И всѣ боятся словъ и ярлыковъ.

Огромная масса людей живетъ не реальностями и не существенностями, а внѣшними покровами вещей, видитъ лишь одежду и по одеждѣ всякаго встрѣчаетъ. Широкіе слои русскаго интеллигентнаго общества особенно какъ-то живутъ фикціями словъ и иллюзіями покрововъ. Власть инерціи, поистинѣ, ужасна. Если велика власть инерціи и привычныхъ, заученныхъ категорій въ обывательскихъ кругахъ, то тамъ это понятно и простиительно. Но интеллигенція претендуетъ быть носительницей мысли и сознанія и ей труднѣе простить эту лѣнность и вялость мысли, это рабство у привычнаго, навязаннаго, внѣшняго. Трудно жить реальностями. Для этого нужны самостоятельная работа духа, самостоятельный опытъ, самостоятельная мысль. Легче жить фикціями, словами и покровами вещей. Огромная масса людей принимаетъ на вѣру слова и категоріи выработанныя другими, вампирически живетъ чужимъ опытомъ. Никакой собственный реальный опытъ уже не связывается

со словами, которыя, однако, опредѣляютъ всѣ оцѣнки жизни. Слова были реально содержательны для тѣхъ, у кого были свой опытъ и своя мысль, своя духовная жизньъ. Но эти же слова стали номинальными и безсодержательными для тѣхъ, которые живутъ по инерціи, по привычкѣ и подражательности. Такъ бываетъ и въ жизни религіозной, гдѣ слишкомъ многіе питаются чужимъ опытомъ и живутъ чисто словесной догматикой, и въ жизни общественной, гдѣ заученные партійные лозунги, формулы и слова повторяются безъ всякаго самостоятельнаго акта воли и мысли. На этой почвѣ вырабатывается политическій формализмъ, не желающій знать реального содержанія человѣческой жизни. Въ общественной жизни все вѣдь — въ силѣ, въ энергіи духа, въ характерѣ людей и обществъ, въ ихъ волѣ, въ ихъ творческой мысли, а не въ отвлеченныхъ принципахъ, формулахъ и словахъ, которымъ грошъ цѣна. Самое вѣдь важное и существенное — люди, живыя души, клѣтки общественной ткани, а не внѣшнія формы, за которыми можетъ быть скрыто какое угодно содержаніе или полное отсутствіе всякаго содержанія. Демократическая республика, въ которой все построено на прекрасныхъ формулахъ и словахъ, можетъ быть самымъ отчаяннымъ рабствомъ и насиліемъ. Это давно уже обнаружено горькимъ опытомъ жизни европейскаго человѣчества, который долженъ былъ бы научить насъ недоувѣрью къ чисто внѣшнимъ формамъ и къ прекрасной фразеологіи равенства, братства и свободы. Столь же формальнымъ, столь же номинальнымъ можетъ оказаться и любой социалистическій строй. Вотъ почему необходимо устремить свою волю къ существенной свободѣ, къ перерожденію клѣтокъ общества, къ осуществленію цѣнностей болѣе высокой жизни изнутри. Этотъ внутренній процессъ неизбежно приводитъ къ внѣшнему измѣненію общественнаго строя и общественной системы, но всегда въ соотвѣтствіи съ реальнымъ содержаніемъ и направленіемъ народной воли.

II.

Многіе думаютъ, что главная бѣда Россіи въ томъ, что русское общество недостаточно либерально или радикально, и ждутъ многого отъ поворота нашего общества влѣво въ традиціонномъ смыслѣ этого слова. И въ этомъ мнѣніи казывается фатальная для насъ власть словъ и формаль

ныхъ понятій. Наше общество—либеральное и лѣвое, но этотъ либерализмъ и эта лѣвость—безсильны и выражаются по преимуществу въ оппозиціонной настроенности или негодованіи. Главная бѣда Россіи—не въ недостаткѣ лѣвости, которая можетъ возрасти безъ всякихъ существенныхъ измѣненій для русской общности, а въ плохой общественной клѣткѣ, въ недостаткѣ настоящихъ людей, которыхъ исторія могла бы признать для реального, подлинно радикальнаго преобразованія Россіи, въ слабости русской воли, въ недостаткѣ общественнаго самовоспитанія и самодисциплины. Русскому обществу недостаетъ характера, способности опредѣляться изнутри. Русскаго человѣка слишкомъ легко заѣдаетъ «среда», и онъ слишкомъ подверженъ эмоціональнымъ реакціямъ на все внѣшнее. «Радикалы» и «лѣвые» могутъ быть совершенно негоднымъ матеріаломъ для новой, возрожденной Россіи. Не слѣдуетъ поддаваться иллюзіямъ словосочетаній. Важно и существенно, каковъ самъ человѣкъ и каковъ народъ, а не каковы его словесные лозунги и отвлеченныя политическія понятія.

Такъ, на примѣръ, наши «правые» были плохимъ матеріаломъ для истиннаго консерватизма. Они всегда были скорѣе-разрушителями, чѣмъ охранителями какихъ-либо цѣнностей. Патріотическая, національная и государственная фразеологія правыхъ—слова, слова и слова. Наши правые круги лишены истиннаго государственнаго и національнаго сознанія. Такое сознаніе можно встрѣтить у отдѣльныхъ лицъ, но не у общественныхъ слоевъ и группъ. Полное отсутствіе настоящаго консерватизма—фатальная особенность Россіи. «Правая» Россія начала уже разлагаться, когда «лѣвая» Россія еще не вполне созрѣла. Все приходитъ у насъ слишкомъ поздно. И мы слишкомъ долго находимся въ переходномъ состояніи, въ какомъ-то междуцарствіи.

Россіи нужна, прежде всего, радикальная моральная реформа, религиозное возрожденіе самихъ истоковъ жизни. Но, увы, и религиозное возрожденіе можетъ быть номинальнымъ и формальнымъ. Велика власть словъ и въ религиозной жизни. Ярлыки—«православный», «сектантъ», «христіанинъ новаго сознанія» и пр. приобрѣли несоотвѣтствующее ихъ реальному вѣсу значеніе. «Православный» номинализмъ давно уже отравляетъ религиозную жизнь въ Россіи. Религиозная фразеологія правыхъ круговъ давно уже выро-

дилась въ отвратительное лицемеріе и ханжество. Но не поможетъ намъ и утвержденіе какого-нибудь «лѣваго» религіознаго сознанія, примѣняемаго къ общественности извнѣ и формально. Въ глубинѣ клѣтокъ народной жизни должно произойти перерожденіе, идущее изнутри, и я вѣрю, что оно происходитъ, что русскій народъ духовно живъ и что ему предстоитъ великое будущее. Смутная эпоха пройдетъ. Пора сбросить внѣшніе покровы и обнаружить истинную сущность вещей, истинныя реальности. Величайшая наша моральная задача—переходъ отъ фикцій къ реальностямъ, преодоленіе гипноза словъ. Безстрашіе передъ словами—великая добродѣтель. Положительной стороной этого безстрашія всегда бываетъ любовь къ правдѣ. Паеосъ правдолюбія—великій паеосъ народа. А вокругъ нашихъ словъ, формулъ и понятій, правыхъ, лѣвыхъ и среднихъ, накопилось слишкомъ много условной лжи и гнили. Истиннѣ, одну великую революцію предстоитъ намъ совершить, революцію сверженія ложныхъ и лживыхъ, пустыхъ и вывѣтрившихся словъ, формулъ и понятій. Нужно перестать бояться ярлыковъ, которые такъ любятъ наклеивать, чтобы словесно ими возвеличивать или унижать людей. Нужно прозрѣвать за словами реальности. А настоящее прозрѣніе есть также презрѣніе къ многому, ничтожному и несущему. Такъ должно совершиться воспитаніе самостоятельности общественнаго характера, созрѣваніе самостоятельной общественной мысли.

III.

Трагедія войны даетъ перевѣсъ дѣламъ надъ словами.—она выявляетъ реальности и низвергаетъ фикціи. Такъ правая бюрократія со своей національно-государственной фразеологіей явно жила фикціями и пустыми словами. Это обнаружено. Ложь низвергнута. Теперь уже яснѣе становится, кто дѣйствительно патріотъ, кто любитъ свою родину и готовъ служить ей. Слова націоналистовъ взвѣшены на вѣсахъ исторіи. Въ прошлую зиму у насъ начало было распространяться лже-патріотическое настроеніе, не допускавшее въ Россіи самокритики, настроеніе безответственное и приводившее къ самохвальству. У однихъ оно выражалось въ реставраціи религіозно-славянофильской фразеологіи, болѣе возвышенной, у другихъ—фразеологіи государственно-націоналистической, менѣе возвышенной. Но эти настроенія

были сметены событіями. Въ это лѣто начался подлинный, здоровый патріотическій подъемъ, возросло чувство общественной отвѣтственности, которое всегда предполагаетъ самокритику. Словамъ и фікціямъ противопоставлены реальности. Нездоровый патріотизмъ, боявшійся правды и выражавшійся въ словесной идеализаціи того, что есть, замѣняется здоровымъ патріотизмомъ, глядящимъ безстрашно въ глаза самой горькой правдѣ, выражающимся въ служеніи тому, что должно быть. И дышать стало легче, хотя событія мрачны и тяжелы. Можно говорить правду и призывать къ дѣламъ правды. Въ той удушливой атмосферѣ, которая одно время образовалась, могли раздаваться лишь лживыя слова, расцвѣтали лишь фіктивные идеологіи.

Для низверженія фіктивной власти словъ нужна свобода слова. Въ атмосферѣ несвободы процвѣтають пустыя слова и они непроверяемы. Слово само по себѣ божественно, и божественный смыслъ словъ можетъ быть выявленъ лишь въ атмосферѣ свободы, реализмъ словъ въ борьбѣ побѣждаетъ номинализмъ словъ. Несвобода питаетъ пустую фразеологию «лѣвую» и пустую фразологию «правую». Реальности, стоящія за словами, не могутъ быть выявлены. Совершенная свобода слова есть единственная реальная борьба съ злоупотребленіемъ словами, съ вырожденіемъ словъ. Только въ свободѣ правда словъ побѣдитъ ложь словъ, реализмъ побѣдитъ номинализмъ. Свобода словъ ведетъ къ естественному подбору словъ, къ выживанію словъ жизненныхъ и подлинныхъ. Лживыя и пустыя слова будутъ продолжать звучать, но они не будутъ имѣть того ореола, который создается для нихъ атмосферой гнета и придавленности.

Сдѣтайте слово болѣе властнымъ, и прекратится власть словъ надъ общественной жизнью: слова—реальности побѣдятъ слова—фікціи. Свобода ведетъ къ отвѣтственности. Несвобода все дѣлаетъ безотвѣтственнымъ. Возстановленіе смысла словъ, правдиваго, реальнаго и полновѣснаго употребленія словъ ведетъ къ тому сознанію, что общество наше должно не переодѣться, хотя бы въ самый радикальный костюмъ, не покровы перемѣнить, а дѣйствительно переродиться, измѣнить ткань свою. Власть словъ была властью вѣшняго. А мы должны обратиться къ внутреннему. Вся жизнь должна начать опредѣляться изнутри, а не извнѣ, изъ глубины воли, а не изъ поверхностной среды.

Демократія и личность.

I.

У насъ мало сейчасъ размышляютъ объ основахъ общественной. Сознаніе наше направлено на элементарныя нужды, и нужды эти закрываютъ болѣе далекія перспективы. Но намъ предстоитъ перестройка нашей общественной жизни и къ ней мы должны быть идейно готовы. Наше общественное движеніе бѣдно идеями и слишкомъ многое принимается въ немъ, какъ само собою разумѣющееся. Въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи и русскаго передового общества демократическія идеи и идеологіи принимались, какъ само собою разумѣющаяся правда. Идея демократіи никогда не представлялась во всей своей сложности, никогда не бралась критически. Зло и неправда нашей общественной и государственной жизни дѣлали нашу мысль элементарной и упрощенной. И все противоположное нашей гнеущей дѣйствительности представлялось уже благомъ и свѣтомъ. Всякая слишкомъ сложная общественная мысль казалась непонятной, неумѣстной и бралась подъ подозрѣніе. У насъ любятъ только простыя и прямолинейныя рѣшенія. На западѣ проблема демократіи въ ея отношеніи къ проблемѣ личности давно уже ставится очень сложно. Жизненный историческій процессъ привелъ на западѣ къ этой сложности, онъ многое сдѣлалъ проблематическимъ. Тамъ были испытаны многія политическія формы и въ политической мысли ощутилась исчерпанность. Мы же, русскіе, жили въ великомъ принужденіи и слишкомъ мало еще испытали въ сферѣ политическаго строительства. Въ мысли пережили мы самыя крайнія политическія и социальныя ученія, и временами казалось намъ, что мы прошли уже и черезъ анархизмъ. Но эти крайнія политическія и социальныя ученія въ Россіи всегда мысли

лись упрощенно и элементарно. Такая элементарность и упрощенность были и въ нашемъ принятіи идеи демократіи. Для многихъ русскихъ людей, привыкшихъ къ гнету и несправедливости, демократія представлялась чѣмъ-то опредѣленнымъ и простымъ,—она должна принести великія блага, должна освободить личность. Во имя нѣкоторой безспорной правды демократіи, идущей на смѣну нашей исконной неправды, мы готовы были забыть, что религія демократіи, какъ она была провозглашена Руссо и какъ была осуществляема Робеспьеромъ, не только не освобождаетъ личности и не утверждаетъ ея неотъемлемыхъ правъ, но совершенно подавляетъ личность и не хочетъ знать ея автономнаго бытія. Государственный абсолютизмъ въ демократіяхъ такъ же возможенъ, какъ въ самыхъ крайнихъ монархіяхъ. Народовластіе такъ же можетъ лишитъ личность ея неотъемлемыхъ правъ, какъ и единовластіе. Такова буржуазная демократія съ ея формальнымъ абсолютизмомъ принципа народовластія. Но и социальная демократія Маркса также мало освобождаетъ личность и также не считается съ ея автономнымъ бытіемъ. На одномъ съѣздѣ социаль-демократовъ было высказано мнѣніе, что пролетаріатъ можетъ лишитъ личность ея, казалось бы, неотъемлемыхъ правъ, наиримѣръ, права свободы мысли, если это будетъ въ существенныхъ интересахъ пролетаріата. Въ этомъ случаѣ пролетаріатъ мыслимъ, какъ нѣкій абсолютъ, которому все должно быть принесено въ жертву. Повсюду встрѣчаемъ мы наслѣдіе абсолютизма, государственнаго и общественнаго, онъ живъ не только тогда, когда царствуетъ одинъ, но и тогда, когда царствуетъ большинство. Инстинкты и навыки абсолютизма перешли и въ демократію, они господствовали во всѣхъ самыхъ демократическихъ революціяхъ. На западѣ давно уже беспокоитъ вопросъ о гарантіи правъ меньшинства и правъ личности по отношенію къ абсолютнымъ притязаніямъ демократіи, не ограничивающей себя абсолютными цѣнностями личнаго духа. Формальный абсолютизмъ демократической идеи не можетъ быть нами принятъ, онъ долженъ быть ограниченъ другими идеями. Количественная масса не можетъ безраздѣльно господствовать надъ судьбой качественныхъ индивидуальностей, судьбой личности и судьбой націи. Воля народа должна быть воспитана въ исключи-

тельному уваженію къ качествамъ индивидуальнымъ, къ безконечной природѣ человѣческаго духа. Воля народа не можетъ быть принята формально безсодержательно, какъ утвержденіе абсолютнаго права народной воли, воли большинства, воли массоваго количества господствовать въ какомъ угодно направленіи, чего угодно хотѣть, что угодно давать и отнимать. Въ демократіи есть своя правда утвержденія свободной человѣческой стихіи, имманентной власти самого человѣка и человѣчества. Но демократія должна быть одухотворена, связана съ духовными цѣнностями и цѣлями.

II.

Идея демократіи была осознана и формулирована въ такую историческую эпоху, когда религіозное и философское сознаніе передовыхъ слоевъ европейскаго человѣчества было выброшено на поверхность и оторвано отъ глубины, отъ духовныхъ истоковъ человѣка. Человѣкъ былъ поставленъ въ зависимость отъ внѣшней общественности. Общественность же была оторвана отъ души человѣческой, отъ духовной жизни личности и отъ души міровой, отъ жизни космической. Человѣкъ былъ признанъ внѣшне-общественнымъ существомъ, цѣликомъ опредѣляемымъ общественной средой. Но, такъ какъ человѣческая общественность была изолирована отъ міроваго цѣлаго, отъ жизни космической и очень преувеличено было самостоятельное значеніе общественности, то образовался рационалистическій утопизмъ съ его вѣрой въ совершенное, до конца рациональное устройство общественной жизни, независимое отъ духовныхъ основъ жизни человѣка и міра. Духовно-религіозную почву имѣла не демократія, а декларация правъ человѣка и гражданина, которая родилась изъ утвержденія религіозной свободы совѣсти въ общинахъ реформации. Но декларация правъ человѣка и гражданина на практикѣ, въ демократическихъ революціяхъ, въ массовыхъ общественныхъ движеніяхъ очень мало проводилась въ жизнь и вытѣснялась утилитарно-общественными интересами. Въ Россіи рецепція идей демократіи произошла на почвѣ позитивистической и матеріалистической настроенности и сознанія и была оторвана отъ идеалистической идеи правъ человѣка и гражданина. Паеосъ соціальнаго равенства всегда подавлялъ у насъ паеосъ свободы личности. Утвержденіе же правъ лич-

ности духовно и морально не связывалось съ утверждениемъ обязанностей личности и отвѣтственности личности. Торжествовала безотвѣтственная теорія соціальной среды, порождающая лишь претензіи. Личность не признавалась отвѣтственнымъ творцомъ общественной жизни. Новая жизнь ожидалась исключительно отъ измѣненій соціальной среды, отъ внѣшней общественности, а не отъ творческихъ измѣненій въ личности, не отъ духовнаго перерожденія народа, его воли, его сознанія. Народный и личный характеръ совсѣмъ не принимается въ расчетъ въ нашихъ демократическихъ соціальныхъ ученіяхъ.

Идея демократіи въ той прямолинейной и упрощенной формѣ, въ которой она была у насъ принята, породила цѣлый рядъ нравственныхъ послѣдствій. Отвлеченно-демократическая общественная идеологія сняла отвѣтственность съ личности, съ духа человѣческаго, а потому и лишила личность автономіи и неотъемлемыхъ правъ. Только отвѣтственный — свободенъ и только свободный — отвѣтственъ. Въ нашихъ же демократическихъ соціальныхъ идеологіяхъ и вся отвѣтственность и вся свобода переложены на количественную механику массъ. Прямолинейная демократическая метафизика какъ будто бы не требуетъ перевоспитанія личнаго и національнаго, выработки характера, дисциплины воли личной и общественной, внутренней духовной работы. На этой почвѣ вырабатывалась мораль притязаній, обращенныхъ къ общественной средѣ, мораль ожиданій, что всякое богатство жизни придетъ извнѣ. Вся жизнь оказывалась ориентированной внѣшне, а не внутренно. Такого типа демократическая метафизика придаетъ большее значеніе взвинчиванію массъ, агитации, внѣшнимъ выступленіямъ безъ внутренняго, существеннаго измѣненія человѣческаго матеріала общественности. Такъ создаются призрачныя и совершенно внѣшнія общественныя измѣненія. Это — точка зрѣнія использования, ни на что не смотрящая по существу. Важно не человѣческое развитіе рабочихъ или крестьянъ, не повышеніе ихъ человѣческаго достоинства и качества, не ростъ ихъ силы, которая всегда вѣдь есть духовная сила, а постановка ихъ въ такія условія, при которыхъ неизбежны тѣ или иныя ихъ выступленія, утилитарно нужны. Это и есть путь моральнаго вырожденія

демократіи. И онъ далъ уже свои печальные плоды. Я все время имѣю въ виду не демократическія программныя требованія и заданія, которыя заключаютъ въ себѣ вѣкую правду и справедливость, а тотъ духъ отвлеченной демократіи, ту особую общественную метафизику и мораль, въ которой преобладаетъ внѣшнее надъ внутреннимъ, агитация надъ воспитаніемъ, притязательность надъ отвѣтственностью, количества надъ качествами, уравнительная механика массъ надъ творчествомъ свободнаго духа.

III.

Отвлеченная, ничѣмъ не ограниченная демократія легко вступаетъ во вражду съ духомъ человѣческимъ, съ духовной природой личности. И этому духу отвлеченно-формальной демократіи, всегда обращенному къ внѣшнему, долженъ быть рѣшительно противопоставленъ иной духъ, истинный духъ человѣка и человѣчества, духъ личности и духъ народа. Этотъ духъ, совсѣмъ не противоположный правдѣ демократическихъ программъ, прежде всего требуетъ личнаго и общественнаго перевоспитанія, внутренней работы воли и сознанія, онъ ставитъ судьбу общественности въ зависимость отъ внутренней жизни человѣческой личности, націи, человѣчества, космоса. Духъ этотъ стремится къ истинному соединенію людей, а не къ механическому лишь ихъ сцѣпленію. Соціальное творчество предполагаетъ творческій духъ, оно невозможно безъ творческаго субъекта. Крайняя демократическая метафизика принуждена отрицать творческій духъ, она ждетъ всего отъ механики количествъ, отъ внѣшнихъ количественныхъ перераспредѣленій, въ ней нѣтъ признанія индивидуальной качественности. На этомъ пути отрицается огромное значеніе духовнаго подбора личностей, личныхъ качествъ и призваній, личной годности, не возлагается на личность вся огромная отвѣтственность за судьбу общественности. Наоборотъ, на внѣшнюю общественность, на соціальную среду цѣликомъ возлагается отвѣтственность за судьбу личности, за ея годности или негодности. Но истинное народное самоуправленіе, какъ выявленіе организованной человѣческой энергіи, какъ обнаруженіе народнаго характера, предполагаетъ самодисциплину и самовоспитаніе личности и народа, закалъ воли

Истинное народное самоуправленіе должно возложить отвѣтственность за судьбу общественности на человѣка и его силу, на народъ. Но народъ не есть механическая безформенная масса, народъ есть нѣкій организмъ, обладающій характеромъ, дисциплиной сознанія и дисциплиной воли, знающій чего онъ хочетъ. Демократія, какъ пѣнность, есть уже образовавшійся народный характеръ, выработавшая личность, способная обнаружить себя въ національной жизни. Демократія есть организованная и обнаружившаяся во вѣя потенція человѣческой природы народа, его достигнутая способность къ самоуправленію, къ властвованію. Властвовать можетъ лишь тотъ, кто властвуетъ надъ собой. Потеря личнаго и національнаго самообладанія, расковыиваніе хаоса не только не уготовляетъ демократіи, но дѣлаютъ ее невозможной,—это всегда путь къ деспотизму. Задача образованія демократіи есть задача образованія національнаго характера. Образованіе же національнаго характера предполагаетъ образованіе личнаго характера. Общественное сознаніе, общественная воля должны быть направлены на выработку закала личности. Вотъ этой направленности у насъ и нѣтъ. Демократію слишкомъ часто понимаютъ наизусть,—не ставятъ ее въ зависимость отъ внутренней способности къ самоуправленію, отъ характера народа и личности. И это—реальная опасность для нашего будущаго. Русскій народъ долженъ перейти къ истинному самоуправленію. Но этотъ переходъ зависитъ отъ качества человѣческаго матеріала, отъ способности къ самоуправленію всѣхъ насъ. Это требуетъ исключительнаго уваженія къ человѣку, къ личности, къ ея правамъ, къ ея духовно самоуправляющейся природѣ. Никакими искусственными взвѣсиваніями нельзя создать способности къ самоуправленію. Разъяренная толпа, одержимая корыстными и злыми инстинктами, не способна управлять ни собой, ни другими. Толпа, масса не есть демократія. Демократія есть уже превращеніе хаотическаго количества въ нѣкоторое самодисциплинированное качество. Прежде всего, человѣкъ, какъ и народъ, долженъ стать господиномъ самого себя. Недостатки русской демократіи унаслѣдованы отъ нашего рабства и они должны исправляться въ практикѣ самоуправления.

Такое выдвиганіе личнаго, качественного, духовно-творческаго начала, какъ основоположнаго въ общественной жизни, всего менѣе есть индивидуализмъ. Черезъ внутреннюю работу личности и націи, черезъ выработку качествъ характера утверждается духовная социальность. Рѣчь идетъ все время не только о душѣ человѣка, личности, но также и о душѣ общества и душѣ націи, съ которыми демократическая механика такъ мало считается. Отвлеченный демократизмъ всегда есть формализмъ, онъ не хочетъ знать содержанія народной воли, народнаго сердца, народной мысли, ему важно лишь формальное народовластія. Но содержаніе народной воли есть уже внутреннее, уже духовное содержаніе, извѣстная направленность духа. И демократическому формализму необходимо противопоставить опредѣленное содержаніе народной воли и народнаго сознанія, опредѣленную ихъ одухотворенность. Тогда лишь правда демократіи, правда человѣческаго самоуправленія, соединится съ правдой духа, съ духовными цѣнностями личности и народа. Къ этому мы должны готовиться всѣми силами, чтобы не повторять старыхъ ошибокъ, не попадать въ какой-то безвыходный магическій кругъ, вѣчно порождающій реакціи. Демократія не можетъ быть въ принципѣ, въ идеѣ ограничена сословными и классовыми привилегіями, внѣшне-общественными аристократіями, но она должна быть ограничена правами безконечной духовной природы человѣческой личности и націи, ограничена истиннымъ подборомъ качествъ. Духъ націи глубже демократіи и долженъ направлять ее. Власть не можетъ принадлежать всѣмъ, не можетъ быть механически равной. Власть должна принадлежать лучшимъ, избраннымъ личностямъ, на которыя возлагается великая отвѣтственность и которыя возлагаютъ на себя великія обязанности. Но эта власть лучшихъ должна быть порождена изъ самыхъ нѣдръ народной жизни, должна быть имманентна народу, его собственной потенціей, а не чѣмъ-то навязаннымъ ему извнѣ, поставленнымъ надъ нимъ. Сила демократіи не можетъ быть абсолютной, неограниченной властью, она ограничивается ею самой выдвинутыми качествами. Идеѣ демократіи чужно противопоставить идею самоуправляющейся націи.

ДУХЪ И МАШИНА.

I.

Никогда еще так остро не стоялъ вопросъ объ отношеніи духа и машины, какъ въ наши дни. Міровая война очень заостряетъ эту тему. Наши споры о германизмѣ вращаются вокругъ темы—духъ и машина. Нельзя отрицать, что въ Германіи было много духа, и Германія же пришла къ самымъ совершеннымъ образцамъ механизации и машинизации. Германская машина, какъ бы выброшенная изъ нѣдръ германскаго духа, идетъ впереди, она задавала тонъ въ жизни мирной, а теперь задаетъ тонъ въ войнѣ. Германцы стали рабами собственной совершенной машины. Совершается роковой процессъ машинизации жизни, замѣна органическаго механическимъ. Многихъ пугаетъ и страшитъ этотъ процессъ, сопровождающійся уродливыми явленіями и гибелью старой красоты. Торжество машины, замѣна организма механизмомъ представляется матеріализацией жизни. Но можно-ли сказать, что духъ погибаетъ въ этой матеріализации, что машина изгоняетъ его изъ жизни? Я думаю, что это слишкомъ поверхностный взглядъ. Смыслъ явленія машины и ея побѣдоноснаго движенія совсѣмъ не тотъ, что представляется на первый взглядъ. Смыслъ этотъ—духовный, а не матеріальный. Сама машина есть явленіе духа, моментъ въ его пути. Обратной стороной машинизации и матеріализации жизни является ея дематеріализация и одухотвореніе. Машина можетъ быть понятна, какъ путь духа въ процессѣ его освобожденія отъ матеріальности. Машина разрываетъ духъ и матерію, вноситъ расщепленіе, нарушаетъ первоначальную органическую цѣлостность, спаянность духа и плоти. И нужно сказать, что машина гибельна не столько для духа, сколько для плоти. Машинность, механичность культуры распыляетъ илотъ міра, убиваетъ органическую матерію, въ ней отцвѣтаетъ и погибаетъ органическая матерія, родовая матеріальная жизнь Старый

органической синтезъ матеріальной, плотской жизни въ машинѣ приходитъ къ концу. Ростъ техники во вторую половину XIX вѣка—одна изъ величайшихъ революцій въ исторіи человѣчества. Что-то надломилось въ органической жизни человѣчества и началось что-то новое, все еще не до конца осознанное и опознанное. Быть можетъ, послѣ этой войны будетъ лучше понятно, что случилось съ человѣчествомъ послѣ властнаго вступленія машины въ его жизнь.

Проблема «духа и машины» имѣетъ огромное значеніе для русскаго сознанія, она предстоить передъ Россіей, какъ проблема ея будущаго. Споръ славянофильства и западничества, народничества и марксизма можетъ быть перенесенъ въ духовную сферу и углубленъ. И та точка зрѣнія, которую я хочу защитить, можетъ быть названа «духовнымъ марксизмомъ». Но это, конечно, не болѣе, какъ аналогія. Русскіе любятъ противопоставлять своеобразіе русскаго духа западной матеріальной культурѣ, основанной на механичности и машинности. Свою русскую органическую цѣлостность мы противопоставляемъ западной механической раздробленности. И въ этотъ грозный часъ нашей исторіи мы пытаемся противопоставить русскій духъ германской машинѣ, хотимъ понять эту войну, какъ борьбу духа съ машиной. Въ этомъ чувствѣ войны есть своя правда, но есть и довольно грубое смѣщеніе разныхъ плоскостей и плановъ. Нужно вѣдь признать, что и славянофилы и народники и разныя русскія религіозныя направленія не всегда только духъ противопоставляли машинѣ и власти матеріальности, но также противопоставляли болѣе развитой техникѣ и хозяйству технику и хозяйство менѣе развитое, отсталое и примитивное. Такъ ищутъ спасенія отъ усовершенствованной матеріи въ матеріи несовершенной и отъ высокой степени матеріальнаго развитія—въ низкой ступени матеріальнаго развитія. Но поработающей власти развитой техники можно противопоставить высокой и свободный духъ, но нельзя противопоставить технику отсталую и элементарную. Матеріальная отсталость и элементарность не есть сила духа.

Нельзя, напимѣръ, превращать натуральное хозяйство въ высшую духовность, идеализировать элементарную и

примитивную хозяйственность, какъ болѣе духовное и свободное состояніе. Отсталое, элементарное, примитивное хозяйство нисколько не менѣе матеріально, чѣмъ развитое капиталистическое хозяйство. Если итти назадъ по линіи матеріальнаго развитія человѣчества, то мы не дойдемъ до свободного и цѣльнаго духа, а дойдемъ лишь до болѣе элементарныхъ и примитивныхъ формъ матеріальной жизни. И эта матеріальная линія въ прошломъ упирается въ самую грубую борьбу за существованіе, въ самую тяжкую матеріальную зависимость, царящую въ природѣ. Потерянаго рая мы не найдемъ этимъ движеніемъ назадъ или задержкой въ движеніи впередъ. Это—грубый самообманъ. Славянофилы, такъ дорожившіе примитивнымъ и отсталымъ русскимъ матеріальнымъ бытомъ и съ нимъ связывавшіе высоту нашего духа, въ сущности, держали духъ въ рабской зависимости отъ матеріи. Уничтоженіе сельской общины и патріархальнаго бытового уклада представлялся имъ страшнымъ бѣдствіемъ для русскаго духа и его судьбы. Но можетъ ли русскій духъ такъ зависѣть отъ матеріальной отсталости? Грозитъ ли русскому духу гибель отъ разложенія старой русской матеріи? Немного тогда стоитъ этотъ духъ. Постыдно для духа бояться матеріальнаго развитія и цѣпляться за матеріальную отсталость. Духъ долженъ безстрашно итти по пути матеріальнаго развитія, узрѣвъ въ немъ свою собственную объективацию и манифестацию. Матеріальное развитіе, техника, машина—пути духа. И я думаю, что не только ошибочно противопоставлять совершенной машинѣ, машину несовершенную, но также ошибочно противопоставлять машинѣ—духъ. Можно лишь противопоставлять низкому, рабскому духу духъ свободный и высокій.

II.

Матеріальное, космическое развитіе идетъ отъ первоначальной цѣлостной органичности, скрѣпляющей духъ и плоть и прикрѣпляющей духъ къ матеріи, къ механичности, расщепляющей духъ и плоть, нарушающей цѣльность и освобождающей духъ отъ связи съ матеріей. Этотъ путь можно открыть во всѣхъ сферахъ жизни. Повсюду первоначальная органическая цѣльность расщепляется и разла-

гается, совершается дифференціація и разслоеніе. Утерянная органическая цѣлостность и спаянность въ періодѣ разорванности и разслоенности обманно представляется утеряннымъ раемъ, почти божественнымъ состояніемъ. Но эта первоначальная органическая цѣлостность была не божественнымъ и райскимъ состояніемъ, а природнымъ и скованнымъ состояніемъ. Въ природной органической жизни духъ и плоть еще не дифференцированы, но означаетъ это не высшее состояніе духа, а элементарное его состояніе, всегда связанное съ тяжелой борьбой за существованіе и злымъ принужденіемъ. Духъ еще дремлетъ въ первоначальной органичности, онъ не возвышается еще надъ растительностью и животностью, онъ растворяется еще въ природѣ. Расщепленіе и раздвоеніе—неизбѣжный этапъ въ путяхъ развитія духа, который переживается мучительно и нерѣдко сопровождается чувствомъ смерти. Въ воспріятіи этого пути развитія мы подвержены эстетическому обману. Мы вѣдь очень легко принимаемъ наше творческое эстетическое воспріятіе природы за жизнь самой природы, и съ трудомъ видимъ зло и неволю, заложенныя въ природной жизни. Все органически-природное кажется вамъ болѣе прекраснымъ, чѣмъ все искусственно-механическое. Прекрасенъ цвѣтушій дубъ и уродлива машина, оскорбительна для глаза, уха и носа, нимало не радуется. Мы любимъ дубъ, и хотѣли бы, чтобы онъ унаслѣдовалъ вѣчность и чтобы въ вѣчной жизни мы сидѣли подъ цвѣтушимъ развѣсистымъ дубомъ. Машину же любить мы не можемъ, въ вѣчности ея увидѣть не хотѣли бы, и въ лучшемъ случаѣ признаемъ лишь ея полезность. И какъ соблазнительно желаніе остановить рековой процессъ жизни, ведущій отъ цвѣтущаго дуба къ уродливой и смрадной машинѣ.

Но все же этотъ переходъ отъ органичности дерева, отъ благоухающей растительности къ механичности машины, къ мертвящей искусственности долженъ быть пережитъ и прожить религіозно. Чтобы воскреснуть, нужно умереть, пройти черезъ жертву. И переходъ отъ органичности и цѣлостности къ механичности и расщепленности есть страдальческой, жертвенный путь духа. Эта жертва должна быть сознательно принята. Черезъ нее лишь достигается свобода духа. Машина есть распятіе плоти міра, вознесеніе на крестъ

благоухающихъ цвѣтовъ и поющихъ птицъ. Это — Голгова природы. Въ неотвратимомъ процессѣ искусственной механизации природа какъ бы искупаетъ грѣхъ внутренней скованности и вражды. Природный организмъ долженъ умереть, чтобы воскреснуть къ новой жизни. И вотъ чудовища — машины умертвляютъ природную органическую цѣлостность и косвенно, мучительными путями высвобождаютъ духъ изъ природной связанности. Сдѣлался шаблоннымъ въ религиозной мысли тотъ взглядъ, что машина умерщвляетъ духъ. Но глубже та истина, что машина умерщвляетъ матерію и отъ противнаго способствуетъ освобожденію духа. За матеріализаціей скрыта дематеріализація. Съ вхожденіемъ машины въ человѣческую жизнь умерщвляется не духъ, а плоть, старый синтезъ плотской жизни. Тяжесть и скованность матеріальнаго міра какъ бы выдѣляется и переходитъ въ машину. И отъ этого облегчается міръ.

III.

Реакціонеры романтики, въ тоскѣ и страхѣ держащіеся за отходящую, разлагающуюся старую органичность, боязливые въ отношеніи къ неотвратимымъ процессамъ жизни, не хотѣтъ пройти черезъ жертву, не способны къ отреченію отъ устойчивой и уютной жизни въ плоти, страшатся неизвѣданнаго грядущаго. Хотятъ сохранить старую органичность, старую плоть, селятся не допустить матеріальный міръ до расщепленія и разслоенія. И какъ мало эти люди вѣрятъ въ духъ, въ его безсмертіе и неистребимость, въ его неодолимость темными силами! Судьба духа ввѣряется ветхимъ и элементарнымъ матеріальнымъ формамъ, отъ которыхъ боятся оторвать духъ. Какіе маловѣры всѣ эти видящіе гибель духа въ разложеніи ветхой органической матеріи. Такими маловѣрами оказываются дѣти и внуки славянофиловъ. Страхъ передъ новой жизнью — опредѣляющій ихъ мотивъ. Какой жалкій самообманъ видѣтъ высшее и лучшее въ отсталыхъ формахъ матеріальной жизни по сравненію съ формами болѣе развитыми. какой матеріализмъ въ этомъ чувствуется! Религиозное, христіанское отношеніе къ жизни должно жертвенно принять смерть старой Россіи, старой ея плоти во имя воскресенія Россіи къ

новой жизни. Глубина христіанства въ томъ, чтобы принять и понять изнутри всю жизнь, какъ мистерію Голгофы и Воскресенія. И вся плоть міра должна пройти черезъ распятіе, черезъ раздираніе и смерть. Эта смерть—къ жизни. Но вотъ говорятъ, что св. Францискъ невозможенъ при развитой промышленности, при машинахъ и капиталистическомъ хозяйствѣ. Св. Францискъ возможенъ былъ лишь при натуральномъ, примитивномъ хозяйствѣ, и потому да здравствуютъ элементарныя формы матеріальной жизни, не будемъ допускать развитія! Но если такъ, то я дѣлаюсь марксистомъ и настаиваю на слѣдующемъ роковомъ выводѣ: св. Францискъ—цвѣтокъ натурального хозяйства, духъ обусловливается экономическими факторами. Религіозное отношеніе къ жизни рушится, и о святости лучше совсѣмъ не говорить. Или нужно безстрастно стать на другой путь и признать, что духъ не зависитъ отъ матеріи и что функціональная связь духовнаго и матеріальнаго на поверхности жизни изъ глубины, изнутри совсѣмъ иное означаетъ. Эта независимость и свобода духа должна быть обнаружена мучительнымъ путемъ механизациі, машинизациі матеріальной жизни. Только путь разслоенія, раздвоенія и дифференциациі жизни даетъ настоящій опытъ и познаніе жизни. Это—путь свободы, свободного изживанія всѣхъ потенцій.

IV.

Въ началѣ все органически-плотское было освященное и священное. Религіозное освященіе плотской жизни и ея элементарныхъ матеріальныхъ орудій свойственно всѣмъ натуралистическимъ религіямъ и самому христіанству въ натуралистическомъ его періодѣ. Священенъ былъ плугъ, которымъ пахали землю. Сама земля была священна и растенія и животныя и все хозяйственно-матеріальное. Въ первоначальномъ фазисѣ своего развитія человѣчество не могло выковывать хозяйственныхъ орудій борьбы за жизнь безъ религіозной санкціи. Ощущеніе священности матеріальной жизни всюду сопровождало человѣка. Это освященіе плотской жизни и ощущеніе ея божественной органичности не вполнѣ покинуло человѣка и въ наше время. Но на высокихъ ступеняхъ историческаго развитія вся матеріальная жизнь роковымъ образомъ перестаетъ быть священной. Все секуляризуется, Машина не священна и не священенъ

современный индустриализмъ. Машина и не нуждается въ освященіи. Только органическое ощущается священнымъ, механическое никогда не ощущается священнымъ. Секуляризація всей внѣшней жизни сѣязана съ расщепленіемъ и раздвоеніемъ, съ утерей первоначальной органической цѣльности. Сознательное согласіе на секуляризацію жизни есть согласіе на жертву, на отреченіе отъ прекрасныхъ и возвышенныхъ обмановъ. Все священное входитъ внутрь, въ духъ. Обратной стороной этого обрелигіозиванія и обездушиванія жизни является углубленіе религіозности и большее одухотвореніе. Религія перестаетъ быть плотски бытовой и становится духовной, глубинной. Секуляризація, какъ и машина, убиваетъ не духъ, а матерію. Машинизація есть отрываніе и выдѣленіе матеріальной тяжести изъ духа, облегченіе духа. Но облегченіе это достигается тѣмъ, что переживается кошмаръ и смертная тоска машинности.

То, что было вѣчно въ дубѣ, въ цвѣтахъ и шипахъ, то преобразится и пребудетъ въ духѣ, то сохранить свою непреходящую форму, освобожденную отъ матеріальной тяжести и скованности. Но нельзя идеализировать органическую природу и ея естественный порядокъ, въ которомъ все основано на борьбѣ за существованіе и взаимномъ истребленіи и пожираніи. Нельзя смѣшивать своего творческаго прозрѣнія красоты природы съ ея естественнымъ порядкомъ. Природно-органическое не есть еще цѣнное, не есть то высшее, что нужно охранять. Истинная жизнь—творимая жизнь, а не исконная данная жизнь, не органически-элементарная, животное-растительная жизнь въ природѣ и въ обществѣ. И въ физическомъ организмѣ, борющемся за существованіе въ природномъ порядкѣ, не больше окончательной правды, чѣмъ въ машинѣ. Съ болѣе глубокой точки зрѣнія дубъ и машина—въ одной линіи. Развитие въ матеріальномъ планѣ идетъ отъ элементарнаго природнаго организма къ сложной искусственной машинѣ. Это—путь расслоенія матеріи, того искусственнаго ея усложненія, которое ведетъ къ освобожденію отъ матеріи, отъ тяжести ея органическихъ функций. Человѣчество должно безстрашно, съ полною вѣрой въ неистребимость своего духа проходить черезъ матеріальное развитіе, черезъ машину и технику и перестать искать спасенія исключительно въ

прошломъ. Боязнь и страхъ машины есть матеріализмъ и слабость духа. Обращеніе къ элементарному органическому прошлому, идеализація его, боязнь страдальческаго развитія есть малодушіе и любовь къ покою, лѣдность духа. Только тотъ достигаетъ свободы духа, кто покупаетъ ее дорогой цѣной безстрашнаго и страдальческаго развитія, мукой прохожденія черезъ дробленіе и расщепленіе организма, который казался вѣчнымъ и такимъ уютно-отраднымъ. Въ старыи рай подъ старыи дубъ нѣтъ возврата. Болѣе элементарнаго и менѣе мучительнаго прошлаго не вернешь. Огромный смыслъ явленія машинъ—въ томъ, что она помогаетъ окончательно порвать съ натурализмомъ въ религіи. Машина какъ бы клещами вырываетъ духъ изъ нѣдръ природной матеріи. Это процессъ очень мучительный и трудный, много радостей жизни въ немъ гибнетъ. И нужна большая вѣра въ силу духа, чтобы устоять въ этомъ процессѣ. Первоначально онъ воспринимается, какъ торжество матеріи и гибель духа. И лишь на большой глубинѣ процессъ этотъ постигается иначе.

Россія переживаетъ сейчасъ очень отвѣтственный моментъ, она стоитъ на перепутьи. Ей предстоитъ еще жертвенно отречься отъ своего матеріальнаго органическаго прошлаго, отъ стараго своего хозяйствованія, отъ стараго своего государствованія, которое многимъ еще представляется органическимъ, но которое уже подгнило въ своей основѣ и разлагается. Русское сознаніе должно отречься отъ славянофильскаго и народническаго утопизма и мужественно перейти къ сложному развитію и къ машинѣ. Въ Россіи есть смѣшеніе двухъ стилей—аскетическаго и имперіалистическаго, монашескаго и купеческаго, отрекающагося отъ благъ міра и обдѣлывающаго мірскаго дѣла и дѣлишки. Такое смѣшеніе не можетъ долѣе продолжаться. Если Россія хочетъ быть великой Имперіей и играть роль въ исторіи, то это налагаетъ на нее обязанность вступить на путь матеріальнаго техническаго развитія. Безъ этого рѣшенія Россія попадаетъ въ безвыходное положеніе. Лишь на этомъ пути освободится духъ Россіи и раскроется ея глубина.